

Μαριε Ζαγορ

ΑΠΗΛΑΠΥΡΗΝΑ

Ταμπάκης

Annotation

В 1950 году человеку впервые удалось победить восьмитысячник Аннапурну. Автор книги – известный французский альпинист, участник этого восхождения, рассказывает о необычайных трудностях и приключениях, которые выпали на долю его участников.

Полные драматизма страницы – свидетельство блестящей победы человека над природой – заставляют читателя радоваться и страдать вместе с героями этой удивительной повести. Книга повествует о первом в истории человечества восхождении на вершину выше 8000 м – на Аннапурну в Гималаях. Много ч/б фотографий в составе текста и на отдельных вкладках, есть разворотная карта-схема районов Дхаулагири и Аннапурны.

- [Морис Эрцог](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Введение](#)
 - [Революция во дворце](#)
 - ["Острова"](#)
 - [Неизвестное ущелье](#)
 - [Восточный ледник](#)
 - [В поисках Аннапурны](#)
 - [Военный совет](#)
 - [Миристи-Кхола](#)
 - [Ребро](#)
 - [Аннапурна](#)
 - ["Серп"](#)
 - [Лагерь II](#)
 - [Штурм](#)
 - [3 июня 1950 года](#)
 - [Трещина](#)
 - [Лавина](#)
 - [Отступление](#)
 - [В лесах лете](#)
 - [По рисовым полям](#)
 - [Горакпур](#)
 - [Есть еще другие Аннапурны](#)

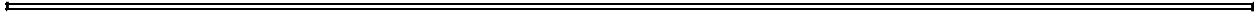
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

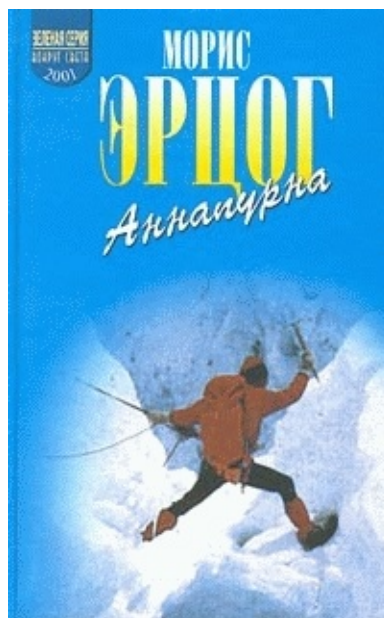
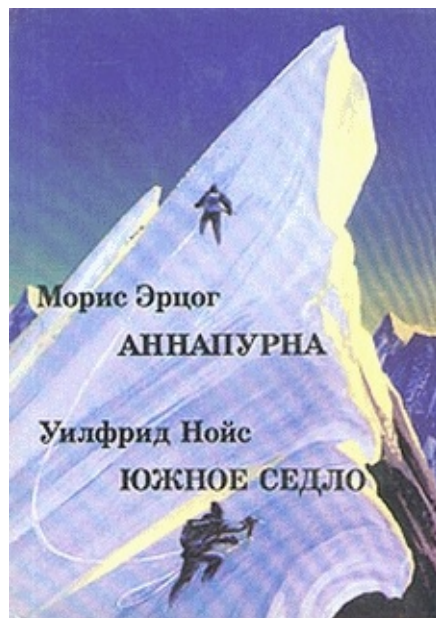
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
- [118](#)

Морис Эрцог
Аннапурна

Предисловие

Восхождение на Аннапурну произвело огромное впечатление на весь мир, с течением времени еще более усилившееся. Эта победа, без сомнения, – одно из наиболее выдающихся и волнующих событий наших дней.

После многих усилий и постепенного накопления больших и малых

успехов Морис Эрцог и его товарищи покорили не только наиболее высокую из всех вершин, взятых до тех пор человеком, но и первую вершину, превосходящую 8000 метров, одну из высочайших в мире.

Добившись с первого раза успеха в совершенно неисследованной местности, французские альпинисты совершили подвиг, который лучшие знатоки Гималаев до тех пор считали невозможным. Покойный ныне знаменитый английский альпинист Френк Смит, принимавший участие в пяти гималайских экспедициях, взошедший на Камет и достигший на склонах Эвереста высоты 8500 метров, писал: "Восхождения в Гималаях сопряжены с такими трудностями, что, по всей вероятности, никакой экспедиции не удастся с первого раза победить одну из двенадцати 1 величайших вершин мира"^[1].

И все же на Аннапурне экспедиция 1950 года сумела этого добиться.

В условиях Гималаев успешное восхождение является победой всей команды. Все участники экспедиции, каждый на своем посту, в более или менее трудных условиях показали себя достойными оказанного им доверия; честно выполняя свой долг, они сделали все возможное для спасения двух пострадавших товарищей. Однако, отдавая должное заслугам всех участников экспедиции, можно утверждать, что победа команды была также и прежде всего победой ее руководителя.

Правильность нашего выбора в первую очередь подтверждается тем чувством любви, граничащей с благоговением, которое питают к Эрцогу его товарищи.

Гималаи не открыли нам ничего нового в личности Мориса Эрцога: все его прошлое являлось порукой тому, что руководство экспедицией доверено действительно наиболее достойному. Однако эта экспедиция дала ему возможность в самых тяжелых условиях проявить себя блестящим образом, показать, что он действительно является душой этого выдающегося предприятия и что ему присущи лучшие человеческие черты.

Его характер и ум открыли ему дорогу ко многим областям жизни. Хорошо разбираясь в практических вопросах, он мог в то же время наслаждаться поэзией Малларме или «Размышлениями» Паскаля. Он так же свободно чувствовал себя в конторе какой-нибудь фирмы, как и на итальянском гребне Монблана.

Исключительная сердечность и доброта, завоевавшие ему всеобщие симпатии, сочетались в нем с умением принимать в случае необходимости твердые решения и со способностью правильно оценивать людей. Здравый рассудок сдерживал порывы его поразительной энергии.

Факты говорят сами за себя.

В продолжение всей экспедиции он находился в исключительной спортивной форме, превосходя по силе и выносливости даже таких, казалось, ни с кем не сравнимых мастеров, как Лионель Террай и Луи Ляшеналь. В его поведении отразились и воля к победе, и вера в успех, которые он сумел передать не только всем участникам экспедиции, но даже нам, находящимся за тысячи километров.

Не жалея себя, выбирая самую трудную работу, укрепляя свой авторитет личным примером, находясь всегда впереди, он обеспечил победу.

В течение длительного завершающего этапа восхождения в полной мере проявились здравый смысл и решительность Эрцога. В обычных условиях следовало бы организовать еще один, шестой лагерь. Однако Морис понял, что один день промедления может стоить вершины, и не колеблясь вышел на штурм.

Известно, какой дорогой ценой пришлось заплатить за победу. Морис проявил при этом еще больше твердости и мужества, чем во время штурма. Ни одной минуты он не думал о себе. Так, характерно для него, что, когда группа выбралась из трещины, служившей ей местом ночевки, первой мыслью Эрцога была мысль о товарищах, его первыми словами – просьба оставить его, чтобы увеличить шансы на спасение остальных.

Нескончаемый обратный путь под муссонными ливнями, многочисленные операции, долгие месяцы страданий, когда Эрцог, прикованный к постели, лежал в госпитале, – все осталось позади. Как никогда, он покоряет нас своей простотой и трогательной душевной чуткостью. Мы с восхищением наблюдаем, как он возрождается для жизни, в которой он видит теперь больше хорошего, потому что он сам стал лучше.

И вот у нас в руках эта книга, ни с чем не сравнимый успех которой является победой сердцам творческого разума.

Она не похожа ни на какую другую книгу. Задуманная как роман, она в действительности является самой правдой, той правдой, которую так трудно бывает запечатлеть и выразить словами. Простой, дружеский тон повествования, искреннее и объективное изложение событий и характеристика действующих лиц придают этому произведению волнующую достоверность.

Впервые в жизни мы все участвуем в гималайской экспедиции бок о бок с ее руководителем и его товарищами. Вы ведете нас за собой, дорогой Морис, вплоть до самого конца, конца сурового опыта и несказанно тяжелых испытаний.

Читать спокойно эти страницы невозможно. Душа потрясена этой трепещущей, проникнутой гуманизмом чуткостью, сочетающейся с поразительным мужеством и несгибаемой волей.

Мы благодарим вас за то, что вы поняли, как можно быть откровенным, не изменяя скромности. Без такой искренности все ухищрения разума были бы тщетными. Нужна была смелость, чтобы правдиво передать эти волнующие минуты, когда личное сливается с общим.

Сверкающий скалами и льдом чарующий мир вершин является своего рода катализатором: не будучи бесконечностью, он заставляет ее чувствовать. Высоты дают нам лишь то, что мы сами в них вкладываем.

Альпинизм – это средство выражения человеческих чувств. Он находит свое оправдание в людях, которых он создает, в своих героях.

Именно это основное почувствовал вместе с нами весь народ, окруживший победителей Аннапурны славой и восхищением.

В борьбе с вершиной, в стремлении к необъятному человек побеждает, обретает и утверждает прежде всего самого себя.

В крайнем напряжении борьбы, на грани смерти Вселенная исчезает, оканчиваясь рядом с нами. Пространство, время, страх, страдания более не существуют. И тогда все может оказаться доступным. Как на гребне волны, как во время яростного шторма, внезапно воцаряется в нас странное, великое спокойствие. Это не душевная опустошенность, наоборот – это жар души, ее порыв и стремление. И тогда мы с уверенностью осознаем, что в нас есть нечто несокрушимое, сила, перед которой ничто не может устоять.

Рожденное пламя никогда не угаснет. В невероятных страданиях открываются бесценные сокровища.

Не в этой ли уверенности, что все теперь к лучшему, черпал Эрцог спокойное мужество, преодолевая свою голгофу?

Вершина у наших ног. Над золотистым морем облаков другие вершины всплывают к лазури небосвода, и горизонт беспределен.

Побежденная вершина уже более не вершина. Действительно, будет ли завершением, будет ли окончательным ответом достижение поставленной цели?

*Люсьен Деви,
председатель Гималайского комитета и Французской альпинистской ассоциации.*

Введение

Люсьену Деви, который был одним из наших

Писать книгу мне пришлось впервые в жизни. Я и не подозревал, что это так трудно.

Порой работа казалась мне невыносимой, но я взялся за это дело, чтобы от имени своих товарищей рассказать о пережитой нами трагической эпопее, о том, как лишь благодаря ряду чудес, и сейчас еще представляющихся мне невероятными, нам удалось остаться в живых.

Страницы этой книги повествуют о подвигах людей в борьбе с безжалостной природой, об их волнениях, надеждах и радостях.

Я сознательно строго придерживался истины и старался в меру своих сил передать необычный характер окружавшей нас обстановки и изобразить происходившие события с точки зрения восприятия их человеком.

Вся эта книга была продиктована мной в американском госпитале в Нейи, где и сейчас еще я провожу невеселые дни.

Основой повествования служат, конечно, мои личные воспоминания. Если этот рассказ обладает достаточной точностью и полнотой, то это в первую очередь является заслугой Марселя Ишака, который с такой настойчивостью вел дневник экспедиции – важный документ, писавшийся подчас в самый разгар происходивших событий. Большую пользу принес мне личный дневник Луи Ляшеналея, а также уточнения, сделанные всеми моими товарищами. Таким образом, эта книга является, в сущности, коллективным трудом.

Ее язык, часто сбивающийся на разговорный, был выправлен и отшлифован моим братом Жераром Эрцогом, с которым я делил как первые радости альпинизма, так и первые жизненные испытания. Если бы не вера в него, не поддержка, которую он мне оказывал изо дня в день, вряд ли я смог бы когда-нибудь завершить эту работу.

В этой книге читатель не найдет имени Роберта Буайе, который так много сделал для нашей экспедиции. Но его дружба, его чуткость были для меня в самые тяжелые дни неоценимой поддержкой.

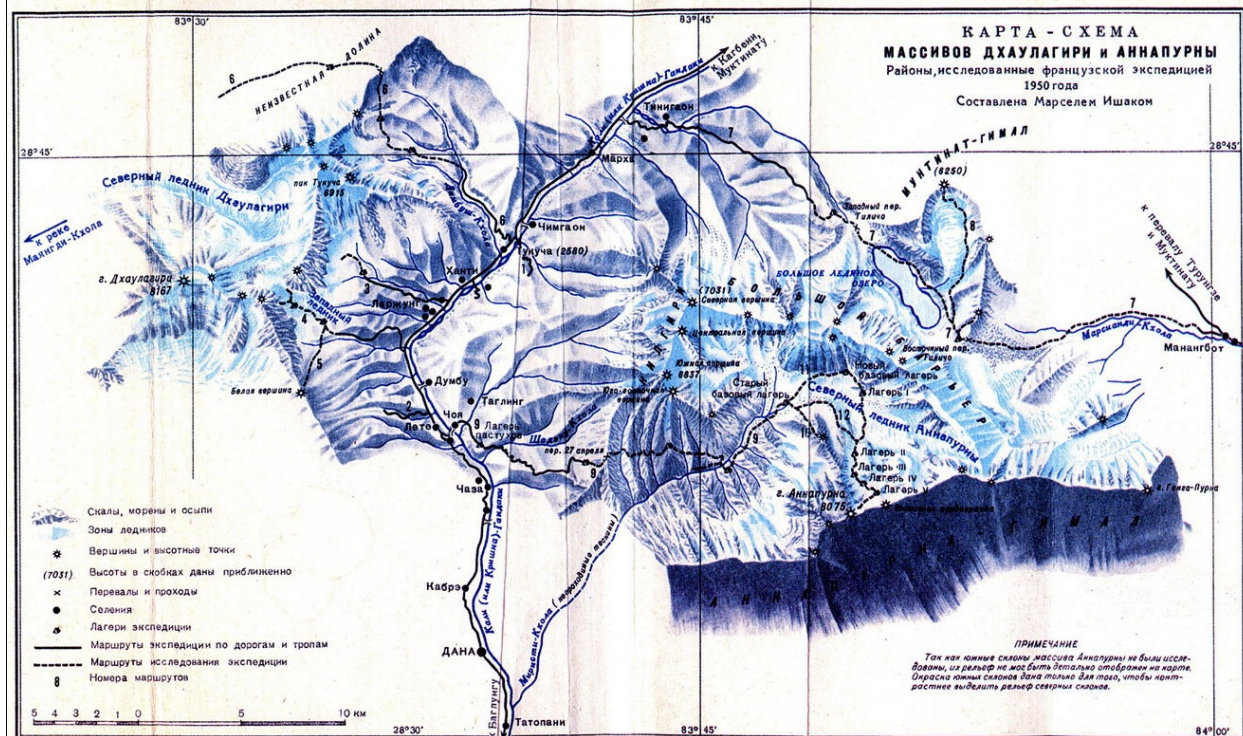
Всем нам, девяти членам экспедиции, эта книга по многим причинам будет всегда дорога.

Мы были равны в труде, в радостях и в горе. И мое самое горячее

желание – чтобы, сплотившись перед лицом смерти, мы осознали истинное величие Человека.

В самые ужасные моменты агонии мне показалось, что я постиг глубокий смысл жизни, который прежде был от меня скрыт. Я понял, что правда важнее силы. Следы ужасных испытаний сохранились на моем теле. Я был спасен и обрел свободу. Эта свобода, ощущение которой меня с тех пор не покидает, дает мне чувство уверенности и спокойствие человека, исполнившего свой долг. Она наполняет меня безграничной радостью, любовью к тому, что раньше я презирал. Новая, прекрасная жизнь начинается для меня!

Эта книга нечто большее, чем рассказ, это – свидетельство. То, что кажется лишенным смысла, порой имеет глубокое значение. Таково единственное оправдание бесцельных на первый взгляд поступков.

МАРШРУТЫ ЭКСПЕДИЦИИ

1. К панорамному пункту к юго-востоку от Тукучи. Ж. Кузи, 23 апреля.
2. К наблюдательному пункту над Лете. Ж. Удо и М. Шац, 27 апреля.
3. Разведка к основанию гребня Дхаулагири — вершина Тукуча. Л. Ляшеналь и Г. Ребиоффа, 24—25 апреля.
4. Попытки подъема на восточный ледник Дхаулагири. М. Эрцог, Л. Ляшеналь и Г. Ребиоффа — с 1 по 4 мая, Ж. Кузи, М. Шац и Ф. де Нуаель, с 5 по 10 мая, Ж. Удо и Л. Террай, 10 и 11 мая.
5. К Белой вершине (в продолжении юго-восточного гребня Дхаулагири). Л. Ляшеналь, Ф. де Нуаель и Г. Ребиоффа, 4 мая.
6. Разведки северного склона Дхаулагири. М. Эрцог и М. Ишак, 27 апреля. Они же, с 26 по 29 апреля. Ж. Удо и Л. Террай, с 3 по 6 мая.
7. Разведка на перевал Тиличо и по направлению к ущелью Манангбот. М. Эрцог, М. Ишак и Г. Ребиоффа, с 7 по 14 мая.
8. Восхождение на вершину хребта Муктинат-Гимал. М. Ишак и Анг-Таркэ, 12 мая.
9. По ущелью Миристи-Кхола и северному леднику Аннапурны. Ж. Кузи, Ж. Удо и М. Шац, с 26 апреля по 1 мая. Этот маршрут был вновь пройден с 14 мая всем коллективом экспедиции и продолжен вплоть до вершины Аннапурны маршрутом № 11.
10. Попытка подъема по северо-западному ребру Аннапурны. Ж. Кузи, М. Эрцог, Л. Ляшеналь, Г. Ребиоффа, М. Шац и Л. Террай, с 18 по 22 мая.
11. См. маршрут № 9.
12. Вариант пути между нижним ледником и лагерем П. М. Шац, 23 мая.

Карта-схема маршрутов экспедиции (с форзаца книги)

Революция во дворце

Отъезд близок. Закончим ли мы когда-нибудь сборы? Весь персонал Французского альпинистского клуба мобилизован.

Ни одной свободной минуты, чтобы навести хоть какой-нибудь порядок. Корреспонденция нас заваливает. На столах – внушительные груды различных бумаг.

С оглушительным грохотом выгружаются тяжелые ящики с высокогорной одеждой, обувью, кислородными баллонами, печеньем, с гвоздями всех размеров, связки консервных ножей, чехлы для палаток...

В доме № 7 по улице Ля Боэти свет горит ежедневно далеко за полночь – царит всеобщее возбуждение. Гималайский комитет заседает почти каждый вечер. Ровно в девять с точностью часового механизма входят один за другим важные лица, от которых зависит в период отъезда судьба экспедиции. На этих секретных совещаниях выносятся серьезные решения. Комитет утверждает смету, обсуждает возможные случайности, оценивает риск и, наконец, назначает участников.

Уже несколько дней, как состав экспедиции известен. У нас будет хороший коллектив!

Высокий, с благородными чертами лица, Жан Кузи самый молодой из нас. Ему 27 лет. Он блестящий инженер, авиационный специалист, и сначала мы делаем вид, что считаем его безнадежно затерявшимся в дебрях уравнений. Жан молодожен, однако не колеблясь покидает свою жену Лиз, чтобы принять участие в этой волнующей экспедиции. Молчаливо устремив взор куда-то вдаль, он как будто постоянно размышляет о современных сложных проблемах электроники. Как-то раз в самый разгар сборов среди всеобщей лихорадки Жан пришел ко мне и со свойственным южанам темпераментом (он родом из Нерака), помогая себе жестами, завел бесконечный разговор о том, как классифицировать сложность маршрута при восхождении.

- Взгляни на этот график! – говорит он мне.
- Чудесная лестница!
- Это северная стена Дрю, – торжествующе заявляет он. – Все ясно!
- А если буря застанет на полпути?
- Да, конечно, однако... Ну что же, тогда график изменится!

Марсель Шац также поедет с нами. Это постоянный партнер Кузи, они составляют замечательную связку. Шац на два года старше своего друга и

более коренаст. Он всегда элегантен, что неудивительно, так как он служит управляющим в одном из крупных магазинов готового платья, принадлежащих его отцу. Марсель любит хорошую организацию, порядок и методичность. Во время восхождения он охотно берет на себя организацию бивуака.

Марсель Шац влюблен в альпинизм, а так как он холост, то ничто не мешает ему проводить отпуск в горах. Хотя он парижанин и, следовательно, живет в отдалении от своей обетованной земли, застать его в городе в субботу можно лишь очень редко.

Что касается Луи Ляшенала, то еще несколько лет назад он был любителем, то есть совершал восхождения для собственного удовольствия. В настоящее время он преподаватель в Национальной школе альпинизма и лыжного спорта.

Для жителей Шамони он "иностранец". Это означает, что Ляшеналь не уроженец "долины". Он из Аннеси. По мнению местных жителей, патриотов своих гор, такое происхождение считается "нечистым". Тем не менее Луи удалось вместе с Лионелем Терраем и Гастоном Ребюффа вступить в знаменитую Компанию гидов Шамони – общество, не имеющее себе равных в мире по количеству и по квалификации своих членов. Среднего роста, с быстрым и проницательным взглядом, Луи в разговоре может подчас выкинуть что-нибудь невероятное. Он обожает все чрезмерное, его суждения иной раз ошеломительны. Будучи прямым и искренним, он не колеблясь признает свои ошибки. Вдвоем с Лионелем Терраем они никогда не упускают случая пройти в качестве «любителей» наиболее сложные маршруты Альп.

Лионель Террай, хотя и уроженец Гренобля, также работает проводником в Шамони. Вместе с Ляшеналем они образуют «неотразимую» связку. Преград для них не существует. Террай питает слабость к категоричным и утрированным утверждениям. Между ними идет непрерывное соревнование – кто больше преувеличит. Последнее слово всегда за Терраем. Лионель – интеллигент, сын врача, однако ему нравится выдавать себя за такого "зверя", идеалом которого является лишь мускулатура. Он увлечен своей профессией проводника. Во время войны Лионель владел фермой в Уше и брал на работу лишь тех, кто любит горы и не боится труда, – нелегкое требование, так как о людях он судил по себе. Сейчас Лионель в Канаде. Уже в прошлом году он преподавал там новейшую французскую технику лыжного спорта. Террай привез оттуда массу новых ругательств.

"В настоящее время, – писал он мне, – я катаюсь на лыжах в раю".

Лионель появится здесь за восемь дней до отъезда. Сейчас связь с ним поддерживается лишь при помощи переписки, и это, конечно, нелегко.

У Гастона Ребюффа позорное для альпиниста, а тем более для проводника происхождение. Он родился на берегу моря. Компании гидов потребуются долгие годы, чтобы

смыть это темное пятно. Однако именно на прибрежных утесах Каланк, между Марселем и Касси, Гастон приобщился к скалолазанию. Среди участников экспедиции он самый «высотный» – на голову выше всех нас. Им были пройдены наиболее сложные стены Альп, причем часто одна за другой. Его молодая жена Франсуаза и дочь редко видят его во время альпинистского сезона: Шамони, Кортина-д'Ампеццо, Церматт... В настоящее время он читает лекции в Италии, но я напишу ему, чтобы он немедленно возвращался.

Все эти люди составляют то, что именуется штурмовой группой. Во Франции найти лучших было бы невозможно. Между прочим, никаких протестов, даже молчаливых, такой состав экспедиции не вызвал. Если бы среди альпинистов провести плебисцит, то были бы названы те же имена.

Что касается кино съемки, то тут никаких сомнений быть не могло. С нами едет Марсель Ишак, и это значительный козырь в нашей игре.

В 1936 году Марсель уже побывал в Гималаях, принимал участие во многих экспедициях; как только он прибудет, его советы будут для нас неоценимы. В настоящее время Ишак еще в Гренландии вместе с Полем Эмилем Виктором^[2].

Затем он помчится в США, чтобы заснять первенство мира по лыжам в Аспене, и сюда вернется лишь за несколько дней до нашего отъезда в Индию. Его обязанности будут весьма разнообразны. Во-первых, ему предстоит снять фильм о нашей экспедиции. Во-вторых, он будет ответственным за все, что имеет отношение к фото. У каждого из нас есть свой аппарат, однако заботы об уходе за фотоаппаратурой, о фотоматериалах, о проявлении заснятых негативов ложатся на него. Марсель отличается умом, инициативен и любознателен, а потому ему также доверено ведение всей научной документации.

Женщина для альпиниста является главной опасностью. Всем нам известна эта непреложная истина. Что касается

Ишака он успешно разрешил вопрос, женившись на альпинистке!

Врачом экспедиции едет первоклассный хирург – Жак Удо, так что каждый может позволить себе такую роскошь, как перелом. Жак очень занят на своей работе и запретил нам его беспокоить в госпитале Сальпетриер, где под руководством своего шефа Мондора он занимается

сосудистой хирургией. Смелость его операций представляется мне невероятной, и я неизменно спрашиваю его: "Ну и как?.. Он не умер?" Наивность невежды! Мои вопросы по хирургии всегда приводят его в веселое настроение. Хирурги-альпинисты встречаются редко. С Удо я хорошо знаком и знаю, на что он способен. В Гималаях он будет неоценим.

– Так как же, Удо, решаешься?

– Это, конечно, соблазнительно, но знаешь... Я скажу тебе завтра! – обещает он.

Такая волынка длится уже неделю. Деви и я как на иголках. За два дня до отъезда мы наконец вырываем у него долгожданное "да".

Жан будет следить за здоровьем всех участников экспедиции, в случае необходимости лечить их, а также постоянно информировать меня о спортивной форме моих товарищей, о степени их акклиматизации... С другой стороны, он по возможности будет применять свои таланты для оказания врачебной помощи местному населению.

Трудным делом является подбор офицера связи. Мы предпочли бы француза, с которым нам было бы проще объясняться. Нам говорили о некоем молодом дипломате нашего посольства в Нью-Дели. Предъявляемые требования велики: офицер связи должен говорить помимо английского также и на основных местных наречиях: гуркали, тибетском... Он же будет ведать вопросами транспорта и, кроме того, налаживать дипломатические отношения с властями Непала как в столице Катманду, так и в районах, через которые будет проходить экспедиция. В наших глазах Франсис де Нуаель представляется с этих точек зрения

идеалом. Он сам завзятый альпинист и хорошо знает горы, что для нашей команды имеет существенное значение.

Это единственный участник экспедиции, с которым я лично незнаком. Впрочем, его родители и сестры наговорили мне о нем столько хорошего, что кажется, мы с ним давно уже друзья. Крепкий парень с живыми глазами быстро находит выход из любого положения, за словом в карман не полезет. Не так давно Франсис был в Катманду, сопровождая в поездке по Индии и Непалу нашего посланника Дани-еля Леви, авторитет которого в этих странах весьма велик. Франсис участвовал в переговорах, в результате которых экспедиция получила разрешение проникнуть в глубинные районы Непала. В Индии профессор Раоль, ранее уже принимавший участие в нескольких гималайских экспедициях, поможет Франсису завербовать в Дарджилинге шерпов^[3], большинство которых ему лично знакомо.

Такова наша команда.

Все члены ее – бывалые альпинисты. У каждого ярко выраженная

индивидуальность и своеобразный характер. Все жаждут попасть "на острова"^[4], о которых мы мечтаем годами. Для достижения заветной мечты ничего не жалко. Это прекрасно выразил Ляшеналь:

– Я готов туда ползти на коленях!

– С радостью! – добавляет Ребюффа.

Да, надо признаться: они отдались этой идее с бескорыстной страстью. Уезжая, каждый знает, что ему ничего не принадлежит и что по возвращении он ничего не получит (Все без исключения доходы должны поступать в фонд, предназначенный для финансирования будущих экспедиций).

Бескорыстная цель влечет этих людей, обеспечивая сплоченность альпинистов столь различного происхождения и даже с противоположными характерами.

Остающиеся до отъезда дни можно перечесть по пальцам. Шац и я бегаем по поставщикам. Наседая на них, получаем все необходимое. Каждый вечер прибывают, выгружаются и складываются самые невероятные грузы весом от нескольких граммов до сотни килограммов.

Руки болят от многочисленных прививок: желтая лихорадка, холера, оспа... Но какое это имеет значение! Каждый по мере своих сил участвует в сборах. Необходимо, чтобы все было готово вовремя.

Вечером 28 марта последнее заседание Гималайского комитета. Присутствуют все участники экспедиции.

Люсьен Деви, председатель комитета и инициатор экспедиции, делает краткий исторический обзор гималайской эпопеи и уточняет наши задачи.

– Своим величием^[5] Гималаи вполне заслужили название третьего полюса мира. Двадцать две экспедиции различных стран пытались победить восьмитысячник. Ни одна не смогла этого достичь.

Далее он определяет нашу цель:

– Дхаулагири (8167 метров) или Аннапурна (8075 метров) в самом сердце Непала. В случае невозможности восхождения на эти вершины, в чем ничего позорного не будет, следует взойти на «утешительные» вершины.

Экспедиция, оснащенная шестью тоннами продовольствия и снаряжения, должна будет пересечь границу Индии и проникнуть на территорию Непала, которая до этого была под запретом. После трехнедельных подходов к высокогорным долинам экспедиция достигнет Тукучи, этого непальского Шамони, географическое месторасположение которого замечательно. Действительно, это селение находится между

Дхаулагири и Аннапурной.

Предыдущие гималайские экспедиции выбирали объекты для восхождения в известных и уже обследованных районах. У нас же нет никаких данных по нашим двум восьмитысячникам. Пути подходов совершенно неизвестны. Карты, которыми располагает экспедиция, весьма неточны и практически неприменимы в высокогорье. Таким образом, нашим товарищам придется по прибытии на основную базу Тукучу в первую очередь произвести разведку обоих массивов. Лишь после того как они ознакомятся с местностью и наметят план штурма, можно будет приступить к попытке восхождения...

Наш друг Люсьен Деви продолжает:

– Необходимо будет провести медицинские, геологические, этнографические, метеорологические и географические исследования...^[6]

Задача необъятна!

Я полностью уверен в своих товарищах. Лучшей команды в настоящее время собрать невозможно. Каждый знает достоинства друг друга. Снаряжение и оборудование, которым мы оснащены, также вселяют в нас уверенность в успехе экспедиции. Промышленность Франции оказала нам неоценимую помощь. В течение нескольких месяцев было спроектировано и изготовлено предельно легкое, прочное и удобное снаряжение.

Что можно добавить? Есть ли еще неясные вопросы?

Темная и мрачная комната, где мы собрались, кажется мне сегодня величественной и торжественной.

Все сказано! После этой паузы для нас начинается пора необыкновенных приключений, представить которые мы себе еще не можем, но, будучи альпинистами, уже теперь предвидим.

Обрывается связь между этими важными, рассудительными лицами и загорелыми, полными жизни членами экспедиции.

Снова встает Люсьен Деви. После некоторой паузы, отчетливо произнося каждое слово, он говорит:

– Господа, вот присяга, которую вы должны принести так же, как ваши предшественники в 1936 году: "Клянусь своей честью повиноваться начальнику экспедиции во всем, что он найдет нужным для успеха экспедиции".

Альпинисты не любители церемоний. Мои товарищи стоят смущенные и взволнованные. Что они должны делать?

– Итак, господа! Начинай, Мата ^[7], ты ведь ветеран! Анри де Сегонь – начальник гималайской экспедиции

1936 года – оказывается на высоте. Благодаря его помощи и советам наша экспедиция смогла выиграть свое первое сражение – отъезд. Сейчас он снова берет на себя инициативу:

– Давай, Мата!

Одновременно с присягой Ишака и почти сливаясь с ней раздается робкий голос Террая. Поочередно все клянутся повиноваться начальнику экспедиции при любых обстоятельствах и особенно в решающие моменты.

Возможно, речь идет об их жизни.

Они это знают. И полностью полагаются на меня.

Я хотел бы сказать несколько слов, но не могу.

Никакое чувство не может сравниться с этим безграничным доверием человека к человеку, ибо оно включает в себе все другие чувства.

В эту минуту родилось наше товарищество. Я обязан его сохранить.

Комитет решает вопросы широко; возлагая на меня всю ответственность за экспедицию, он предоставляет мне одновременно полную свободу действий.

Собрание заканчивается, но для меня вечер уже омрачен: Пьер Аллен, этот выдающийся представитель французского альпинизма, который так много сделал для всех нас, с нами не едет, расшатанное военными годами здоровье не позволяет ему участвовать в длительных экспедициях. Лучше, чем кто бы то ни было, я знаю, что для него значат Гималаи, сегодня – это потерянный рай. Лицо Аллена не отражает его внутренних переживаний. Он даже улыбается, радуясь нашему отъезду. Там, далеко в Азии, наши мысли не раз еще будут обращаться к близкому другу, с которым нас разлучила судьба.

Сегодня, 29 марта, все те, кто помогал экспедиции, собрались здесь, в залах на улице Боэти, чтобы подбодрить нас накануне отъезда. Анри де Сегонь что-то объясняет. Я мечусь от одного к другому.

Лубри, шеф-пилот авиакомпании, вызывает меня к телефону.

– Алло! Это Лубри. Я говорю из Бурже^[8]. Знаете ли, сколько показало взвешивание?

– Немного более трех с половиной тонн!

– Четыре с половиной!

– ...!

– Устраивайтесь как хотите! Я беру только три с половиной. Остальной груз – срочные медикаменты для Индокитая.

Я в отчаянии. Каждому был предоставлен определенный лимит по весу. Все тюки, ящики, мешки пересчитаны, переписаны... Однако факт налицо: лишняя тонна для самолета ДС-4 – это, конечно, много.

Я вспоминаю, как упаковщик говорил мне: "Месье, все должно быть прочным!" – и как с большим трудом я уговорил его не оковывать ящики железом! Что же касается Удо, то я его неоднократно предупреждал: ни в коем случае не превышай лимит в 80 килограммов!

– Возможно, у меня наберется на несколько кило больше...

Сегодня утром он мне признался:

– Знаешь, сколько я с собой везу?

– Наверное, не меньше ста кило...

– Двести пятьдесят!

Это заявление было встречено без особого энтузиазма. Мог ли я предполагать в то время, что буду главным потребителем его фармацевтических запасов?

– Подождите, майор... может быть, найдем какое-нибудь решение! – Я задыхаюсь от волнения. – Управляющий авиакомпании здесь! Подождите, майор, не бросайте трубку!

Наконец решение найдено. Медикаменты будут отправлены другим рейсовым самолетом и прибудут вовремя.

Еще не оправившись от сильного волнения, я возвращаюсь в зал. Пожелав нам успеха, большая часть приглашенных уже разошлась. Последний день перед отъездом заканчивается для меня очень поздно.

Я измучен. Нервы напряжены до предела. Напрасно стараюсь уснуть. В течение долгих часов мысленно перебираю все снаряжение, которое мы берем с собой. Не забыто ли что-нибудь важное? Достаточно потерять ящик с кошками^[9], и экспедиция будет сорвана.

Пытаюсь представить себе нашу жизнь в этих неизведанных краях, где не будет многого необходимого.

Сон все не приходит.

В памяти возникает комичная фигура Удо, покрытого потом, барахтающегося среди груды медикаментов в вестибюле Французского альпинистского клуба. Всем ли он будет обеспечен? Не забыл ли что-либо передать ему доктор Карль, получивший богатый опыт в экспедиции 1936 года? Будут ли у Жака все лекарства, нужные для лечения туземцев, все, что необходимо для поддержания престижа "доктора-сагиба"?

А сон по-прежнему не приходит.

Хорошо ли были сделаны прививки Луи Ляшеналю, Гастону Ребюффа и Лионелю Терраю? В порядке ли их документы? Иначе при проезде через Карачи нас могут задержать. Найдем ли мы достаточно надежные накомарники, чтобы защитить себя от малярии?

Я все еще не могу уснуть.

А эти горы, что они собой представляют?

Туча лежит на 2500 метрах над уровнем моря, вершины достигают 8000 метров. Перепад в пять с половиной километров, на протяжении которых природа нагромодила бесчисленные препятствия и опасности.

Хватит ли нам физической и моральной выносливости, товарищеской спайки, чтобы преодолеть влияние высоты со всеми вытекающими последствиями? Не наступит ли преждевременно муссон?

Я не сплю, я не могу уснуть.

Рассвет кладет конец моим тревогам. Последняя ночь на Европейском континенте заканчивается – пора вставать и отправляться в аэропорт Ле-Бурже.

"Острова"

Сразу же после взлета смертельно уставший Удо засыпает. Он будет спать до самого Дели. Время от времени наш доктор приоткрывает один глаз и ворчит: "К черту посадки!" Иногда он спрашивает у Ишака: "Как поживает мой мышонок? Смотри, чтобы он не удрал!"

Этот мышонок – огромная ценность для индийских врачей. Ему привита культура бактерий, чистые образцы которой, необходимые для исследований некоторых разновидностей малярии, уже исчезли из Индии.

Индия! Виднеющаяся сквозь окно самолета панорама вызывает в памяти древний город Мохенджо Даро, нашествие арийцев, храм Веды – этот первый памятник человечества.

Наш посол Даниель Леви со всем составом посольства встречает нас на аэродроме в Паламе и помогает разрешить административные затруднения. Индийские таможенники впервые видят экспедицию, прибывающую по воздуху со всем грузом и оружием.

– Мне нужен список на английском языке всего вашего багажа, с указанием веса, стоимости, размеров...

– Но позвольте, ведь здесь более пятидесяти тысяч наименований!

Не моргнув глазом чиновник продолжает:

– Вам разрешен проезд только транзитом. На обратном пути вам придется снова пройти через таможню с тем же багажом.

– Но ведь в Непале нам надо будет что-то есть! А если мы что-нибудь подарим или потеряем, скажем ружье или палатку?

Очевидно, задача не из легких. Доброжелательно улыбаясь, начальник таможни предлагает:

– Весь этот груз мы можем отправить на склад на все время вашей экспедиции. Не беспокойтесь, никто ничего не тронет.

– Однако... а как же мы?

– Вы можете ехать в Непал. На обратном пути заберете свой багаж!

Положение становится угрожающим.

"Зачем вам Гималаи? – читаю я в глазах таможенника. – Пусть туда ходят богомольцы!"

"Мы тоже богомольцы, – отвечаю я про себя, – мы поклоняемся горам..."

Но я не решаюсь прервать глубокие размышления своего собеседника.

– Ну ладно!.. – Чувствую, что дело улаживается. – В таком случае я

задержу также и самолет!

Я оборачиваюсь: не падает ли Лубри в обморок?

Вопрос, конечно, будет разрешен, как разрешаются все вопросы, если не торопишься.

В углу Ишак с трудом сдерживает свой бурный темперамент. Полный мщения, он рисует череп таможенного чиновника.

– Идеальная геометрическая фигура, однако ее трудно выразить уравнением! – шепчет ему Кузи.

После двухдневных переговоров таможенные затруднения разрешены, и мы выгружаемся на вокзале Олд-Дели^[10].

Это нелегкая работа. Дело происходит ночью. Тускло освещены мрачные фасады лавчонок; ацетиленовые фонари с их ярким, ослепляющим светом, мигающие и коптящие масляные светильники освещают прохожих, отбрасывая фантастические тени. От тошнотворных запахов меня мутит. Повсюду адский шум. Еле увертываешься от многочисленных Тонга^[11].

На вокзале среди невообразимого хаоса нахожу взмыленного Шаца. Взгромоздившись на гору ящиков, он кричит на человек сорок носильщиков. У некоторых из них кроваво-красные зубы – результат продолжительного жевания бетеля. Профессия их видна по красным тюрбанам и по бляхам, болтающимся на потрескавшихся кожаных ремнях.

– Девять, десять анна^[12]! О'кей! Это тебе!.. Стой... ты ведь уже был? Быстрее, следующий!..

Кругом кромешная тьма. Шац совсем запарился: "Как! Тебе этого мало?" Носильщики кричат, жестикулируют. Короче говоря, нужно уступать.

– Три анна! – кричит Шац, мобилизуя все свои познания в хинди. Едва уплата окончена, как шумовой концерт возобновляется с новой силой. – Они требуют бакшиш (на чай), – объясняет мне совершенно обескураженный Шац, – идем скорее отсюда!

Ребьюффа, Терраю и Шацу поручено сопровождать багаж, который не может далее следовать по воздуху.

Затем мы отправляемся самолетом в Лакхнау. Не успели мы обосноваться в машине "Бахарат эруэйз"^[13], как в ней появляются трое замечательных сикхов – гиганты с благородной осанкой и роскошными бородами^[14].

С величественными тюрбанами на головах, темнокожие, с громадными глазами, они производят неизгладимое впечатление. По сравнению с ними

мы выглядим мальчишками в коротких штанах.

– Смотри, – говорит Кузи, – сейчас они запутаются в своих одеждах.

– Великолепный типаж! – с восхищением замечает Ишак.

– Убей меня бог! Ведь это пилоты! – восклицает Удо. Все мы поражены высокой квалификацией необычных

пилотов и плавностью пилотажа в течение короткого перелета от Дели до Лакхнау.

Здесь, в Лакхнау, я впервые встречаюсь с самым молодым из наших шерпов, Ангавой, и с их сирдаром^[15]. В Наутанве, конечной станции узкоколейки и последнем индийском селении на границе с Непалом, происходит наше знакомство с остальными шерпами.

С любопытством и волнением я буквально пожираю глазами этих людей небольшого роста, с развитой мускулатурой, которая отличает их от индийцев, в большинстве своем худых.

Шерпы, преданность и самоотверженность которых общеизвестны, будут нашими равноправными товарищами по восхождению, и я должен проследить, чтобы с ними обращались как с равными.

Их снаряжение и бытовые условия не должны отличаться от наших, а обеспечению безопасности шерпов наряду с безопасностью моих товарищей я всегда буду уделять главное внимание.

Анг-Таркэ, сирдар шерпов, человек энергичный. Он пользуется непререкаемым авторитетом среди своих товарищей и носильщиков. Убежденный и ревностный буддист, он оказывает на них большое моральное влияние.

Другие шерпы: Панзи, Даватондуп, Саркэ, Путаркэ, Айла, Ангава, Аджиба – также обладают немалым опытом. В продолжение нашей экспедиции им еще не один раз выпадет случай проявить свои способности.

В Наутанве под палящим солнцем мы выгружаемся с помощью наших новых друзей-шерпов; четыре с половиной тонны снаряжения присоединяются к полутора тоннам продовольствия, которые благодаря предусмотрительности де Нуаеля уже ждут нас на платформе.

5 апреля королевство Непал открывает нам наконец свои двери.

Так же как Тибет, Непал расположен выше, чем какая-либо другая страна мира. Здесь находятся восемь из четырнадцати высочайших гор земного шара. Оседлав великую гималайскую стену, это государство, насчитывающее 7 миллионов жителей, простирается на 600 километров в длину и 200 километров в ширину. Тераи^[16] – район, примыкающий к

Индии, покрыт буйной тропической растительностью, вредной для здоровья.

То изнывающая под раскаленным, все сжигающим солнцем, то затопляемая во время муссона ливнями, эта местность представляет поразительное зрелище.

Под защитой этой грозной естественной крепости процветает племя гурков. На севере гурки – буддисты, на юге – индусы, но те и другие с подозрением относятся к иностранцам, тщательно придерживаются традиций и сохраняют в неприкосновенности духовное наследие своих предков. Эти горцы обладают твердым характером и врожденным благородством.

Наш джип едет по пыльной и каменистой дороге. В десяти километрах отсюда, у подножия столь дорогих Киплингу гор Сивалик, находится селение Капилавасту (ныне Ру-миндеи). Природа здесь проста и лишена всякого величия. В этом селении тысячелетия назад родился человек, юность которого была овеяна поэзией, а жизнь полна мудрости. Гаутама Будда провел свою молодость в этой стране, расстиравшейся сейчас перед моими глазами. Быть может, основатель одной из самых мудрых и прекрасных религий некогда проходил по тем же тропам, по которым движемся сейчас и мы!

Первое непальское селение Бутвал расположено на границе между великой равниной Ганга и горами. Здесь мы обмениваем деньги, так как в горах и особенно в удаленных районах местные жители не признают банкноты и требуют серебро, являющееся эталонным металлом для большинства азиатских стран.

Ляшеналь и Террай, которые должны выехать вперед, недоверчиво рассматривают приведенных для них жалких кляч. Под расплавленным свинцом солнечных лучей сборы основной части каравана длятся бесконечно долго. Постепенно удается разбить весь груз на равные ноши весом по одной маунд^[17], распределяемые двум сотням носильщиков.

– Вага Sahib, umbrella, please?^[18]

Стройный непалец любезно протягивает мне свой зонтик. Так, почти случайно, происходит мое знакомство с Ж.Б... Рана. Через несколько дней Ж.Б... как будем мы несколько фамильярно его звать, станет для нас настоящим другом. В течение многих лет он служил офицером в полках гурков, а сейчас магараджа Непала поручил ему сопровождать нашу экспедицию.

Внезапно до нас доносятся звуки бешеного галопа по затвердевшей и

растрескавшейся от зноя земле. Взмыленные неоседланные лошади Ляшенала и Террая выскакивают из ущелья Тинау-Кхола^[19], мчатся к своим родным конюшням.

– Понимаешь, – впоследствии объясняет мне с достоинством Террай, – настоящим альпинистам претит такой искусственный способ передвижения...

Вечером после первого перехода Ж.Б... приводит нас в деревенский рест-хауз^[20].

– Of His Highness^[21], – торжественно объявляет он.

– Я весьма польщен!

Со временем я узнал, что все в Непале принадлежит лично магарадже!

10 апреля караван останавливается на три дня в Тансин-ге, центре провинции. Здесь мы должны перегруппировать свои силы, разобрать груз, нанять новых носильщиков.

Установив лагерь, защищенный веревочными перилами от толпы любопытных зевак, мы оставляем больного дизентерией Ишака на попечение шерпов и взбираемся на холм, возвышающийся над городом, откуда видны дальние горы. Что может сравниться с волнением, охватывающим человека при виде предмета его грез!

Мы все много читали о Гималаях. Мы вели долгие беседы с нашими товарищами, посетившими в 1936 году Каракорум. Мы задавали Марселю Ишаку, единственному среди нас ветерану Гималаев, самые нелепые вопросы. У каждого из нас сложилось собственное представление об этих горах. Не ждет ли нас разочарование?

В действительности же зрелище, открывшееся нам с вершины холма, превосходит все, что мы могли вообразить. С первого взгляда видна только легкая дымка, но, взглядевшись внимательно, можно различить вдали мощные ледяные стены, вздымающиеся из тумана на гигантскую высоту и закрывающие на севере горизонт на протяжении сотен и сотен километров. Эта сверкающая стена кажется колоссальной, без единого понижения. За восьмитысячниками следуют семитысячники. Мы буквально подавлены величием этого зрелища.

Гималаи! Наши "острова"!

С этой минуты сказочное видение всегда будет перед нами. Теперь задача кажется простой: возможно скорее добраться до этих вершин и вступить с ними в бой.

Вечером мы лежим в палатках молчаливые, погруженные в свои мысли.

Экспедиция покидает Тансинг. Передовая группа отправляется на день раньше.

Вскоре после нашего выхода около полудня я внезапно замечаю какого-то странного субъекта, мчащегося к нам огромными шагами. С изумлением узнаю нашего друга Террая, весьма легко одетого, с бритым черепом, с обливающимся потом лицом и яростью во взоре. Он столь энергично размахивает ледорубом, что каждый предусмотрительно спешит отойти в сторону.

В чем дело? Не случилось ли несчастье? Внезапная тревога за Ляшеналея охватывает меня. Я кричу Терраю:

– Где Бискант?^[22]

– Бискант? – переспрашивает он с удивлением.

– Ну да! Что случилось? Теперь Террай уже подошел к нам.

– Что Бискант? Он там...

– Ну и напугал же ты меня!

– Эх! Тут не до смеха. Все очень плохо!

– Да что такое происходит?

– Они объявили забастовку...

– Кто, носильщики?

– Не мы, конечно! Сегодня утром без всякого предупреждения они забастовали.

– А груз? Он цел?

– Бискант остался его сторожить. Кстати, я не думаю, чтобы они замышляли что-нибудь плохое. Просто хотят, чтобы им больше платили. Хотят... не знаю, что они хотят, я ничего не понимаю в их языке... так или иначе, они остановились на краю дороги возле Вайги. Они отказываются идти вперед, сбросили грузы и не двигаются ни на шаг!

Губы Лионеля сильнее, чем обычно, искривляются судорогой, пропуская целую серию звонких ругательств. Мы озадачены. Террай добавляет:

– Это форменный шантаж! Вот не было печали!

– Все это входит в компетенцию Ж.Б... – говорю я.

– Не представляю, как он с этим справится.

– Ну что же, увидим, действительно ли он авторитет для этих ребят. Договоры подписаны по всей форме, носильщики должны их выполнять.

– Должны! Ясно, что должны!.. В общем, надо идти туда возможно скорее!

Мы выходим немедленно.

К концу дня добираемся наконец до "забастовщиков". У Ляшеналея,

такого зубоскала, мрачная физиономия. При виде Ж.Б... носильщики смыкаются теснее. Они с криками обращаются к нему, вероятно излагая свои требования. Мы же невозмутимо садимся отдыхать, пьем и едим. Хладнокровие может только увеличить наш престиж. С удивительным безразличием мы разуваемся, чтобы дать отдых ногам, причем каждый наш жест намеренно нетороплив.

Ж.Б... идет в атаку! Что он им говорит, понять невозможно. В течение получаса он демонстрирует чудеса красноречия. Тон его, вначале простой и спокойный, мало-помалу повышается, затем речь его внезапно превращается в бурю. В узком каньоне каждое слово гремит, словно в соборе. Как будто по волшебству, резкие требования носильщиков превращаются в робкие объяснения. Ж.Б... отвечает энергично и уверенно. Его авторитет очевиден. Внезапно один из недовольных произносит что-то, вероятно, оскорбительное по адресу Ж.Б... С изумлением наблюдаем, как наш офицер бросается к носильщику и осыпает его градом ударов, пока «мятежник» не бросается бежать. Один за другим носильщики взваливают на себя грузы и продолжают путь.

На следующий день, приближаясь к реке Седи-Кхола, мы встречаем по дороге миловидных непальских женщин, грациозных и легких в своих праздничных нарядах. Семеня босыми ногами, они быстро проходят мимо нас. Чем дальше, тем их больше. На всех окрестных тропинках мелькает множество переливающихся яркими цветами сари^[23]. Все женщины направляются к одному месту. Анг-Таркэ объясняет нам, что сегодня здесь большой религиозный праздник Кумбх-Мела, который справляется каждые двенадцать лет.

Нам везет! Подходим ближе, и вскоре лишь с большим трудом нам удастся пробиться сквозь расцвеченную бурную и шумную толпу. У подножия утеса садху^[24] выкрикивает пламенные призывы. Священники, окруженные внимательными слушателями, читают вслух ведические тексты. Многие верующие направляются к священной реке Кали-Гандак. Мужчины и женщины раздеваются, входят поочередно в реку и погружают в воду листья лотоса, которыми они затем по несколько раз ударяют себя по лбу.

Некоторые устраивают из листьев нечто вроде лодочек, в середине которых укрепляют зажженные свечи. Затем эти плавающие светильники осторожно спускаются на воду, и река уносит их вдаль по направлению к Гангу.

К сожалению, экспедиция должна продолжать свой путь.

На другой день внезапно раздается возглас Ишака: "Полиция!" Как это ни глупо, но у меня на мгновение душа уходит в пятки.

Это вам не праздник! Из-за поворота дороги показывается отряд: 12 человек маршируют в строю с оружием наготове.

– Пойманы на месте преступления, – продолжает Ишак. – Это милиция Баглунга оказывает нам воинские почести!

Баглунг, куда мы попадаем на следующий день, в воскресенье 16 апреля, является последним крупным селением перед высокогорными долинами.

До Тукучи остается не более трех-четырех переходов. Но это самый тяжелый участок пути, так как нам предстоит подняться с высоты примерно 700 метров над уровнем моря до 2500 метров.

Сегодня приходится встать рано: нам предстоит расплатиться с носильщиками, нанять новых и пересмотреть весь наш груз.

– Кханна! Кханна! Кханна!^[25]

Нуаель, всегда встающий первым, будит спящий лагерь диким воинственным кличем. Тут же следует бурная реакция.

– Проваливай к... – ворчит Кузи, вспоминая свой студенческий лексикон.

– Ненормальный! – кричит Ребьюффа.

– Убирайся к дьяволу! У меня живот болит так, что хоть в гроб ложись, – рычит Террай.

– Ты просто переел, – зевая, замечает Удо.

– Удо—убийца! Во всем виноват хлор^[26], – также держась за живот, вопит Ляшеналь.

– Как там снаружи, еще темно?

– Прибыли ли носильщики?

– Ребята! Дхаулагири! Дхаулагири! – вне себя от радости кричит Нуаель.

Что? Не может быть! В мгновение ока все оказываются снаружи, прикрывая свою наготу чем попало. Некоторые прыгают в спальных мешках, как на комических соревнованиях, другие используют вместо фигового листка носовой платок. Выделяется Ляшеналь, применивший для этой цели свою кепку.

Грандиозная ледяная пирамида, сверкающая на солнце, как кристалл, возвышается над нами более чем на 7000 метров. Ее южная стена, отливающая голубизной в утренней туманной дымке, сказочно величественна.

Мы стоим с раскрытыми ртами перед этой колоссальной вершиной. Название ее, повторявшееся тысячу раз, так нам знакомо, но ее реальное появление производит столь сильное впечатление, что мы долго не можем вымолвить ни слова.

Постепенно мы вспоминаем о цели экспедиции. Вопросы чувства и эстетики отходят на второй план, и мы начинаем рассматривать гигантское видение с практической точки зрения.

– Ты видел восточной гребень справа?

– Видел, соваться туда не стоит.

– Холодный душ!

Картина захватывающая, но вряд ли можно надеяться найти приемлемый путь на южном склоне.

– Если будете себя хорошо вести, через два дня покажу вам Аннапурну, – говорит Ишак, только что проделавший вместе с Кузи какие-то тщательные расчеты.

Весь день, сидя под громадными бананами, я руковожу оплатой носильщиков. С любопытством и недоверием они суют свой нос в весы, каждый получает авансом 6 рупий и пачку сигарет "Ред-Лемп", затем благодарит по индийскому обычаю, сложив ладони, и расписывается^[27] в ведомости у Ж.Б... Рана. Список все удлиняется. По мере надобности его наращивают, приклеивая дополнительные листы. После окончания операции длина этого документа превышает 4 метра.

Перед тем как пропустить носильщиков через "контроль", Террай распределяет грузы. Он щупает икры, бицепсы, проверяет объем грудной клетки, как он делал, бывало, на своей ферме в Уше. "Сильный человек", как прозвали его шерпы, обращается с самыми тяжелыми тюками с поразительной легкостью. Носильщики посматривают на него с нескрываемым уважением.

Подходя по очереди, они оценивают взглядом груз, прикидывают его вес. Незаметно каждый ревниво посматривает на поклажу другого. С большой ловкостью они сооружают из бамбука и лиан плетеные станки для более удобной переноски груза.

Один за другим разбираются тюки, носильщики поддерживают их с помощью ремня, опоясывающего лоб. Так после 250 километров пути по горным тропам наши 6 тонн груза будут доставлены на головах к месту назначения.

– Вперед, на Тукучу!

Перед нами насколько видит глаз носильщики растянулись по берегу Кали-Гандаки. Вскоре мы доходим до большого притока: это Маянгди-

Кхола. Марсель Ишак озадачен:

– Эта река не меньше Гандаки. Судя по карте, ее питает только южный склон Дхаулагири. Но тогда она должна быть не крупнее обычного горного потока!^[28]

Действительно, если верить карте, маршрут, намеченный для восхождения на Дхаулагири, начинается от нашей базы в Тукуче и, не встречая препятствий, проходит вверх по ущелью, начинающемуся от северного склона. Судя по величине реки, вытекающей из ущелья и впадающей в Маянгди-Кхола, это ущелье, вероятно, спускается на запад, а не по направлению к Тукуче. Если это так, то должен существовать не нанесенный на карту гребень между Тукучей и северным склоном Дхаулагири, что может серьезно помешать нашим планам.

– Н-да, – вынужден я признать, – в предмуссонный период Маянгди-Кхола должна бы быть куда менее многоводной!

– Я догадываюсь, – с поразительной интуицией замечает Ишак, – сюда стекают все воды с севера и с запада.

– Но как же карта?

– Карта неверна! Сомнений нет! Рассуждение кажется мне логичным.

Однако прежде чем отвергать карту, я подожду более веских доказательств.

Забегая вперед, скажу, что эти доказательства были получены и через месяц тайна была раскрыта...

На следующий день, 20 апреля, проходя через Дана, мы стараемся разглядеть гребни и вершины Аннапурны.

– Ну как насчет Аннапурны? Ты нам ее покажешь? – напоминаю я Ишаку.

Аннапурны мы не видим, но перед нами открывается глубокое и извилистое ущелье Миристи-Кхола. По нему проходит четко указанная на карте тропа, ведущая к перевалу Тиличо, откуда по недлинному гребню можно выйти на вершину Аннапурны.

– Не очень-то симпатичное ущелье это Тиличо, – говорит мне Шац.

– Судя по карте, здесь тропа...

Нуаель, поговорив с шикари^[29], возвращается с мрачным видом:

– Перевал Тиличо? О нем никто и не слышал!

– Это уж чересчур! Еще один «карточный» фокус!

– Было бы уж слишком здорово, – заявляет Ребюф-фа, – перевал выше 6000 метров, с подходом по прекрасной тропе, а оттуда рукой подать до восьмитысячника!

В дальнейшем разведка района показала, что ущелье Миристи непроходимо, а пресловутый перевал Тиличо находится совсем в другом месте.

Тропа идет по краю пропасти. Сквозь хвойные деревья едва видны бурные грохочущие воды Кришна-Гандаки, время от времени мы проходим мимо шумных водопадов, низвергающихся с известковых стен. Подъем на глаз незаметен, но он ощущается косвенно, по различным признакам: походка становится тяжелой, темп движения замедляется.

В Гасе изумленные Ляшеналь и Террай обнаруживают обувную "фабрику": несколько кустарей в смежных хижинах без передышки отбивают дубленные мочой кожи.

– Работают без клея, – определяет Ляшеналь.

– Ты заметил, Бискант, это не настоящие швы. Они вместо дратвы употребляют тонкие кожаные полоски.

– А куда идут все эти туфли?

По правде говоря, лишь именитые жители города носят обувь. Особенным шиком считается носить ботинки с неза-вязанной шнуровкой. Между прочим, пара горных ботинок, подаренная нами Ж.Б... чрезвычайно повысила его престиж.

Становится прохладнее, так как мы уже на высоте 2000 метров. До Тукучи остается еще 500 метров подъема. Здесь уже больше нет ни бананов, ни риса. Невзрачные злаковые, в основном ячмень. Вдали видны верхние склоны Дхаулагири, испещренные полосами голубого льда. Спускающийся к нам юго-восточный гребень, на который мы до некоторой степени возлагали надежды, тянется без конца, острый как нож, с бесчисленными ледяными «жандармами»^[30] и снежными карнизами. Отсюда он выглядит непреодолимым.

Рискуя вывихнуть шею, мы стараемся разглядеть эти гигантские стены, теряющиеся где-то шестью километрами выше, в голубизне небосвода. Темно-коричневые скальные выходы резко выцеляются на фоне сверкающего снега. Блеск настолько ослепителен, что приходится прищуривать глаза.

У нас не хватает дерзости наметить здесь путь подъема. И все же мы не можем скрыть своей радости! Мы счастливы снова оказаться в горах, счастливы, что можем теперь посвятить все свои усилия достижению основной цели экспедиции. Что касается меня, то наконец я избавлюсь от роли не то начальника транспорта, не то режиссера и превращусь в руководителя альпинистской экспедиции.

Возле селения Лете мы с удивлением и некоторым волнением

пересекаем сосновый лес, поразительно похожий на наши альпийские леса. Те же деревья, те же скалы и тот же свежий мох. Мог ли я подозревать, что не пройдет и двух месяцев, как этот чарующий, полный поэзии уголок будет свидетелем моей агонии?

Вскоре наш отряд выходит на обширную каменистую равнину, столетиями подвергавшуюся воздействию капризной и бурной Гандаки. Реке удалось прорезать в толще огромного Гималайского хребта громадный коридор. Прижимая нас к земле, в него с силой врываются мощные беспорядочные вихри. В течение всего года здесь буйствует ветер, уничтожающий всякую растительность. Клубы пыли поднимаются ввысь. Кругом мрачный каменный ад. Ишак, пытаясь как-то закрыться от дико завывающего ветра, кричит мне на ухо:

– Можно подумать, что мы в Каракоруме! Босиком, согнувшись, носильщики двигаются маленькими компактными группами, стараясь укрыться друг за другом. Всем не терпится скорее добраться до Тукучи!

Анг-Таркэ, убежденный буддист, уже чувствует себя как дома. Он увидел над домами Ларджунга развевающиеся священные вымпелы. Шелестя под порывом ветра, они возносят к Богу нескончаемые молитвы.

Вдали, на краю каменной пустыни, появляется селение, украшенное сотнями молитвенных флаштов и окруженное, как нам кажется, укреплениями.

– Тукуча, сагиб!

Все ускоряют шаг.

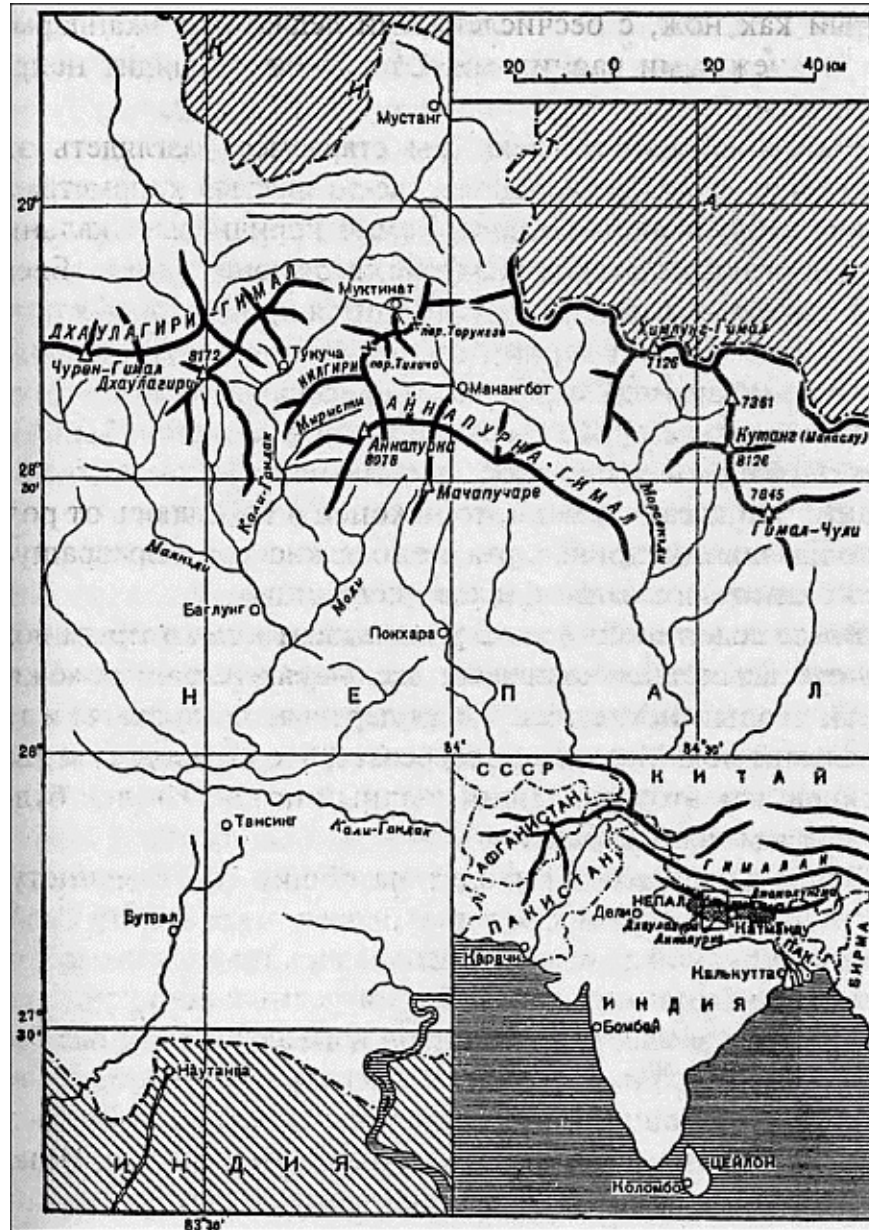
Мы переходим вброд бурлящий поток Дамбуш-Кхола, к которому нам придется еще вернуться, и входим в Тукучу.

Вообще говоря, тут не так много народу, как мы ожидали. Нас немедленно окружает толпа ребятишек, с любопытством наблюдающих за каждым нашим шагом. Они барахтаются в протекающем среди улицы арыке, где женщины одновременно моют посуду и берут воду для чая. На порогах домов сидят старики, недоверчиво и подозрительно поглядывающие на этих белых людей, прибывших сюда неизвестно для чего. За несколько минут мы пересекаем селение. Перед нами обширная площадь. Над розовыми стенами буддистского храма развеваются флаги. Хотя место и малопривлекательное, но оно является единственным, пригодным для разбивки лагеря. Над нами возвышается мрачная голая стена утесов, накладывающая грустный отпечаток на окружающую местность.

Подходы кончились. Сегодня 21 апреля; таким образом, нам понадобилось немногим более 15 дней, чтобы полностью пересечь Непал.

Вечером мы ограничиваемся установкой нескольких палаток и приготовлением сытного обеда для успокоения взбунтовавшихся желудков. Все сагибы и все шерпы собрались вместе, усталые, в несколько мрачном настроении: ветер нас иссушил.

И завтра потребуется все сияние солнца, чтобы оживить наши сердца.

Карта Центрального Непала

Неизвестное ущелье

Дальнейший план действий несложен. Прежде всего нужно установить лагерь, распаковать, учесть, проверить и сложить продукты и снаряжение. На ближайшие 48 часов для каждого намечена вполне определенная работа. Все мои товарищи, грязные и шумные, проявляют бурную активность. Зрелище весьма красочное! Ишак ныряет в свои драгоценные ящики с пленкой и киноаппаратурой. Удо погружен в бинты и пакеты с медикаментами. Шерпы устанавливают палатки, помогают сагибам разбирать продукты, налаживают кухню...

Погода превосходная, и вершина приукрасилась в честь первого дня, проводимого нами в "Генеральном штабе". С какой радостью мы разглядываем окружающие нас острые пики! Длинное ущелье Гандаки прорезает два громадных массива: Дхаулагири на западе высотой 8167 метров и Аннапурну на востоке – 8075 метров. На дне ущелья часто клубится туман, еще более подчеркивая величие окружающих нас неприступных стен. В 4500 метрах над нами сверкают изящные вершины Нилгири^[31].

К северу небо значительно светлее. Растительность, насколько можно судить, становится реже: там лежит Тибет.

Тукуча – лабиринт переулков. Трудно увидеть истинную жизнь города. Каждый дом – настоящая крепость. Чаще всего это караван-сарай, где случайный путник может найти пристанище на ночь. Большинство из 500 жителей города – буддисты. Вереница молитвенных мельниц длиной до 50 метров – свидетельство их религиозности. Наши шерпы, проходя мимо, не упускают случая весело повертеть металлический цилиндр, на котором выгравированы священные тексты. Это намного практичней, чем читать длинные молитвы.

В темных дворах или в низких лачугах ютятся примитивные кустарные мастерские. Здесь из шерсти яков или овец выделываются замечательно прочные ткани. Непривычное для нас зрелище: мужчины занимаются прядением.

В то время как «Куку-сагиб»^[32] и «Ишак-сагиб», развернув антенны, кричат что есть силы в микрофоны «тэлкис-уэлкис»^[33], прядильщики, сидя на корточках, до самой ночи терпеливо крутят свое допотопное веретено.

Комичный контраст...

На рассвете Тукуча безлюдна, и лишь гонг соседнего храма нарушает

тишину. Странные низкие гармоничные звуки растворяются в воздухе.

Нечто вроде протяжного песнопения доносится из соседней палатки. Монотонный псалом с внезапными придыханиями похож на жалобу. Другие голоса отвечают в том же тоне. Анг-Таркэ и его товарищи читают молитвы!

– Good morning, sir!

– Good morning, Panzi, – говорю я, поднимая голову.

– Tea for Бага Sahib?^[34]

Добродушная улыбающаяся физиономия показывается у входа в палатку.

– Yes, thank you.

Какие-то караванчики, окруженные толпой ребятишек, собрались на площади и оживленно что-то обсуждают: вероятно, тибетцы.

На женщинах яркие фартуки. Их типично монгольские лица чем-то намазаны. Уверенные в своей неотразимости, красотки радостно хохочут. Это зрелище немедленно поднимает моих товарищей.

– До чего же они привлекательны! – делится со мной пораженный Террай.

– Что мне нравится, так это их сапоги, – говорит более практичный Ляшеналь.

Вскоре вокруг тибетцев собирается толпа. Внезапно начинается неистовый танец.

Танцоры выделяются на величественном фоне снежных вершин. Великолепно отработанный балет выражает извечный дуализм горя и радости, жизни и смерти. Красота его сурова, примитивна. Танец всегда отражает душу народа. Этот танец, безусловно, представляет интерес.

Вдруг все останавливается.

Посредине круга одна из тибетских женщин ставит на землю медное блюдо. Мимика танцоров как нельзя более красноречива. Их взгляды устремляются от блюда к нам и обратно. Бара-сагиб, полный достоинства, щедро раскошеливается на несколько рупий.

Какой успех! Танец немедленно возобновляется в еще более бешеном темпе.

Снова остановка!

Бара-сагибу вновь приходится всенародно демонстрировать свою щедрость.

В большой палатке мы все собираемся на скромный шота-хазри^[35].

С момента прибытия в Тукучу мы надеемся отыскать нетрудный и

безопасный гребень, дающий возможность выйти на вершину Дхаулагири или Аннапурны. Юго-восточный гребень Дхаулагири, нанесенный на карту и виденный нами из Баглунга, в какой-то мере поддерживает эту надежду. Однако полной уверенности ни у кого нет. Есть еще северный гребень. Он, правда, ледовый, однако небольшая крутизна и сравнительно малый набор высоты, судя по общей структуре вершины, кажутся весьма благоприятными факторами для попытки восхождения. Может быть, если установить несколько лагерей... Что касается Аннапурны, то, поскольку имеется тропа к перевалу Тиличо, эта вершина легко доступна и именно поэтому представляет лишь ограниченный спортивный интерес.

На другой день Кузи в сопровождении Панзи уходит на разведку. Он собирается произвести наблюдения с панорамного пункта (4000 метров) над Тукучей^[36].

В 11 часов устанавливаю с Кузи радиосвязь.

– Говорит Куку! Я добрался до вершины. Вид фантастический, Дхаула мощно возвышается над всем массивом. Юго-восточный гребень ужасен! Очень длинный, множество ледовых "жандармов". Места для лагерей весьма проблематичны.

– Слышу хорошо. А как северный гребень?

– Сплошь ледовый. Крутизна порядочная. Наверняка большие технические трудности. Наиболее сложный участок посередине, но тут есть другое препятствие – участок, выводящий на гребень. По всей видимости, можно выйти по Восточному леднику^[37], но отсюда он кажется невероятно разорванным.

– Виден ли тебе северный склон?

– Он очень опасен из-за больших ледовых сбросов. Вначале склон некрутой, и по нему, вероятно, можно выйти на северо-западный гребень. Но отсюда плохо видно.

– Что скажешь насчет Нилгири?

– Все отвесно. С этой стороны надежды мало!

– Спасибо, старина! До скорого свидания!

– Пока, Морис. Конец связи!

Первые сведения несколько охлаждают наш оптимизм. Когда вернется Кузи, мы с помощью его зарисовок приступим к первому анализу.

Вечером в большой палатке идет жаркая дискуссия. Между двумя чашками чаю Кузи подтверждает то, что он сообщил по радио.

– Надо добраться до основания вершинной пирамиды! – начинает Ребюффа.

С этим все согласны. Но в отношении подходов мнения разделяются.

Что делать? Подниматься по Восточному леднику Дхаулагири, такому изрезанному и, без сомнения, опасному? Обогнуть пик Тукуча, которым заканчивается северный гребень, и выйти в северный цирк Дхаулагири по пресловутому Г-образному ущелью, показанному на карте?

– Надо направить разведку в разные стороны, – говорю я, – а для этого нам, очевидно, придется разделиться. Пока мы будем исследовать окрестности Дхаулагири и Аннапурны, вполне можно работать двойками.

– На Аннапурне, безусловно, можно чего-нибудь добиться, – заявляет Шац и добавляет с мечтательным видом: – Шеститысячный перевал... тропа...

– Дхаула выглядит неважно. Другая симпатичнее, – признается Кузи.

– Ну что же, друзья! Завтра общий выход. Ляшеналь и ты, Гастон, отправляетесь на разведку Восточного ледника. Врач и Шац возьмут лошадей и, поднявшись над Лете, взглянут на перевал Тиличо и на Аннапурну. Мы с Марселем прогуляемся вверх по Г-образному ущелью, которое здесь называют Дамбуш-Кхола. Может быть, нам удастся увидеть северный склон Дхаулагири.

– А я? – спрашивает разочарованный Кузи.

– Ты? Отдыхай пока в лагере. Не бойся, работы хватит на всех. Сегодня только 23 апреля, до муссона еще далеко!^[38] Это относится и к тебе, Лионель, старайся не простудиться.

– И... не забывай про диету, – советует Удо.

– Мне уже немного лучше, – уверяет Террай, хотя он выглядит неважно после подхваченной еще в Баглунге болезни.

– А мне что же, прикажете бить баклуши? – спрашивает Нуаель.

– Да соблаговолит "ваша светлость" немного заняться черной работой. Кончайте с Куку установку лагеря.

Просыпаюсь в пять часов.

Ляшеналь и Ребюффа проходят мимо с двумя шерпами, несущими лыжи и высотный комплект^[39]. Чтобы не терять времени даром, через местность, покрытую лесами и оврагами, их проведет шикари.

– Пока, Морис!

– До свидания! Не забудьте про крюки!

– До завтра!

Удо и Шац уже на ногах. Их лошади должны прибыть к семи часам. За день, надеюсь, они смогут подняться достаточно высоко, чтобы увидеть пресловутый перевал Тиличо и раскрыть его тайну.

В свою очередь мы с Ишаком, довольные тем, что снова выходим в горы, покидаем лагерь. Через несколько минут подходим к Дамбуш-Кхола, по ущелью которой, обходя глубокие и узкие каньоны, мы пройдем как можно дальше.

– Поток явно мелковат, – отмечаю я.

– Не хочу навязывать тебе свое мнение, Морис, но я почти уверен: северный склон Дхаулагири питает какую-то другую реку.

С той стороны должно быть еще ущелье. Следовательно, где-то есть гребень, отделяющий нас от северного склона.

– Ладно, увидим!

Дремучие джунгли поражают своим великолепием. Первые лучи солнца приветствуют нас. В этот ранний час розовые цветы источают тонкий аромат. От недавно сваленных сосновых стволов исходит хорошо знакомый запах смолы. Уже жарко!..

Прыгая с камня на камень, перелезая через преграждающие путь скалы, балансируя и ежеминутно рискуя свалиться в поток, преодолеваем препятствия и быстро набираем высоту.

– Первый снег! – радостно кричит Ишак.

– Ну как, здесь пойдет веселей, Марсель?

Какие контрасты! Это тебе не Альпы! Здесь от джунглей до снега действительно лишь один шаг.

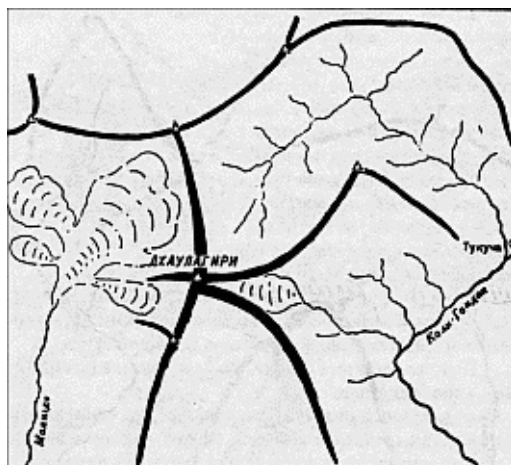
Поднимаясь по левому боковому ущелью, мы надеемся найти просветы в окружающих горах и, может быть, даже увидеть северный склон. Мы возлагаем на этот склон большие надежды, так как знаем, что в Гималаях, по многим причинам метеорологического и геологического характера, пути с севера часто бывают более пологими и легкими. Некоторое время мы движемся вдоль основания скальной стены.

– Похоже на цирк Гаварни, но куда больше по масштабам, – говорит Ишак.

Семитысячный пик Тукуча закрывает вид своими величественными грозными стенами. Вокруг нас низвергаются со скал водопады, на склонах горы зацепились пятна талого снега. Зима кончается. Как-то проявится в этих местах таинственная сила весны? Сморщенная, искривленная, придавленная растительность вылезает из-под тающего или обваливающегося снега. Птицы и насекомые перемещаются выше по ущелью, где они смогут теперь найти себе пропитание.

– Еще несколько недель – и наступит лето!

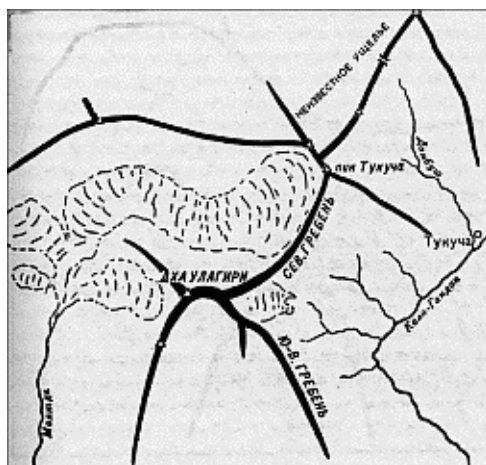
– Экспедиция прибыла вовремя, не правда ли?

Орография массива Дхаулагири по индийским картам

Ишак производит засечки. Высотомер показывает 3400 метров.

Северная Нилгири – 111° к востоку. Пик Тукуча – 270° к западу... Карта явно врет! Все ясно. Громадный цирк Дамбуш-Кхола ограничен с севера гребнем, спускающимся с пика Тукуча! У северного подножия Дхаулагири расположен другой цирк, вот и все. Но если надо пересечь гребень, чтобы выйти в этот цирк для штурма северного склона, то нам хватит работы еще на год! Я начинаю серьезно колебаться. На сегодня, пожалуй, достаточно.

Орография массива Дхаулагири по данным французской экспедиции 1950 года

– Спешим вниз, если хотим поспеть в лагерь к ужину! Мы быстро спускаемся, длительно глиссируя^[40] по снегу.

Время от времени останавливаемся, фотографируем. Собираем для геологов образцы минералов. В 16 часов 30 минут, обгоревшие, но несказанно довольные, мы уже наслаждаемся в лагере чудесным чаем с молоком. Наши товарищи удивляются:

– Как, вы не видели Дхаула?

Они, кажется, думали, что мы принесем им цветную карту с горизонталями в масштабе 1:20 000!

– Не стройте себе иллюзий, разведка часто дает очень мало. Ведь здесь все настолько грандиозно! Наверняка нужно идти не один день, чтобы взглянуть на северный склон хотя бы издали...

– Почты не было? – спрашивает Ишак.

– Нет ничего, – отвечает Нуаель. – Я говорил с Ж.Б... Он выясняет, в чем дело.

– А как Аннапурна? Видели? – набрасываюсь я на Удо и Шаца, которые только что вернулись.

– Только верхнюю часть...

– И то хлеб!

– То, что мы видели, выглядит прилично. Впечатление неплохое, правда, Удо? А вот подходы... боюсь, как бы они не оказались головоломкой! Ведь мы видели все это только издали.

– Над тесниной Миристи мы заметили небольшую седловину. Склон, спускающийся к нам, как будто проходим. Что делается по другую сторону – неизвестно. Надо было бы подойти поближе...

– Ты прав, нужно наконец во всем этом разобраться, – говорю я Марселю. – Как только отдохнете, отправляйтесь снова. На этот раз на несколько дней...

Пока что мы находимся в полнейшей неизвестности. Дискуссии бесконечны, но ясности не прибавляется ни на йоту.

– Эй! Морис! Начальство прибыло!

Появляются Нуаель и Ж.Б... в сопровождении хорошо одетого человека лет сорока. Роскошные висячие усы. Острый взгляд. Это суба, префект района! Следуют индийские поклоны с обеих сторон.

– He is of Thinigaon^[41], – проникновенным голосом объявляет наш друг Ж.Б... указывая на местного жителя, стоящего поодаль, и уточняет: – A friend of the great man!^[42]

Незнакомец оказывается шикари, якобы прекрасно знающим перевал Тиличо. Мы тащим его к карте, и начинается допрос:

– Перевал Тиличо под Аннапурной?.. Нет? Так где же? Здесь? А?!

– Не может быть! К северу от Нилгири? Не к югу? Не возле Миристи?

– Он, наверное, путает Тиличо с другим перевалом – Торунгзе, выше Муктината!

– Нет, гляди, он говорит "нет"!

– Стойте, это же очень важно! Если перевал Тиличо находится к северу от Нилгири, значит, нужно их пересечь, чтобы выйти к Аннапурне, а это невозможно, или же совершить длительный обход с севера.

– Он может нас провести на перевал Тиличо? За два ходовых дня? Это меняет дело! На месте мы разберемся.

– Действительно, на карте есть звездочка, указывающая на какой-то проход к северу от Нилгири.

– Но смотри, перевал Тиличо ведь ясно показан между Нилгири и Аннапурной! Может быть, топографы перепутали название? Должен же все-таки здесь быть перевал. Эй, спроси-ка этого человека из Тинигаона, нет ли прохода между Дана и Манангботом?

– Он никогда о нем не слышал!

Чему верить? Есть только один выход: сходить и посмотреть на тот перевал Тиличо, о котором говорит этот человек из Тинигаона! Но это относится к исследованию Аннапурны, и мы пойдем туда позднее. Пока займемся Дхаулагири.

На следующий день, полные энтузиазма, возвращаются Ляшеналь и Ребюффа. Проводник вывел их на правую сторону Восточного ледника Дхаулагири, почти под самый пик Тукуча.

– Великий вождь этот шикари, – говорит разбирающийся в людях Ляшеналь.

– По сравнению с ним мы просто мальчишки, – добавляет Ребюффа.

– Ну что же, будем знать на будущее. А как насчет ледника?

Ребюффо объясняет:

– Мы поднялись до высоты Монблана после ночевки на 4000 метров. Восточный ледник представляет собой сплошной ледопад. Пройти его, наверное, можно, но это отнюдь не прогулка!

Ляшеналь продолжает:

– Предположим даже, что мы преодолеем ледопад. Не видно, как выйти на северный гребень. По-моему, об этом нечего и думать! Настоящее ребро Уэлкера^[43] с ледовыми сбросами в придачу.

– Ближе к югу, возможно, есть более простой выход на гребень, – возражает Ребюффе. – Сам гребень снизу не кажется таким страшным. Конечно, он длинный, но не такой уж крутой. В бинокль видны ледовые башни. В общем, проходимо!..

– Во всяком случае, мы сильно ошибались в масштабах. Все куда больше, чем казалось. Правда, Гастон?

– О, это факт!

Альпийская тактика здесь неприменима. Нужно переходить к тактике

организации последовательных лагерей. Личные подвиги должны уступить место коллективным действиям. Теперь все мы отдаем себе отчет в том, что такое гималайская экспедиция. Ее можно определить одним словом – команда.

Пока пришедшие с жадностью набрасываются на тушенку под острым соусом, мы продолжаем обсуждать ситуацию.

Хорошего пока что мало. Однако первая разведка дала нам возможность проникнуть в гималайское высокогорье и понять суть задач, которые оно ставит перед нами. О том, чтобы разрешить эти задачи в 48 часов, не может быть и речи. Только теперь мы можем приступить к планомерной осаде намеченных объектов.

Пока Кузи, Удо и Шац исследуют подход к Аннапурне по ущелью Миристи-Кхола, Ишак, Террай и я изучим северный склон Дхаулагири и путь к нему по ущелью Дамбуш-Кхола.

На рассвете 26 апреля оба отряда выходят на несколько дней. Сопровождающие нас шерпы несут лыжи и высотные комплекты. Тот же шикари, который ходил с Ляшеналем и Ребюффа, доводит нас до первого фирна. Выше он никогда не поднимался. После короткого завтрака мы отправляем его вниз.

Ужасная жара. Снег превратился в какую-то кашу. Чтобы не слишком проваливаться, надеваем лыжи. Для шерпов, барахтающихся по пояс в снегу, подъем особенно тяжел. Пять часов! Все шерпы, кроме Анг-Таркэ, должны идти вниз. Нам же надо устанавливать бивак.

Невозможно снять темные очки. Блеск снега нестерпим для наших усталых глаз. Рядом с нами грандиозная северная стена пика Тукуча. Сверкая алмазами, она буквально подавляет нас своей неприступностью. Наши палатки очень малы. Мы зовем их "гробами". Влезть туда можно только ползком. Но, сделанные из нейлона и алюминия, они весят всего 2 килограмма и свободно умещаются на дне рюкзака. Лежа в спальных мешках на надувных матрасах, перевернувшись на живот, Ишак, Террай и я готовим ужин. Приходится учитывать каждый сантиметр – резкие движения недопустимы. Нужно иметь крепкие нервы, чтобы не поддаваться угнетающему влиянию столь ограниченного жизненного пространства.

На другой день с первых же шагов Террай задает быстрый темп. Может быть, он хочет взять реванш? В последнее время он так ослабел от болезни, что еле двигался. Мы с трудом поспеваем за ним. Крутизна склона настолько велика, что камосы^[44] еле держат. Приходится даже налегать на палки. Солнце уже над головой. Рельеф усложняется, мы втыкаем лыжи в

снег, чтобы можно было найти их при спуске. Дает себя знать высота, равная примерно высоте Монблана. Несмотря на терзающий нас голод, мы продолжаем подъем, надеясь дойти до пологого места. Террай идет уже с большим трудом. Не слишком ли он понадеялся на свои силы? Не знаю. Во всяком случае, чтобы дойти до площадки, он вынужден «выложиться» без остатка. Тяжело опустившись на снег, он говорит:

– Больше не могу, у меня такое чувство, что я сейчас скончаюсь.

Осторожности ради ему надо выпить чашку горячего чая и спуститься в первый лагерь.

– Это горная болезнь, – замечает Ишак. – Ты еще не совсем поправился. Внизу ты сразу придешь в норму. Анг-Таркэ поможет нам установить второй лагерь и после этого также пойдет вниз.

Прощаемся с товарищем и траверсируем наискосок обширные снежные поля, над которыми возвышаются большие ледяные стены. Снег несколько лавиноопасен. Мы сознательно идем на риск. Быстро добираемся до склона, ведущего к перевалу, и начинаем бесконечный подъем, который из-за действия высоты дается с большим трудом. Сказывается недостаток акклиматизации. Перевал еще далеко. Решаем отослать вниз Анг-Таркэ. На маленьком скальном островке посреди склона можно установить палатку. Сбросив свой груз, Анг-Таркэ быстро уходит, чтобы поспеть засветло в лагерь. Начиная с 5000 метров головная боль – частое явление; вскоре у нас начинаются сильные приступы. Таблетки аспирина, розданные нам предусмотрительным Удо, оказались кстати. Хотя мы оба сильно устали, однако всю ночь не смыкаем глаз. На восходе, оставив палатку на месте, продолжаем путь. Поднимаемся гораздо быстрее, чем накануне, и нам требуется меньше часа, чтобы подойти под перевал. Утреннее солнце придает пейзажу необыкновенную рельефность. Уходящий от нас гребень окрашен в совершенно чистые тона.

– Эх, старина, это еще не настоящий перевал, – говорю я с глубоким разочарованием Ишаку.

Вместо долины перед нами только цирк – сплошная снежная доска^[45].

– Морис, смотри! Перевал с другой стороны, в двух часах хода отсюда.

Появляется необычная усталость. Несмотря на пройденный длинный путь, чувствуется недостаток тренировки и слабая акклиматизация.

– Необходимо, чтобы все, включая шерпов, участвовали в разведке и ночевали на высоте 5000—6000 метров, – говорю я Ишаку. – Совершенно ясно, что без предварительной акклиматизации подняться высоко невозможно.

На перевале нас встречает ледяной ветер. Приходится надеть

штормовки и брюки из голубого нейлона, непроницаемого для ветра и снега.

– Вот так штука! Недурно! Отсюда начинается ущелье!

– На карте его нет, – уверяет Ишак, – это неизвестное ущелье.

– Оно спускается к северу и разделяется на две громадные ветви.

– А Дхаулагири нет и следа! Если не считать эту подделку, эту жалкую имитацию, – говорит Марсель, указывая на какой-то семитысячник, удивительно похожий на Дхаулагири.

Неглубокое Неизвестное ущелье, названное так Ишаком, обожающим давать имена, полого спускается перед нами. Оно довольно широкое, альпийского типа. Перемежающиеся пятна снега и пожелтевшей травы напоминают пятнистую шкуру тигра.

– Чтобы увидеть северный склон Дхаула, нужно идти влево, до другого конца ущелья, с той стороны, вероятно, должен открываться потрясающий вид!

Однако мои слова не вызывают у Ишака особого энтузиазма.

– Сейчас слишком поздно, – отвечает он, – и у нас нет с собой палатки.

– Ты прав.

– Спустись немного, я сниму панораму – и вниз!

С другой стороны Тукучи над вершинами Нилгири поднимается мощный пик. Ишак определяет: это Аннапурна. Пока я подхожу к нему, он быстро рисует крюки. Дует пронизывающий ветер. Набегают облака. Поспешно проглотив тубик сгущенного молока, пускаемся в обратный путь...

Шагаем молча, с неподвижным взором, как автоматы. Дыхания не хватает. В сознании возникают сладкие грезы: нежная долина Шамони с успокоительной зеленью лесов; тенистые тропы, по которым так приятно прогуливаться!

Я чувствую, что силы иссякают. Последний подъем перед перевалом – тяжелое испытание. Ишак пробивает тропу. Стараюсь следовать за ним, но тщетно. Через каждые десять шагов валюсь на снег.

Больше не могу!

Марсель клянет меня последними словами – в таких случаях это единственное средство.

Наконец гребень! Какое облегчение! Но впереди еще весь спуск.

К своему удивлению, с первых же шагов я чувствую, что у меня выросли крылья. Буквально кубарем скатываемся вниз. Через несколько минут мы в лагере. Я делаю открытие: при подъеме страдаешь от высоты, недостатка кислорода, одышки. На спуске – ничего подобного. Наоборот,

все кажется легко.

Пока греется вода для чая, Ишак рассказывает мне о любопытном явлении, замеченном им совсем недавно, когда мы шли по плато.

– Я брел как истукан, и мне все время казалось, что позади слышны чьи-то шаги... Кто-то третий идет за нами. Я хотел даже тебе крикнуть, но язык не поворачивался. Украдкой я поглядывал назад, чтобы успокоиться. Но это ощущение все время возвращалось, как навязчивая идея. Потом все пришло в норму. Как раз в это время у тебя был припадок депрессии.

– Да... это доказывает, что на высоте ясность мышления катастрофически падает.

Мы чувствуем себя разбитыми, ноги дрожат, голова тяжелая. Сквозь окружающие тучи пробивается солнце.

– Анг-Таркэ идет! – кричит Ишак, заметивший на снегу поднимающуюся по следу маленькую черную точку.

– Ура! Он поможет нам тащить все это хозяйство.

В сильном возбуждении мы забываем о прелестях спального мешка. С грехом пополам напяливаем на ноги замерзшие ботинки. Бивак свернут в рекордное время. Нагруженные, как верблюды, осторожно спускаемся по ненадежному снегу.

– Салям, Анг – Таркэ!

– Tired, sir?^[46]

Он хочет все взвалить на себя! Плечи у меня буквально перепилены лямками, и противиться соблазну – просто пытка. Однако благоразумнее будет распределить груз поровну.

– Вперед!

Мы скатываемся по лавиноопасным склонам, не внушающим мне сейчас никакого доверия. Вот и гребень – кошмар Террая. Лыжи на месте.

Анг-Таркэ спускается до лагеря пешком, в то время как мы на малой скорости выписываем по ненадежному снегу великолепные повороты.

На следующий день нас встречают в Тукуче с триумфом. Террай, спустившийся накануне, чувствует себя лучше, однако его усталость еще не прошла. Товарищи забрасывают нас вопросами:

– Так как же с Дхаулагири, какие перспективы?

– Куда он спускается, этот северный склон?

– На луну!..

Восточный ледник

За исключением Кузи и Шаца все в сборе. Прекрасный случай, чтобы обсудить создавшееся положение.

Удо сообщает, что 27 апреля он поднялся на седловину в гребне, показавшуюся нам столь обнадеживающей, когда мы впервые увидели ее из Лете^[47].

– Тяжело, конечно, но носильщики все же пройдут. Оттуда видна Аннапурна... но так далеко! Наверху видны гребни, в ущелье Миристи-Кхола спускается ребро. Может быть...

– А перевал?

– Не видно никаких Тиличо! Я там остановился, отпустив других вперед.

– В конце концов, – говорю я после паузы, – перед нами три задачи. Что касается Дхаулагири, нужно исследовать северную часть и подходы к ней. Разведка, которую мы сделали с Ишаком, лишь приподняла край завесы, но отнюдь не разрешила всего вопроса.

– Это не вопрос, это тайна, – говорит Ишак. – У меня на этот счет есть кое-какие мыслишки, но, очевидно, надо посмотреть на месте.

– Значит, нужно сделать еще одну разведку. Это и далеко и высоко. Придется здорово поднажать!

– Включай и меня, как только я буду в состоянии двигаться, – говорит Террай. – Мне надоело болеть. В последний раз, когда я был с Морисом и Ишаком, я "дошел". Требую реванша. Через два дня я буду в полной форме...

– Не хочу навязываться, – вступает в разговор Удо, – но, признаться, мне бы тоже хотелось пойти. Я здесь только и делаю, что раздаю лекарства тукучским "пациентам".

– Престиж, старина! Не забывай. А потом, ты ведь только что вернулся!

– Наш престиж настолько велик, что может обойтись пару дней и без меня.

– Так что же, тебя уже более не забавляют ответы хорошеньких непальских девушек, когда ты допытываешься, нет ли у них лихорадки? – смеясь, спрашивает Нуаель.

– Знаешь ли, экзотика постепенно теряет свою привлекательность.

– Ну, коли так, пойдем вдвоем, – решает Террай.

– Идет!

– Предупреждаю, – говорит Террай, – я пойду до конца!

– Пойдем вместе.

– Как бы ни было это далеко, сколько бы ни пришлось пройти перевалов, какие бы трудности ни встретились, я не остановлюсь.

– Достаточно будет всем добраться до такого места, откуда можно зарисовать всю северную часть Дхаулагери, – говорю я.

– Хорошо, – отвечает Террай, – но мы должны быть во всеоружии. Мне нужны два шерпа, шесть носильщиков, которых можно нанять здесь, и по крайней мере на восемь дней продуктов...

– Это все мы обсудим подробно.

– Вторая задача? – спрашивает Ляшеналь. Видимо, лихорадочный приступ деятельности Террая заразил и его.

– Вторая задача – Аннапурна. Нужно выяснить вопрос с ней, однако, прежде чем что-либо предпринимать, необходимо дождаться возвращения Кузи и Шаца. Что касается третьей задачи...

– А! Это для нас, Гастон, – говорит Ляшеналь, обращаясь к Ребюффа.

– Этот вопрос, который еще совершенно неясен...

– Ненадолго! – кричит Ляшеналь.

– Ты же не знаешь, о чем идет речь!

– Черта с два!

– Восточный ледник Дхаула? – говорит Гастон.

– Совершенно верно! Можно ли по нему подняться и затем свернуть налево, добраться до юго-восточного гребня или направо – до северного гребня? Разведки, сделанной тобой и Бискантом, недостаточно, чтобы составить ясное представление.

– Но, пожалуй, достаточно, чтобы впасть в пессимизм, – отвечает Гастон. – Мне кажется, что подъем в лоб по леднику будет трудным. Судя по тому, что мы видели, – это громадный ледопад, заваленный сераками^[48], пересеченный бесчисленными трещинами. Лавины сходят непрерывно. Все это выглядит не слишком привлекательно.

– Я пойду с вами, – говорю я Ляшеналю и Ребюффа. – Мы доедем верхом возможно дальше и установим маленький базовый лагерь у языка ледника. Будь я трижды проклят, если нам не удастся раскрыть эту тайну.

Следующий день объявлен днем отдыха для всей экспедиции. С утра Ишак, Нуаель, Ребюффа и я используем свободное время, чтобы подняться на небольшой холм к югу от Тукучи, откуда прекрасно виден Дхаулагери. Рассматриваем в бинокль детали страшного Восточного ледника. Если

пройти слева, то есть по правому орографически берегу можно обойти большую часть сераков на всем пути, за исключением верхней части ледопада. Основная задача – выход на один из гребней.

Отсюда замечательный вид на Дхаулагири; в ущельях еще проплывает утренняя дымка. Ослепительный блеск льда и снега заставляет прищуриваться. Небосвод нежно-голубого цвета. В каких-нибудь 200 метрах от нас, примостившись на остром утесе, наблюдает за нами неподвижный коршун.

Вот уже месяц, как мы в Азии!

Просыпаясь, чувствуем ломоту во всем теле.

– Когда же придут наши клячи? – спрашивает Бискант у Ж.Б... – Вставай, Морис, все готово!

Признаюсь, сегодня мое участие в сборах чисто фиктивное.

Проезжаем верхом обширную каменистую равнину Гандаки. Шерпы ведут нас через Ларжунг, вероятно затем, чтобы лишний раз повертеть молитвенные мельницы. Это селение с узкими улочками, перекрытыми крышами (для защиты от обильных зимних снегопадов), выглядит очень живописно. Примерно через километр оставляем лошадей. Караван растягивается по травянистым склонам. Многочисленные яки и коровы усердно поедают густую траву. По склонам горы разбросаны деревья, покрытые душистыми цветами различных оттенков: от красного до розового. Трудно выдерживать график движения в этом земном раю. Шерпы недоумевают, почему сегодня мы так охотно соглашаемся на все остановки, предлагаемые носильщиками. Как-то не укладывается в голове, что через несколько часов вместо этих гигантских цветов, этой приветливой зелени мы увидим вокруг себя ледники, настолько грандиозные, что от нашей смелости не останется и следа. Весь день набираем высоту.

Покидаем зону лесов. Жалкая редкая трава – единственная растительность на этой высоте.

Наш караван поднимается. Все чаще попадаются фирновые участки. Вечером разбиваем лагерь на последнем клочке земли. Устанавливаем рацию, позволяющую поддерживать двухстороннюю связь на расстоянии более 10 километров. Вскоре удастся связаться с Тукучей; с ребяческим восторгом слушаю голос Ишака, сообщаящего мне последние сведения и городские сплетни.

– Алло, Марсель! Дошли хорошо. Местечко здесь мрачноватое при этой погоде. Все уже улеглись...

– Нуаель выходит завтра за вами. Кузи и Шац вернулись.

– Ага! Ну как с Аннапурной?

– Они шли три дня. Им удалось проникнуть в верховья ущелья Миристи-Кхола.

– Молодцы!

– В конце его они уперлись в ребро, спускающееся с Аннапурны.

– То, которое они с Удо видели 27 апреля?

– То самое. Говорят, ребро грандиозное. Начало как будто приемлемое. Далее ребро, вероятно, соединяется с вершинным гребнем, но где именно, снизу не видно.

– А дальше они не пошли?

– Нет! Решили, что обогнуть ребро, чтобы увидеть северный склон, будет трудно.

– Значит, они так и не видели перевала Тиличо?

– Ни малейшего признака. Если действительно существует перевал Тиличо, ведущий к подножию северного склона Аннапурны, то он где-то в другом месте.

– Значит, тот человек из Тинигаона был прав! Здорово они устали?

– Да, порядочно, сейчас отдыхают.

– Какая у вас там погода?

– Очень холодно. Кругом облака. Привет всем!

– Привет... Желаю успеха!

Внезапно я вспоминаю о носильщиках, пришедших с нами. Как они проведут ночь? У нас есть лишняя палатка.

Часть из них могла бы там укрыться...

Напившись чаю, иду осматривать лагерь.

– Слушай, Анг-Таркэ, как быть с носильщиками?

– Yes, sir^[49].

– Where?^[50]

– Here^[51], Бара-сагиб!

– Как здесь? В палатке? Их же шестеро! – Заглядываю в палатку. В темноте не различаю ни рук, ни ног, но запах... Как они не задохнутся?

С рассветом мы быстро отправляемся к большому ледопаду. Вблизи в предрассветных сумерках он производит сильное впечатление. В группе кроме моих товарищей Ля – шеналья и Ребюффа шерпы: Анг-Таркэ, Путаркэ и Саркэ, которым впервые придется встретиться с большими техническими трудностями.

Целый день в поисках снежных мостов^[52] мы бродим среди гигантских ледяных стен или вдоль зияющих трещин. Поневоле

приходится двигаться под громадными сераками, готовыми обрушиться каждую минуту. Поднимаясь на кошках или вырубая ступени, мы с тревогой поглядываем на еле держащиеся колоссальные ледяные глыбы.

Крутизна сильно возрастает. Мы вынуждены непрерывно рубить ступени. Шерпам, нагруженным двадцатикилограммовыми рюкзаками, приходится тяжело. Погода, которая уже с одиннадцати часов была неважной, резко ухудшается. Мы вынуждены установить лагерь на площадке, защищенной от ледовых обвалов. Сейчас четырнадцать часов, а мы прошли только половину ледопада!

Идет снег. Вторая половина дня пропала.

Ночь проходит беспокойно: мы не можем сомкнуть глаз.

Утром встаем очень рано, так как ежедневно с двух часов дня начинается гроза. Как правило, эхо раскатов грома повторяется окружающими склонами непрерывно до самого вечера.

Светает, первая связка преодолевает ледовый склон над лагерем. В рюкзаках позвякивает «слесарня»^[53].

Мы готовы ко всему. Лед в эти ранние часы очень тверд. Шерпы поднимаются на кошках вполне правильно, хотя и медленно. Как мы уже заметили позавчера с наблюдательного пункта, наилучший, если не единственно возможный, путь проходит по правому краю ледника.

На высоте около 5000 метров начинается одышка. Шерпы на остановках, согнувшись вдвое, опершись на ледоруб, выдыхают воздух с громким свистом. Мы начинаем к этому привыкать – еще во время подходов некоторые носильщики дышали точно так же.

Хотя определенно сказать трудно, но мне кажется, что я меньше страдаю от недостатка кислорода, чем Ляшеналь и Ребюффа. Сказывается положительное действие последних ночей, проведенных на высоте 5000 метров. Это обстоятельство еще раз подтверждает, что всей нашей команде необходимо побыть на высоте 5000—6000 метров перед решающим штурмом.

Уже полдень! До плато, где трудности кончаются, остается еще 300 метров.

Ледник подобен реке: за пологими участками, где течение его спокойно, следуют разорванные ледопады. Преодоление последних 300 метров весьма проблематично.

– Мне не нравится эта картина, – замечает Ляшеналь.

– Ненадежное место. Взгляни на упавшие глыбы льда! – восклицает Ребюффа.

– Всюду голый лед, – говорю я разочарованно. – А какая крутизна!

Пожалуй, следовало бы пересечь весь ледник и попытать счастья у левого края.

– Прежде надо попробовать подняться в лоб и свернуть влево, вплотную к скалам, – советует Ребьюффа.

– Сходите вдвоем, посмотрите, как это выглядит? Я подожду здесь с шерпами.

В мгновение ока они преодолевают ближайший склон зеленого гладкого льда дьявольской крутизны.

– Молодцы! Вот это класс! – кричу я им.

Мастерство друзей подбадривает меня. Шерпы поражены. Через несколько минут слышу крик Ляшеналья:

– Эй, Морис! Влево не ходи. Можешь подняться, мы сейчас посмотрим, что делается справа.

– О'кей! Будьте осторожны!

Небо свинцового цвета – опять плохая погода!

Товарищи проходят очень опасное место. В любой момент они могут оказаться под падающим сераком.

– Вперед! – говорю я обеспокоенным шерпам.

Мне приходится рубить для них многочисленные широкие ступени и захваты для рук. Громоздкие рюкзаки тянут вниз. Крутизна столь велика, что стоя упираешься носом в лед.

– Прохода нет! – раздается голос сверху.

– Громадная трещина перегораживает весь ледник! – доносится крик.

Слышится целая серия звонких ругательств – друзья реагируют на неудачу.

Я обнаруживаю их за сераком.

– Ну что, не выходит? Видно, придется траверсировать. Может быть, есть проход с другой стороны...

Падает снежок. Облака нависли над самой землей. Гром гремит непрерывно, действуя на наши и без того измученные нервы. Мы вшестером затерялись среди гигантских сераков, которые воздвигла перед нами гора. Со зловещим треском содрогаются под нами ледяные глыбы. Тусклый свет падает на мертвенно-бледные ледовые склоны.

Ляшеналь и Ребьюффа находятся под сильным впечатлением зловещего окружения. Однако они мужественно идут на разведку в указанном направлении.

В ожидании их все молчат. По временам ледник угрожающе вздрагивает. Во что бы то ни стало надо оставаться бесстрастным.

Разведка возвращается. Лица мрачные.

– Пройти невозможно!
– Невесело, – говорю я, озадаченный. – Что же, раз нельзя...
– Морис, лучше спускаться, – уверяет Ребюффа, – здесь пахнет аварией.

Внезапно раздается громкий, продолжительный треск. Мы замираем в напряжении... На этот раз пронесло!

– Сейчас нам будет крышка! – кричит Ляшеналь. – Быстрее вниз!
– Бежим! – вопит Ребюффа.

Бесперывные раскаты грома усиливают общую панику. Это уже не отступление, а самое настоящее бегство перед вершиной, готовящейся нанести удар.

– Если нас не накроет, нам повезло! – успевает вымолвить Ляшеналь, устремляясь вниз по склону в связке с шерпом.

– Давай быстрее!

Я тороплю своего шерпа, который, на мой взгляд, слишком медлит.

Друг за другом мы спускаемся по ледяной стене.

Жестокий град обрушивается на нас. Приходится сдерживать себя, чтобы не спешить, каждое движение должно быть точно рассчитано.

– Смотри за шерпами, как бы они не свалились! – кричу я Ляшеналю, пользуясь минутным затишьем ветра.

– Это был бы шикарный спуск, – бросает он на ходу.

– Так близко от цели!

– В таких случаях нельзя упорствовать.

Я же думаю, что, даже если бы нам удалось выйти на это плато, было бы безумием вести туда всю экспедицию. Риск слишком велик. Никакая победа не могла бы оправдать сознательной игры человеческими жизнями.

Град сменяется снегом. Вокруг туман. Видимость не более пяти метров. По временам появляются серые тени, и какие-то привидения скатываются вниз к лагерю. Лавины свежего снега непрерывно обрушиваются с ужасающим грохотом.

Постепенно ад удаляется.

Для нас воспоминание о нем всегда останется кошмаром.

Около 17 часов мы наслаждаемся в лагере горячим чаем. Его приготовил Нуаель, увидев, что мы спускаемся.

– Значит, ты поднялся вчера наверх?

– Да, без особого труда. Придя на место, я отправил молодого Ангава обратно в Тукучу. Лишний рот был бы здесь ни к чему... Кроме того, он нужен Терраю.

– Какой сегодня день? Мы потеряли счет времени!

– Э, дорогой, третье.

– Уже 3 мая! Нам остается только месяц до муссона.

– И ничего определенного в отношении Дхаулагири пока что нет! Чтобы исчерпать все возможности, надо было бы исследовать ребра юго-восточного гребня здесь, прямо перед нами.

– Мы могли бы туда сходить! – восклицает Ляшеналь.

– Хорошо! Как только у вас будут лыжи, сбегайте на снежную вершину в конце ущелья.

– Лыжная вылазка! Вот это здорово!

– Я смогу заснять южный склон!

Нуаель предлагает мне связаться по радио с Тукучей.

– Два часа тому назад я разговаривал с Ишаком, но стоял такой треск, что я предпочел прекратить связь.

– Ты, разумеется, боялся за рацию? – иронизирует Бискант.

Спустя несколько минут связь с Тукучей установлена.

– Говорит Эрцог. Что нового в Тукуче?

– Говорит Ишак. В лагере все в порядке. Ничего нового. Лионель и Удо вышли сегодня утром. А как у вас?

– Мы не дошли до конца ледника, но теперь и так все ясно.

– Что именно? Есть путь?

– Как бы не так! Это горы... Будь они прокляты! Нам никогда здесь не пройти.

– Что же вы собираетесь делать?

– Я завтра спускаюсь. Ребюффа, Нуаель и Ляшеналь на лыжах сходят на Белую вершину – 5500 метров в юго-восточном гребне Дхаулагири. Оттуда они просматривают весь южный склон.

– Нужно ли им что-нибудь?

– Подбрось им продуктов и три пары лыж.

– О'кей! Если спустишься завтра, получишь к обеду жаркое из тхара.

– Из чего?

– Из тхара, гималайской серны. Ж.Б... и "Большой человек" ходили на охоту с нашими ружьями и убили трех тхаров. Один для нас...

– Ну, коли так, будем завтра обязательно! А Лионель?.. Он все же вышел?

– Не беспокойся, он захватил с собой порядочный кусочек!

– До завтра!

– Привет всем. Связь кончаю.

На следующее утро я спозаранку ухожу вниз, в то время как мои товарищи на лужайке у лагеря преподают шерпам основы ледовой техники.

В одиночку возвращаюсь в Тукучу. Дорога сказочно хороша. Я стараюсь не терять напрасно времени, но не могу не останавливаться через каждую сотню метров. С умилением смотрю на деревья с красными цветами. Напевая про себя, спускаюсь по травянистым склонам, покрытым разноцветным весенним ковром. Среди лесистых холмов, стыдливо укрывшись между двумя елями, бирюзовое озеро с прозрачной водой отражает изящные вершины Нилгири.

Окружающие его лиственницы кажутся менее суровыми, чем ели. Берега одеты нежным мохом...

К каменистой равнине Гандаки ведут плохие тропы. Вода поднялась. Придется переходить вброд. Я стою в раздумье, не решаясь намочить натертые на ногах волдыри. На мое счастье, подходит тибетец. Он все понял. Местные обычаи приходятся как нельзя кстати. Он осторожно взваливает меня себе на спину. Ступая босыми ногами по камням, невзирая на стремительное течение и на мой вес, он переходит

разбухшие рукава Гандаки и опускает меня на твердую землю. Как мне выразить свою благодарность? Протягиваю ему рупию. Он крайне почтительно отвечает несколько поклонов.

– Держи, вот еще одна!

Он не верит своим глазам. После небольшой паузы он отвечает мне низкий поклон. Я смущен и не знаю, что делать. Пытаюсь принять достойный и благородный вид. Затем, немного сконфуженный, удаляюсь.

В 13 часов прихожу в Тукучу, где меня радостно встречают Кузи и Ишак.

– Наконец в кои-то веки свежее мясо! – говорю я с полным ртом. – Поздравляю Ж.Б... с удачной охотой!

Я в великолепной форме. По части аппетита могу поспорить с Терраем.

– Так, значит, с Восточным ледником дело плохо?

– Технически это, вероятно, что-то вроде северной стены Плана^[54]. Но, конечно, намного опасней. Кстати, такого же мнения и Бискант. Перепугались мы до полусмерти. Вниз скатились кубарем! Каждый из шерпов срывался много раз.

– Паршиво! – замечает Кузи.

– Пока еще ничто не потеряно.

– Как так, а время? Дни, которые так и бегут? Да, Дхаулагири защищается неплохо!

– Возможно, завтра мы обнаружим подходящий путь. Ишак бросает взгляд в сторону Кузи, затем отвечает:

– Завтра? Это было бы удивительно!

В конце концов, разумеется, путь должен быть найден. Но меня тревожит, что до сих пор никто из нас не нашел и намека на обнадеживающее решение. Видно, разведка еще не скоро будет закончена.

– Существуют же еще подходы к юго-восточному гребню. Кроме того, верхнюю часть Восточного ледника, где мы не прошли вчера, может быть, удастся обойти по стене слева.

– Ну, знаешь, Морис, ты меня извини, но...

– Да, пожалуй, я сам довольно скептически отношусь к этому варианту, – вынужден я признать.

– Мы с Шацем в твоём распоряжении, – говорит Кузи.

– Да, правда! Вы отдохнули?

– Еще как!

– Прекрасно. Тогда мы одним камнем убьем двух зайцев. Вы пройдёте для акклиматизации, как мы все, и одновременно окончательно обследуете верхнюю часть Восточного ледника.

– Ты не думаешь, – замечает Ишак, – что эта вылазка будет дублировать восхождение Ляшеналея, Нуалея и Ребюффа на Белую вершину?

– Нет, они вряд ли смогут увидеть что-нибудь, кроме южного склона и выхода на гребень.

– От склона к склону, от гребня к гребню мы наконец обойдем Дхаулагири кругом, – заключает Кузи.

Итак, завтра мы выходим.

– Congratulations for the thar!^[55] – говорю я Ж.Б... входящему в палатку. (Он очень горд своей репутацией меткого стрелка.)

Я чувствую, что сегодня он страдает от безделья и не прочь поболтать. С некоторым трудом завязывается разговор о Непале, о гурках, о всемогущем в этих краях семействе Рана.

Он вытаскивает из бумажника свой мандат – с месячным опозданием. Мог бы показать его и пораньше! Передо мной свиток бамбуковой бумаги, покрытый санскритскими письменами и скрепленный несколькими сложными печатями: похоже на старинные грамоты наших первых королей!

От нас он ежедневно черпает множество новых понятий. Мы доверяем ему полностью и относимся к нему как к товарищу.

– Ж.Б... rice?^[56]

– Thank you, sir.

Он мотивирует свой отказ религиозными причинами: непальские индийцы не могут вкушать какую бы то ни было пищу с "неверными". Действительная причина кроется в том, что он никогда не пользовался вилок. Как и все здесь, он ест только пальцами, и ему стыдно перед нами.

На следующий день, 5 мая, около 8 часов утра Кузи и Шац покидают лагерь. Пришла их очередь обломать зубы на Восточном леднике! Наступает внезапная тишина. Мы с Ишаком остаемся в лагере одни.

– Soldier for Tansing! Letters?^[57]

Конечно есть, целая груда! Но куда запропастилась почта из Франции? Вот уже скоро пять недель, как мы сидим без писем! С помощью Ж.Б... мы пишем на гуркальском языке записку почтмейстеру, чтобы выяснить, в чем дело.

На штатив от кинокамеры устанавливаем подзорную трубу с двадцатипятикратным увеличением. Вскоре в верхней части Белой вершины на высоте около 5000 метров обнаруживаем своих товарищей.

Они готовятся к спуску. Мы с Ишаком вырываем трубу друг у друга.

Блестящая демонстрация французской горнолыжной техники, хотя, по-видимому, снег неважный. По «почерку» узнаю Ляшенала, выполняющего головокружительные повороты на глазах у ошеломленных шерпов; последние предпочитают спускаться на "пярых точках".

После обеда появляются любопытные процессии. Женщины селения, одетые в праздничные наряды, носят кувшины с водой и поливают всех встречных. Церемония, как видно, рассчитана на то, чтобы с помощью молитв и заклинаний вызвать дождь, который заставляет себя ждать. В горах не проходит дня без грозы, а в долине, нанося огромный вред урожаю, царит засуха.

Ишак носится со своей камерой по главной улице, стремясь заснять как можно больше. Престиж сагибов не помогает, и нас обильно поливают под громкий хохот. Наше достоинство "подмочено", и мы благоразумно отступаем к лагерю. Попросту говоря, удираем во все лопатки!

Вернувшийся Ребюффа с ужасом рассказывает о том, что он видел с Белой вершины. Мы забрасываем его вопросами.

– Что представляет собой южный склон? – спрашивает Ишак.

Не дожидаясь ответа, я добавляю:

– Когда мы смотрели на него из Буглунга, он выглядел потрясающе.

– Если бы ты видел его вблизи, тебе было бы все ясно. Колоссальная стена высотой несколько километров, без единого пологого участка! Что-то вроде утроенной северной стены Маттегорна, а она, как ты знаешь, не слишком привлекательна! Мы с Бискантом и Нуаелем смотрели друг на

друга квадратными глазами... На южный склон лучше не рассчитывать.

– Так, понятно! А как насчет юго-восточного гребня? Когда мы смотрели на него с Восточного ледника, ты был среди нас настроен наиболее оптимистично. Ты говорил тогда...

– Я ошибался. Во-первых, он невероятно длинен, поднимается на очень большую высоту, а главное – технически чрезвычайно сложен: стены, ледяные башни, скалы, расчлененный рельеф, масса «жандармов» – словом, все двадцать четыре удовольствия.

– А площадки для лагерей там есть?

– Ни единой.

– Да, все это выглядит не слишком радостно.

– О! – восклицает Ребюффа. – Об этом маршруте не может быть и речи.

– Я думаю, – говорит Ишак, – никто из нас не строил особых иллюзий как насчет юго-восточного гребня, так и насчет южного склона.

– Каковы же выводы?

– Ставим жирный крест на обоих вариантах. Удрученные плохими известиями, мы идем обедать в общую палатку.

На следующий день к нам приходит с визитом буддийский лама, встреченный нами еще в Баглунге. Одет он в красное платье сомнительной чистоты. Лицо сияет жизнерадостным добродушием. Ишак, явно питающий слабость к простоте и непосредственности буддийских лам, щедро его угощает. Наш лама с энтузиазмом рассказывает о Мук-тинате. Разговор ведется с помощью Анг-Таркэ и не лишен оригинальности. Выглядит это примерно так.

– Вы сейчас туда направляетесь? – спрашиваем мы его.

– Я буду там завтра, – отвечает он с широкой улыбкой.

– Однако это же далеко отсюда!

Хоть он и лама и привык к чудесам, я все же не думаю, чтобы у него были семимильные сапоги!

– Надо там быть, – продолжает он. – Там каждый день происходят чудеса: пламя вырывается из-под земли, священники предсказывают будущее!

– Мы придем обязательно! Через несколько дней... Ишаку приходит в голову гениальная идея:

– Возьдем ли мы на Дхаулагири?

Вот случай показать свою таинственную силу!

Лама сосредоточенно перебирает огромные четки. Его взор поднимается к небесам, затем падает на руки... Сцена продолжается более

пяти минут. Мы сидим неподвижно.

Может быть, мы станем свидетелями необыкновенного колдовства? Нам ведь говорили, что ламы – существа сверхъестественные.

Постепенно лама возвращается на грешную землю, наконец он решается заговорить:

– Дхаулагири для вас неблагоприятен. – И добавляет: – Лучше о нем не думать и направить ваши усилия в другую сторону.

– В какую именно? – интересуется Ишак.

Этот вопрос имеет для нас существенное значение.

– В сторону Муктината, – отвечает он, как будто это само собой понятно.

Не имеет ли он в виду Аннапурну? Будущее покажет.

Появляется загорелый Ляшеналь. Наконец-то мы что-нибудь узнаем! Вот уже несколько дней, как у него на груди вскочил прыщ. Щедрая натура Ляшеналья так вскормила его, что он превратился в фурункул фантастических размеров. Ишак не может удержаться от искушения заснять на цветную пленку это феноменальное явление.

Ляшеналь оставил Кузи и Шаца в лагере на леднике. Рации вышли из строя, несколько дней мы будем без новостей. Около половины шестого со стены, нависающей над лагерем, приземляются (выражение отнюдь не преувеличенное) двое друзей: Удо и Террай. Лионель сильно возбужден. Борода придает ему устрашающий вид.

– Ну, братцы, можете ставить на Дхаулагири крест! Губы выпячены вперед больше обычного. Голос звонкий, почти сердитый.

– Понимаешь, Морис, твой Дхаулагири невозможная штука. Легче в рай попасть!

– Сначала сядьте и попейте. Вы оба покрыты пылью и потом с ног до головы!

Я надеюсь, что это их немного успокоит.

– Нет ли чего поесть? – требует Террай.

– Сейчас приготовят. Так что же вы все-таки видели?

– Вот как было дело с самого начала, – спокойно рассказывает Удо. – Третьего числа мы разбили палатки на высоте около 4500 метров между двумя вашими лагерями. Следующую ночь мы провели в Неизвестном ущелье. На седловине носильщики заартачились. Они боялись: никогда еще им не приходилось переходить этой границы. Вчера рано утром мы с Лионелем достигли седловины, которую вы видели издалека и которая замыкает северный бассейн Дхаулагири. Ну, брат, тут...

– Что тут?

– Я и сейчас еще в поту! – не удержавшись, орет Тер-рай. – Кошмарные теснины!

– Но где именно?

– Прямо против нас был Дхаулагири, – продолжает Удо, – настоящий Дхаулагири. При подъеме я спутал его с ложной вершиной. На дне перед нами – грандиозный ледник, весь в трещинах...

– Более поганого места не придумаешь, – прерывает Лионель.

– Весь в трещинах, стекающий через каньон, со стенами высотой несколько километров.

– Видишь, я был прав, – с притворной скромностью вставляет Ишак, – все стекает по ущелью Маянгди-Кхола!

– И все это грандиозно, – добавляет Террай, – это целый мир! Что касается северного гребня, отделяющего этот ледник от Восточного, на котором вы были, так это полускальное, полуледовое, очень крутое ребро. А северо-западный гребень, который до этого никто еще не видел, обрывается отвесами в теснины.

Все это звучит удручающе! "Неужели действительно неприступен?" – шепчу я мысленно. Ишак бросает с игривым видом:

– Лама ведь сказал: "Дхаулагири для вас неблагоприятен! Идите к Муктинату" ... Так вот...

– Так вот, туда и направимся, и не позже, чем завтра утром! – решаю я твердо.

– Куда, к Тиличо? – спрашивает Гастон.

– Пойдем к тому Тиличо, к северу от Нилгири, о котором нам говорил житель Тинигаона, и атакуем Аннапурну с тыла.

– Почему бы не использовать разведку, проведенную в Миристи-Кхола группой Кузи – Удо – Шац? Они же видели Аннапурну!

– Да, но только издали. И они не видели северного склона. Дойти туда непросто. К тому же ребро мне определенно не нравится. Кстати, и им также...

– Посмотри на карту, – прерывает Ишак, – пройдя через Тиличо, мы сэкономим несколько дней подходов.

– Увидишь, – говорю я, – мы попадем прямо к северному склону, а пути с севера в Гималаях часто легче других! Мы пройдем столько, сколько потребуется, чтобы найти Аннапурну! Если понадобится, даже до Манангбота.

– Докатились! На поиски Аннапурны! – разочарованно констатирует Ишак.

В поисках Аннапурны

– Поторопись, Удо, я умираю от голода!

Ляшеналь и Террай не получают особого удовольствия в это утро: Удо подвергает их различным важным исследованиям.

Проверка обмена веществ, испытание по Флаку^[58] и другие процедуры продолжаются более часа. Эти исследования необходимо делать натошак, что является тяжелым испытанием, так как после возвращения из разведки у людей великолепный аппетит.

В то время как Террай подвергается этой мучительной процедуре, Ляшеналь, уже покончивший с ней, хладнокровно отрезает себе гигантские куски колбасы. Время от времени Террай бросает косые взгляды в его сторону.

– Бискант, свинья ты этакая, убирайся отсюда со своей колбасой.

– Замолчи, испортишь результаты, – говорит безжалостный Удо.

Эти исследования очень важны.

Вначале я опасался, что Удо скорее альпинист, чем медик. Ничего подобного: он блестяще сочетает в себе то и другое.

Удо постоянно информирует меня о физическом состоянии участников экспедиции и об улучшении их высотной акклиматизации. Если бы все будущие экспедиции могли иметь такого Удо!

В то время как Террай страдает, Ишак, Ребюффа и я готовимся к выходу в Манангбот.

Штурм Аннапурны из ущелья Миристи представляется весьма проблематичным. Можно ожидать, что со стороны Манангбота восхождение будет легче.

– Привет Тилману, – ухмыляется Ляшеналь, уже покончивший с закуской.

Имя Тилмана – одно из известнейших в Гималаях; именно он покорил высочайшую вершину из всех, до сих пор взятых человеком, – Нанду-Деви высотой 7820 метров. Мы о нем самого высокого мнения. Перед отъездом мы узнали, что он собирается исследовать именно этот район вокруг Манангбота. Судя по составу его команды, его целью, по-моему, должна быть разведка подступов к Манаслу^[59] и Аннапурне. Альпинисты вечно любят держать в секрете свои планы, но было бы нелепо, если бы обе экспедиции штурмовали одну и ту же вершину.

Путаркэ уходит вперед, чтобы подготовить место для лагеря в

Тинигаоне. Мы берем продовольствие на восемь дней, и до нашего возвращения у Удо и Террая будет время для того, чтобы подняться на Восточный ледник, в случае, если Кузи и Шац не добьются успеха.

Эти два дня отдыха пришлись весьма кстати: у меня оказалось время для того, чтобы послать письма во Францию, привести в порядок счета и проследить за тем, чтобы организация лагеря происходила без перебоев. Однако сидячий образ жизни не привлекает меня, и я очень рад снова отправиться в путь.

По дороге тянется множество караванов, нагруженных солью и рисом. Мы торжественно шествуем через маленький городок Марфа, в котором развеваются молитвенные флаги. Вокруг нас весело толпится народ.

Здесь еще больше тибетцев, чем в Тукуче. Все экспедиционные конфеты розданы ораве ребятишек. Поистине Марфа должна сохранить о нас приятные воспоминания! Впоследствии мы будем пожинать плоды своей щедрости, так как множество местных носильщиков в нужный момент будут предлагать нам свои услуги. Мы то и дело встречаем молитвенные стены, украшенные каменными плитами, на которых читаем классическую надпись: "Ом мане падме ом!"^[60]

Стараясь не нарушать местных религиозных обычаев, мы обходим эти памятники слева.

Мало-помалу внешний облик страны меняется, вид ее становится еще более унылым, даже по сравнению с тем районом, откуда мы только что пришли. К северу рельеф смягчается, холмы, покрытые красноватыми камнями, необычная прозрачность воздуха, характер пустынной местности являются подтверждением того, что мы приближаемся к Тибету, хотя граница находится от этого места на расстоянии доброго дня ходьбы.

В сумерках мы входим в бедную деревушку Тинигаон. Местные жители подозрительно нас разглядывают и провожают к единственному приличному дому; там нас встречает улыбающийся Путаркэ, он уже чувствует себя как дома и своим обычным мягким голосом отдает распоряжения множеству женщин, толпящихся вокруг него. Мы находимся у "Great man" – главного лица в деревне, дом которого служит местом остановки караванов. Это ловкий коммерсант, достающий с выгодой для себя все, в чем нуждается деревня.

Хозяин дома знакомит нас с отведенной нам комнатой. Чистота ее весьма относительна, но после соответствующей уборки переночевать в ней можно будет. В воздухе стоит тошнотворный кислый запах. Ишак бросается открывать окна.

Я внимательно осматриваю комнату: медленно сохнут дубленные

мочой кожи, в углу – бочки протухшего масла.

Пора ужинать. Анг-Таркэ подает нам еду с церемониями, приводящими окружающих нас жителей в глубокий экстаз. Никто из них до сих пор не видел сагибов. Вилки? Поистине эти белые – непонятные существа!

На следующее утро еще темно, когда Анг-Таркэ приносит нам завтрак. Звезды сияют на очень чистом небе – хорошая примета. Вдали захватывающее зрелище: уже освещенный солнцем, возникает из мрака Дхаулагири. Отсюда его рельеф виден удивительно отчетливо.

Шикари, который должен вести нас, утверждает, что хорошо знаком с перевалом Тиличо, но не может сказать, сколько времени потребуется, чтобы дойти до него. Мы поднимаемся гуськом, сгибаясь под тяжестью грузов. Анг-Таркэ, Путаркэ, Панзи и несколько тибетских носильщиков идут с нами.

Чтобы ускорить движение, мы дали им ботинки, но ради экономии они несут их, перекинув через плечо, пока не доходим до снега.

Через несколько часов ходьбы проводник, кажется, не уверен больше в том, что утверждал раньше: хотя мы забрасываем его вопросами, он как будто не представляет себе, где же на самом деле перевал Тиличо. В действительности этот шикари всего лишь обычный пастух, и все, что он знает, – это дорога на верхние пастбища. С высотой его роль, как и его самомнение, постепенно уменьшается, и в конце концов он спокойно идет сзади всех.

Таким образом, переночевав под грозой в наших маленьких палатках, мы на другой день с трудом добираемся до пресловутого перевала Тиличо.

Какой сюрприз! Согласно карте, мы должны были выйти в глубокое ущелье Манангбот. Где же великолепный вид на северный склон Аннапурны, который должен открыться справа?

Ошеломленные, мы смотрим на ослепительную картину снега и льда. Многочисленные вершины сверкают на фоне ясного неба. В блеске и чистоте этого зимнего пейзажа есть что-то сказочное.

Справа вместо Аннапурны возвышается гигантская стена семитысячников, которой мы тут же присваиваем название Большой Барьер. Перед нами открывается не глубокое ущелье, а обширное плато. В центре его большое, замерзшее, покрытое снегом озеро, размеры которого трудно определить. Слева к его необъятной белой глади спадают отвесные скалы.

– Но где же, черт возьми, Аннапурна?

– Особенно сомневаться не приходится, Мата! Она почти наверняка за

этим красивым треугольным пиком, там, в глубине направо.

– Я в этом не так уж уверен, – говорит Ишак.

– Я также, – добавляет Ребюффа.

– А перевал Тиличо – где он, по-твоему? – продолжает Ишак.

– В дальнем конце плато, с той стороны озера. Он должен господствовать над ущельем Манангбот, начинающимся там, в самом конце.

– Ну что же, мне придется проверить это, но я вовсе не убежден, что ты прав...

Во всяком случае, нам предстоит спуститься к Большому Ледяному озеру, как за неимением лучшего названия мы его уже окрестили.

Час спустя мы оказываемся на берегу, и, пока Панзи готовит еду, спор продолжается:

– Ни малейшего признака озера на карте! А ведь оно по меньшей мере семь километров длиной...

– О, эта карта... Разве все эти вершины обозначены на ней?

– Куда, по-вашему, стекают эти воды?

– Это место – настоящая воронка.

– Похоже на Мон-Сени.

– Говорю вам, что вода течет к Манангботу.

У каждого свои соображения, каждый высказывает свое мнение.

Необходимо перебраться на другую сторону озера. Мы надеваем рюкзаки, и группа идет вдоль левого берега до тех пор, пока красноватые скалы не вынуждают нас перейти на лед.

Это решение не вызывает в наших носильщиках особого энтузиазма. Ишак страшит меня при помощи нейлоновой веревки, и я рискую отойти метров на пятьдесят от берега. Там я прыгаю, приплясываю, бью ледорубом, чтобы прорубить лед и измерить его толщину. Затем кричу остальным:

– Настоящий бильярд! Все сюда!

Лишняя осторожность всегда лучше неоправданного риска, поэтому мы связываемся двумя большими группами. Носильщики и шерпы находятся друг от друга на расстоянии по меньшей мере восемь метров. Они не понимают, что мы делаем это, чтобы обеспечить безопасность всех и каждого; будучи связаны таким образом, они не могут собираться вместе.

Первая связка идет по моим следам; я начинаю описывать широкую дугу, чтобы выйти по другую сторону отвесных скал. Сзади меня, один за другим, носильщики, согнувшись под тяжестью грузов, нерешительно приближаются к краю и затем вступают на лед с таким видом, как будто

бросаются в воду. Горячо шепча молитвы, они идут точно по моим следам. Глаза каждого из них прикованы ко льду. Операция проходит благополучно. Теперь уже у носильщиков не будет ни малейшего желания расстаться с нами: им пришлось бы вновь пересекать Большое Ледяное озеро!

Оказавшись на другой стороне, мы поднимаемся по склонам и подходим к перевалу, расположенному симметрично с тем, который мы прошли раньше в это утро. Даем ему название Восточный Тиличо. Его высота около 5000 метров.

Никакого стока, как я предполагал, здесь нет, наоборот, конец озера закрыт.

У наших ног открывается глубокое ущелье: это и есть ущелье Манангбот.

Здесь я снова ошибаюсь в оценке расстояния. Действительно, мне казалось, что Манангбот лежит в глубине гигантского цирка, но на самом деле рельеф гораздо более сложный. От того места, где мы находимся, морены круто спускаются вниз на протяжении нескольких километров. Ущелье перегорожено грядой каменных обломков. Единственный выход отсюда через узкую теснину, приводящую к Марсианди-Кхола, бурной реке, берущей свое начало на перевале Тиличо и текущей мимо Большого Барьера, в котором мы надеемся найти Аннапурну. За этим препятствием теснина постепенно расширяется, и там среди серых камней, осыпей и морен виднеются зеленые пятна, жалкие островки возделанной земли.

Справа от Большого Барьера возвышаются другие вершины, еще более красивые и изящные, чем те, которые мы видели над озером Тиличо; слева над красными скалами в хребте Муктинат поднимается множество вершин высотой более 6000 метров.

Сзади нас озеро, только что пересеченное нами, а вдали – перевал Западный Тиличо, через который мы прошли этим утром. Мы устраиваем военный совет.

Ишак считает, что карта неверна и что Аннапурна, возможно, не находится в Большом Барьере.

– Эти облака появились совершенно не вовремя. Они закрывают все высокие вершины. Не можем же мы обсуждать то, что не видим!

– Только что был просвет, – говорю я. – Конечно, я знаю, что карта врет, но мне кажется, что вряд ли можно было впасть в такое заблуждение; нельзя ошибаться относительно положения вершины высотой более 8000 метров.

– Стало быть, ты считаешь, что Аннапурна лежит в Большом Барьере?

– Да, за этим большим треугольным пиком перед нами. Конечно, это

только предположение.

– А я готов держать пари, что Большой Барьер не обозначен на карте.

– Даже если он тянется более чем на 20 километров и насчитывает около пятнадцати вершин выше 7000 метров, – говорю я, смеясь.

– Где там пятнадцать, – ворчит Ишак, – там всего-то их несколько!

– Короче говоря, ты считаешь, что длинный гребень, который мы видим, и гребень, указанный на карте, не одно и то же. В таком случае здесь должно было бы быть два гребня, не так ли?

– Да, возможно. – Тут же Ишак Производит несколько вычислений, доказывающих, что Аннапурна не может находиться в Главном хребте. Его аргументы меня несколько смущают, но не убеждают. Где же Аннапурна?

– Ладно, – говорю я наконец, – установим лагерь здесь.

– Прекрасно, – соглашается Ишак.

– Ты останешься здесь завтра и даже послезавтра.

– Хоть до будущего года!

– Ты сможешь проверить свою точку зрения, делая всевозможные засечки.

– А вы с Гастоном что собираетесь делать?

– Спустимся в Манангбот. Уж оттуда-то Аннапурна наверняка будет видна!

– Возможно, возможно... Я не знаю, поможет ли это делу или нет, но что касается меня, я предпочел бы остаться здесь.

– Идет! Мы воспользуемся этой прогулкой, чтобы купить тзампы^[61] для носильщиков. Путаркэ и Панзи пойдут с нами.

– Может быть, мы увидим Тилмана?

На рассвете следующего дня мы с Ребюффа будим весь лагерь.

– До свидания, Мата! Мы вернемся послезавтра.

– Когда? – переспрашивает он сквозь сон.

– Двенадцатого!

– Ну что же, до свидания! Ни пуха ни пера!

Мы идем с пустыми рюкзаками, рассчитывая найти продовольствие на месте. Не обращая внимания на вызываемые нами камнепады, мчимся вниз по громадной ложбине.

– Как ты думаешь, Гастон, успеем к полудню?

– Как раз к обеду.

Прыгая с камня на камень, мы быстро теряем высоту. Наш путь лежит вдоль бурных вод Марсианди-Кхола, берущей начало от большого висячего ледника над треугольным пиком. Чем ниже мы спускаемся, тем отчетливее видно, как высоки скалы, преграждающие путь в конце ущелья.

Вскоре нам становится ясно, что берег, по которому мы идем, дальше непроходим и необходимо переправляться.

– Тебе-то хорошо с такими ходулями, – говорю я Гастону.

В мгновение ока он оказывается на той стороне. Я несколько колеблюсь. А что, если воткнуть ледоруб в дно и использовать его как шест?.. Одну ногу на этот камень... Однако не слишком надежно... Раз... два! Мышцы у меня слабеют, ледоруб соскальзывает, камень переворачивается, и я оказываюсь в ледяном бурлящем потоке.

– Ну и ванна! Вода дьявольски холодная! Ребьюффа издевается:

– Она такая прозрачная!

– Идиот! Тебя бы туда! – говорю я, отряхиваясь, как мокрый пудель.

Обоим шерпам, Панзи и Путаркэ, приходит в голову блестящая мысль. Они забираются на самый верх скалы, и нам видно, как они без всякого труда идут там по едва заметной тропе.

Длинные крутые осыпи, которые мы заметили с перевала Тиличо, теперь преграждают нам путь, и не видно никакой тропы. Оба шерпа уже достигли подножия.

Карабкаться вверх нелегко. Склон настолько крут, что камни едва держатся на нем и малейшее движение может вызвать настоящую лавину. Далеко позади себя видим перевал Тиличо, на котором мы были несколько часов тому назад.

Все камни одной и той же величины, как будто их просеяли через гигантское сито. Когда наконец мы выбираемся наверх, нам преграждает путь овраг с крутыми склонами затвердевшей земли.

– Сомнения нет, придется рубить ступеньки, – говорю я несколько озадаченному Ребьюффа.

– Я предпочел бы лед!

Представляется удобный случай посмотреть, как выйдут из положения шерпы. Путаркэ идет впереди с ледорубом в руке. Прекрасно сохраняя равновесие, он быстрыми ударами рубит ступени. Панзи следует за ним, чувствуя себя вполне уверенно. Нам остается только идти по их следам.

За этим оврагом мы ожидали найти травянистые склоны, но, выйдя наверх, видим перед собой второй овраг, затем третий и так далее... Таким образом, нам приходится добрый час рубить ступени, прежде чем мы выходим на более легкие травянистые склоны. Спускаемся вниз по огромным осыпям, глиссируя в клубках пыли.

Уже за полдень. Мы останавливаемся у прозрачного источника в нижней части ущелья и устраиваем короткий завтрак. Идти вдоль берега трудно, и подчас нам приходится подниматься на 100—200 метров, чтобы

найти путь сквозь густые заросли.

Это совершенно иной мир, чем в долине Тукучи. Здесь намного теплее, растительность гораздо богаче и рельеф более пересеченный. Время от времени встречаются цветущие деревья, придающие окружающему пейзажу мягкий и привлекательный вид.

Человек уже проник сюда: едва заметные следы теперь превращаются в подобие тропы.

До Манангбота еще далеко, а так как у нас нет с собой палаток и очень мало продуктов, необходимо дойти до него в этот же вечер.

На повороте тропы неожиданно встречаем несколько жилищ. У входа в деревню Кангзар стоит буддийский шортен^[62], украшенный молитвенными лентами.

Ребятишки, увидев нас, бросаются навстречу. Впервые в жизни они видят белых людей и с любопытством рассматривают эти призраки, сошедшие с гор. Они не могут понять, что мы пришли с той стороны хребта. Они вообще не подозревают о существовании другой стороны. Единственная дорога, известная местным жителям, – это тропа паломников в Муктинат, которая проходит через Торунгзе.

Панзи требует субу; шумная толпа ведет нас переулками. Суба выходит нам навстречу. Он не выражает ни малейшего удивления: в течение многих веков Будда учит искусству сохранять безразличный вид при самых необычных происшествиях. Я прошу субу достать тзампы для наших носильщиков, оставшихся в горах. Охая и причитая, он уверяет нас, что Кангзар очень беден: нет ни килограмма лишней тзампы, ни горстки риса и ни единого цыпленка. Мы должны идти дальше в Манангбот, – это всего в часе ходьбы, уверяет он нас, – и там сагибы найдут абсолютно все, что им нужно. Манангбот тотчас же начинает представляться раем, и без дальнейшего промедления мы продолжаем свой путь, несмотря на жару, голод и жажду.

За деревней нам попадается совершенно высохший скелет яка, лежащий поперек тропы. Никому не приходит в голову передвинуть эти священные кости: они лежат здесь уже много месяцев и будут лежать, пока не обратятся в прах. Каждый из нас почтительно их обходит.

Ступеньки, выбитые в скале, а затем очень крутой склон вновь приводит нас вниз к реке. Мы быстро идем вдоль берега.

– Манангбот! – говорит Панзи.

Город расположен на отвесных скалах наподобие древних городов Тибета. Отсюда нам видны лишь стены города, и впечатление такое, как будто мы приближаемся к крепости. Перекинутая через реку доска

показывает, что мы находимся теперь в цивилизованной стране. Начинаем подъем.

Миновав несколько узких переулков, мы выходим к центру города, где видим огромную молитвенную стену длиной около 50 метров. Жители, сбегаясь со всех сторон, окружают нас: как обычно, ребятишки, старуха с очень любопытной портативной молитвенной мельницей, которую она безостановочно вращает, и молодые люди, как правило, очень красивые, с лицами другого типа, чем в районе Тукучи.

Все местные жители буддисты. Все они что-то кричат, не могу разобрать, что именно, но меня это не волнует. Я уже успел убедиться, что в этой стране простое «здравствуй» выглядит как длинная речь, к тому же выкрикиваемая громким голосом. После пятнадцатиминутной дискуссии один из мужчин отправляется на поиски субы. Между тем Панзи уже подыскал нам жилище – чердак на втором этаже. Мы взбираемся туда по забавной лестнице в виде толстой доски с зарубками. Снимаем рюкзаки и вдвоем с Гастоном возвращаемся на площадь.

Жители города толпятся вокруг, жестикулируя:

– Американцы?

– Нет, французы!

– ...?

– Да, французы.

Теперь как будто ясно, все понимающе кивают: "Американцы!"

– Нет, есть американцы, и есть англичане, но мы французы.

– Конечно, конечно. Но вы все же американцы. Я сдаюсь...

Большинство местных жителей составляют гурки, служившие в британской армии. Мы – первые белые, которые проникли сюда.

Аннапурна? Ничего не известно!

Эта история с Аннапурной начинает казаться мне странной. Вершину высотой 8000 метров нельзя не заметить. Даже если она находится в дальней части хребта, местные жители должны были бы, по крайней мере, знать о ее существовании. Возможно, здесь называют ее иначе, в честь какого-нибудь другого божества.

Солнце садится, оно уже скрылось за этой великолепной вершиной – нашим треугольным пиком, возвышающимся над Манангботом. От Панзи, который подробно расспросил местных жителей, мы узнаем, что эта гора – Гангапурна.

Две другие вершины слева – Чонгор и Сепшия.

Возвращаясь с прогулки по узким улочкам наконец-то успокоившегося города, мы с Ребюффа встречаем наших шерпов, разочарованно

сообщающих, что городишко крайне беден. Достать продовольствие будет чрезвычайно трудно.

В этот момент появляется суба – неглупый на вид старик с длинной бородой, очень просто одетый. Нас представляют, и мы садимся. Разговор немедленно принимает самое деловое направление. Суба может дать нам десять килограммов тзампы, не больше. Он приводит столько разных доводов, что сам в них запутывается. Никаких кур, только четыре до смешного маленьких яичка, ни молока, ни риса. Тзампы, столь необходимой нашим носильщикам, оставшимся на перевале Тиличо, слишком мало.

Эти важные новости вынуждают меня на следующее утро первым делом послать Путаркэ обратно на перевал, Я набрасываю записку Ишаку.

"Манангбот. 11 мая. 5 часов

Дорогой Мата!

Путаркэ сейчас отправляется обратно к вам. Добираться сюда очень, очень долго.

Что нам удалось узнать.

За большим треугольным пиком – Гангапурна находится другая ледовая вершина – Чонгор, высотой более 7000 метров. Затем хребет как будто спускается в долину примерно в двух километрах отсюда, около впадения реки Шундику, рядом с маленькой деревушкой Шинди. На правом берегу Шундику видна еще одна большая вершина – Сепшия.

Но где же Аннапурна? Загадка! Здесь никто ничего о ней не знает. План действия: Гастон, Панзи и я выходим б Шинди в надежде раскрыть эту тайну. Если полученные сведения позволят уточнить местоположение Аннапурны, изучить подходы и оценить трудность восхождения, мы немедленно возвращаемся через Муктинат^[63]

Если же выяснится, что нам следует провести намеченную разведку к вершине Большого Барьера, что, вероятно, будет несложно и что мы должны сделать вместе, тогда мы вернемся в лагерь 12-го, то есть завтра.

Если мы не вернемся 13-го утром, снимайте лагерь и возвращайтесь в Тукучи. Привет!

Твой Морис".

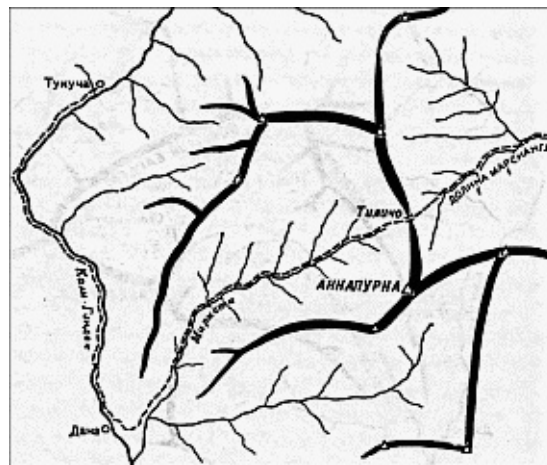
Между тем Ишак, проводив нас в Манангбот, в тот же день, около 9 часов, выходит с Анг-Таркэ из лагеря на перевале Восточный Тиличо. Он намерен подняться на вершину, расположенную к северо-востоку от лагеря^[64].

Дойдя до подходящего места примерно на высоте 5500 метров, он делает ряд снимков и засечек буссолью. Пока Марсель поглощен этим занятием, Анг-Таркэ сооружает тур^[65], и так искусно, что ухитряется воздвигнуть внушительный памятник высотой более двух с половиной метров. Тучи, закрывавшие небо на рассвете, теперь появляются снова, и группа вынуждена вернуться в лагерь.

Лежа на животе в палатке, Ишак со всей аккуратностью, какая только возможна в этих условиях, переносит сделанные им измерения на карту.

"Вот и все!.. Теперь ясно!"

Собранные им данные доказывают, что цепь, тянущаяся к югу от лагеря, которую мы называем Большим Барьером, в действительности является Аннапурной-Гимал. Пресловутый скальный пик – Черная скала, о важном топографическом значении которого мы догадывались, является началом бокового хребта, включающего Аннапурну! Аннапурна может находиться только с другой стороны Большого Барьера!

Орография массива Аннапурны по индийским картам (пунктиром показан несуществующий проход Тиличо)

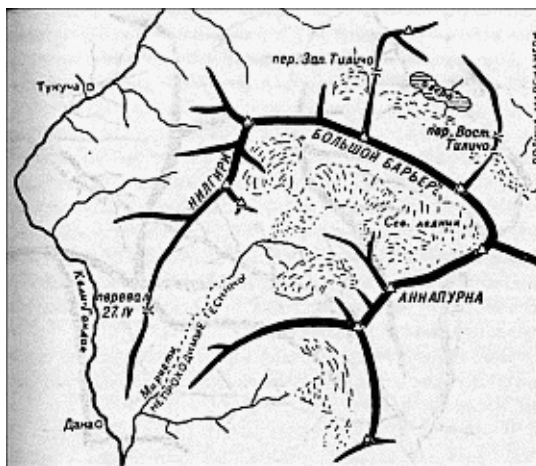
Таким образом, мы с Ребюффа гонялись за вершиной-призраком. Как это глупо! Если бы мы только знали!..

Но такова уж судьба всех исследований: множество колебаний, сомнений, ошибок и затем, совершенно внезапно, открытие.

Ночью на перевале очень холодно. В палатку проникает рассвет, предвещающая прекрасную погоду. Ишак пользуется хорошей видимостью, чтобы определить местоположение громадных вершин, виднеющихся за Манангботом, и среди них Манаслу – одного из восьмитысячников Непала, громадную пирамиду, доминирующую над остальными вершинами.

Появляются облака, поднимается ветер.

Нужно либо сидеть в палатках, либо высматривать в бинокль, не возвращается ли группа из Манангбота.

Орография массива Аннапурны по данным французской экспедиции 1950 года

Около трех часов появляется Путаркэ и передает Ишаку мою записку. Ишак быстро просматривает ее – он уже знает, что она не сообщит ему ничего нового. Он считает, что не имеет смысла подниматься на "несложную вершину" Большого Барьера, о которой шла речь. Лучше идти в другом направлении и, поднявшись как можно выше по мощному леднику, обнаруженному им накануне, попытаться увидеть наконец Аннапурну через Большой Барьер.

Утром 12-го погода изумительная. Ишак объясняет Анг-Таркэ, что они поднимутся вместе по направлению к Муктинат-Гималу. В 8 часов 30 минут, когда облака начинают затягивать небо, Ишак и Анг-Таркэ вступают на пологий ледник и начинают подъем. Лед покрыт слоем свежего снега, и это замедляет движение. Показания альтиметра постепенно растут. Начинается область трещин.

Они не собираются тратить время на преодоление трудностей, их задача – подняться как можно выше в кратчайший срок. То и дело приходится вырубать во льду ступеньки, но трудные участки невелики, и наконец они достигают верхних склонов. На гребень выходят в густом тумане.

Где же Аннапурна? Увы! Кругом ни малейшей видимости. Ишак даже не знает точно, где он находится. Он тщетно ждет улучшения погоды. Уже 12 часов 30 минут, альтиметр показывает 6200 метров. Дышать нетрудно. Это означает, что они начинают входить в форму. Место, до которого дошел Ишак, – наивысшая точка, достигнутая экспедицией, и наш первый

шеститысячник!

Погода не улучшается, и в 13 часов 15 минут они начинают спуск, придерживаясь своих следов, которые еще видны, несмотря на снег.

В 16 часов 30 минут Ишак и Анг-Таркэ приходят в лагерь. Здесь они находят... начальника экспедиции, спокойно храпящего в своем спальном мешке.

Что же произошло?

В Манангботе на рассвете 11 мая маленькая группа с трудом просыпается.

После скромного завтрака Путаркэ, надев рюкзак, уходит с моим письмом к Ишаку, Вслед за ним Ребьюффа и я вместе с Панзи отправляемся вниз по ущелью Марсианди-Кхола в поисках неуловимой Аннапурны.

Перед нами вдали виднеется пик, в котором мы узнаем Манаслу.

Мы намерены идти вдоль Большого Барьера насколько будет возможно. Но в этот же вечер нужно вернуться в Манангбот. Около полудня нам открывается вид на маленькую деревушку Шинди, за ней ущелье сужается, и я предполагаю, что там глубокая теснина.

Идти дальше было бы бесполезно. Я уверен, что мы не на правильном пути – Аннапурны в этом районе нет.

Местные жители и шикари, которых мы расспрашиваем, никогда не слышали о ней. Они довольно пространно объясняют, что это слово означает "богиня урожая".

Нам ничего не остается, как вернуться в Манангбот, и притом на голодный желудок, так как все продукты кончились.

Над Чонгором и Сепшией нависают тучи, мешающие нам сделать снимки, которые хотелось бы принести с собой в качестве документов. В надежде, что небо прояснится, мы решаем сделать небольшой привал. Каждый находит себе укромное местечко, а Ребьюффа мгновенно засыпает сном праведника. Панзи докуривает свои последние сигареты. Я стою на страже, как часовой, готовый поднять тревогу, как только откроются наши вершины.

Наконец Чонгор и Сепшия выходят из тумана. Ребьюффа фотографирует их, и мы отправляемся назад в Манангбот.

Стоит жара, и идти очень тяжело. Всякий раз, когда мы кого-нибудь встречаем, Панзи спрашивает насчет продовольствия, но бесполезно. Уже далеко за полдень мы доходим до своего чердака.

– Итак, мы вернулись с пустыми руками? – удрученно говорит Ребьюффа.

– По крайней мере, мы знаем, что здесь ее нет.

– Нужно немедленно возвращаться.

– Здесь едва ли найдем какое-нибудь продовольствие. Забирай что есть, и убирайтесь с Панзи в Муктинат через Торунгзе. Это даст вам возможность не подниматься на перевал Тиличо, и вы вернетесь в Тукучу на день раньше. После такого путешествия на голодный желудок вы устанете, поэтому на оставшиеся рупии можете нанять пони.

– А как же ты?

– Не беспокойся, с плиткой шоколада я смогу добраться до лагеря Тиличо.

– Это дьявольски длинный путь!

– Я буду там завтра утром. Мне бы хотелось вместе с Ишаком подняться на эту несложную вершину.

Мы съедаем то небольшое, что у нас есть, и отправляемся каждый своей дорогой.

Я оказываюсь совсем один.

Имея только плитку шоколада, мне следует спешить, чтобы подняться с 2800 метров выше 5000 метров.

Я решил идти как можно быстрее, даже, может быть, бежать, бежать до полного изнеможения.

Час спустя я уже в Кангзаре. Не теряя ни минуты иду по тропинке, вскоре исчезающей на левом берегу потока.

Пробираюсь между скалами; то поднимаюсь, то спускаюсь, чтобы обойти препятствия. Время летит быстро.

Я нахожу ступеньки, выбитые Путаркэ в известняке. Затем начинаю подниматься по длинной крутой осыпи и, наконец, дохожу до потока, через который надо перебраться. О том, чтобы перепрыгнуть, не приходится и думать; я снимаю ботинки и вешаю их через плечо. Уже смеркается. Падение в ледяную воду было бы весьма неприятно. Осторожно, пробуя ногой каждый камень, вхожу в воду.

Течение очень сильное. Внезапно я поскользнулся, пытаюсь удержаться, но только глубже окунаюсь и в конце концов окончательно падаю и на этот раз вымокаю до нитки.

С большим трудом выбираюсь на противоположный берег и принимаюсь выжимать одежду и выливать воду из ботинок. Дрожа от холода и стуча зубами, одеваюсь. Мне нужно по меньшей мере четыре часа, чтобы добраться до лагеря, а светлого времени остается немногим больше часа. Пошатываясь, я пересекаю длинный крутой склон затвердевшей земли, где неоднократно с трудом удерживаюсь от падения.

Из долины дует пронизывающий ветер, и я дрожу от холода. Дороги не

видно. Ищу место, где можно было бы провести ночь, и в конце концов опускаюсь на клочок травы, натянув капюшон так, что он закрывает меня полностью. Ноги заledenели, колени стучат от холода.

Сидя под капюшоном, я размышляю: съесть ли мне последний кусок шоколада или оставить его на утро? Выбираю первое, а затем разрешаю себе выкурить последнюю сигарету.

Я затерян в самом сердце гор на высоте 4500 метров, насквозь промокший, уставший и голодный. Найду ли я в себе силы, чтобы подняться на последние 500 метров?

Коварный ветер проникает в каждую щелку моей одежды.

Начинает падать снег.

Закрываю глаза, расслабляю мышцы и стараюсь забыться, как я всегда делаю на биваке в горах.

Часы текут медленно и однообразно. Подо мной глухо ревет поток. Земля дрожит, и эхо без конца отдается в долине. Чувствуется сырость – ужасное ощущение, когда замерз до мозга костей. Я должен отчаянно с ним бороться.

Сколько мыслей в голове! Как было бы хорошо в тепле и уюте! Иногда я приоткрываю один глаз. Погода не улучшается. Если спустятся облака, я не смогу найти дорогу.

Окоченевший, в полузабытьи, я с радостью встречаю первые проблески зари. Нужно подождать, пока станет немного светлее. Как мучительны эти последние минуты! Наконец поднимаюсь. Сложив штормовку, с болезненной пустотой в желудке снова отправляюсь в путь.

Очень холодно, но я надеюсь согреться на ходу.

Погода улучшилась. Я часто останавливаюсь под предлогом выбора пути. Ноги дрожат и отказываются повиноваться, но тем не менее я умудряюсь продвигаться вперед.

Солнце уже освещает Манангбот, но я еще в тени.

На каждой остановке, прежде чем снова двинуться в путь, я намечаю удобный камень для следующего привала. Остановки становятся все более частыми и длительными.

Начинаю задумываться: смогу ли я вообще дойти?

Всякий раз, когда мне попадается плоский камень, я сажусь и тотчас же чувствую некоторое облегчение. После нескольких секунд отдыха нелепость такого положения становится для меня очевидной: неужели я не могу пройти еще несколько метров? Я выбираю другой камень, с трудом отрываю себя от прежнего и делаю несколько шагов. У меня такое ощущение, как будто я мчусь во весь опор, однако на самом деле я

медленно бреду и падаю в тот самый момент, когда достигаю очередной цели. Метр за метром набираю высоту. Наконец до лагеря, который мне еще не виден, остается около 200 метров.

Я пытаюсь закричать, но не могу издать ни звука.

Меня шатает из стороны в сторону – безопаснее и удобнее ползти на четвереньках. Голова кружится, хочется спать.

Собрав последние силы, с трудом вылезаю на гребень и падаю. Время идет... Когда наконец я открываю глаза, мне кажется, что прошло сто лет.

Приподнимаю голову над гребнем. Лагерь! Всего в двадцати метрах.

– Эй! Эй!

Тщетно я пытаюсь привлечь чье-либо внимание; носильщики спокойно беседуют вокруг яркого костра. Если бы они только могли меня увидеть! Если бы хоть один повернул голову! Я сбрасываю несколько камней в надежде, что это заставит их взглянуть наверх, но они не слышат, а окликнуть их я не в состоянии. Голова как будто налита свинцом, в ушах звенит.

Теперь, когда я уже уверен, что дойду, я просто стискиваю зубы и ползу на четвереньках, как животное.

Внезапно Путаркэ оборачивается:

– Бара-сагиб!

Остолбеневший, он смотрит, как я ползу. В следующее мгновение все вскакивают и бросаются ко мне.

Я спасен!

Дрожащего с ног до головы, меня кладут на надувной матрас. Я пью и немного ем. Узнаю, что Ишак еще не вернулся, но вскоре появится. Я прошу приготовить мне поесть. С помощью носильщиков Путаркэ открывает внушительное количество банок. Весело горит огонь. Вместительные котелки начинают закипать, распространяя столь соблазнительный запах, что я вынужден лежать неподвижно, в полусне, чтобы как-то сдерживать свое нетерпение. Когда еда готова, я начинаю есть прямо из котелков.

Это совсем не то, чего ждал Путаркэ, – он готовил на весь лагерь! В течение полутора часов, без перерыва, с упоением и с невероятной быстротой, я поглощаю такое большое количество еды, как никогда в моей жизни. Я напоминаю змею, проглотившую жирную овцу! С облегчением растягиваюсь в своем спальном мешке.

– Доброе утро, Морис!

Я сбрасываю с себя оцепенение.

– Мата!

– Мы только что спустились с вершины 6200 метров! Обмениваемся новостями. Все увязывается с выводами

Ишака и подтверждает их. Таким образом, вся северная часть массива Аннапурны исследована.

– Сомнения нет, – говорю я Ишаку. – Ключ к Аннапурне на юге. Надо идти через "Перевал 27 апреля" по ущелью Миристи.

– Тогда здесь нам делать больше нечего, – решает Ишак. – Надо немедленно спускаться в Тукучу.

На следующий день снимаем лагерь. Носильщики рады покинуть это место, где они прожили целых три дня, отрезанные от всего мира и без всякого дела. Нет необходимости их подгонять и показывать дорогу. В несколько минут грузы увязаны, распределены, и, в то время как мы с Ишаком, беседуя, оставляем лагерь, носильщики во главе с Анг-Таркэ быстро удаляются. Он ведет их... прямо к Большому

Ледяному озеру. На этот раз они совершенно спокойно пересекают его в наиболее широкой части.

Я вижу, как Ишак внезапно застывает в сосредоточенной позе. Он рассматривает какие-то камни.

– Полигональные почвы, – преподносит он как сенсационную новость.

– Что это за штука?

– Ты ученый и не знаешь, что такое криопедология?^[66] Это же важнейшая наука! Взгляни на эти камни. Мне пришлось видеть множество таких же в Гренландии. В Гималаях они попадают впервые.

– Но кто в наше время знаком с криопедологией?

– Ну по меньшей мере... гм... десяток людей!

Мы с сожалением расстаемся с криопедологией, перенося свое внимание на гребень, ведущий к перевалу Западный Тиличо.

За эти три дня снег, покрывавший гребень, растаял. На перевале мы ненадолго останавливаемся, чтобы бросить взгляд на Большое Ледяное озеро, на окружающий его гигантский амфитеатр и главным образом на великолепный Большой Барьер.

Все это мы видим в последний раз.

Мчимся вниз по склонам и оказываемся в самой гуще великолепного кедрового леса.

Поднимается сильный ветер, но он дует в нужном направлении, и вскоре мы доходим до Тинигаона.

На следующее утро погода прекрасная. Ветер утих. Мы снова проходим через Марфу. Я с удовольствием возвращаюсь в эту живописную деревушку со столь любознательными приветливыми жителями.

После шести утомительных дней мы рады снова попасть на основную базу экспедиции.

При нашем приближении к лагерю Удо выходит навстречу.

– Привет, доктор! Какие новости?

– Все уже здесь и чувствуют себя отлично. Как вы?

– Видел ли ты Гастона?

– Он вернулся вчера.

– Прекрасно! Сегодня 14 мая, и нам нужно наметить план действий.

После обеда устроим совещание.

Что же произошло на Дхаулагири во время нашего отсутствия?

Вечером в понедельник 8 мая Нуаель быстро спускается из лагеря на Восточном леднике. Страшно взволнованный, он рассказывает, что поднялся на ледник с Кузи и Шацем. Затем они ушли вперед, и он увидел их в очень крутом снежном кулуаре.

Этот путь представляет интерес: он, вероятно, позволяет обойти огромные и очень опасные сераки в верхней части Восточного ледника. Однако он также труден и опасен, как и первый путь, поскольку по кулуару идут лавины.

В полукилометре выше видны гигантские сбросы голубого льда.

В тот момент, когда Нуаель наблюдает за движением второй связки, огромная ледяная глыба в верхней части ледника отделяется и летит вниз. Тонны льда со страшным грохотом мчатся по склону, едва не задевая нашего офицера связи, и разлетаются в пыль далеко внизу, на плато Восточного ледника.

– И подумать только, что мой аппарат не был заряжен! – сокрушается Нуаель. – Впрочем, – философски добавляет он, – в эту минуту я думал лишь о своей шкуре.

Кузи и Шац настойчивы. Их не могут остановить подобные пустяки, однако все попытки выйти из кулуара на скалы не увенчиваются успехом. С громадным трудом они преодолевают какой-нибудь десяток метров: скалы скользкие и ненадежные. У Шаца одно слабое утешение – он забивает свой первый крюк в Гималаях на высоте свыше 5000 метров. Исчерпав все возможности, они прекращают попытку и 9-го числа спускаются вниз.

На следующий день Удо и Террай в свою очередь идут наверх. По дороге они встречают возвращающихся шерпов,

но это их не обескураживает. Они устанавливают лагерь на Восточном леднике на высоте 5100 метров у большой скальной стенки на правом берегу. Днем камень попадает как раз в их палатку и разрывает ее: не слишком безопасное место!

11-го числа Удо и Террай снимают лагерь рано – в три часа утра, и, таким образом, для решения задачи у них целый день.

Надев кошки, они начинают подъем и с большим трудом проходят несколько метров. Очень холодно, лед твердый. Ценой больших усилий им удалось добраться до основания громадной ледяной стены. Первые разведывательные группы на нее поднимались, а Кузи и Шац обошли справа. Вместо того чтобы преодолевать эту стену, на большей части которой еще сохранились ступени, Удо и Террай направляются к левому берегу ледника. Вырубая ступеньки и медленно продвигаясь по крутым склонам чистого льда, они доходят до высшей точки, достигнутой предыдущими группами.

Вскоре им открывается возможный путь, невидимый с того места, куда выходили Ляшеналь, Ребюффа и я: им удастся обогнуть множество сераков и набрать некоторую высоту; с большим риском они доходят до места, где ледник наконец выполаживается.

Перед ними простирается лабиринт из трещин и снежных полей, через который не видно пути. Немного дальше, справа, склон снова становится круче и теряется в северном гребне возвышающегося перед ними ясно очерченного и неприступного Дхаулагири.

Удо и Террай правильно решают, что трудность и опасность этого восхождения чересчур велики. Какой смысл продолжать эту затею, от которой позднее все равно придется отказаться? Путь на Дхаулагири идет не по этому леднику, и, если нет другого пути, эта вершина никогда не будет покорена.

Оценив, таким образом, наши реальные шансы и сознавая, каким горьким разочарованием их вывод явится для всех нас, Удо и Террай решают отступить.

В этот же вечер они, усталые, возвращаются в базовый лагерь у подножия Восточного ледника и на следующий день в Тукучу.

Если нам предстоит сосредоточить все силы экспедиции на штурме Дхаулагири, это предприятие будет величайшим риском, полным неизвестности и опасности, и мы можем решиться на этот шаг, только тщательно взвесив все «за» и «против». Мы должны обсудить этот вопрос трезво и беспристрастно.

14 мая вся экспедиция собирается в большой палатке лагеря в Тукуче. Предстоит большой военный совет.

Военный совет

Анг-Таркэ разливает нам целые реки кофе. Жара давит. Солнце сверкает нестерпимо, но в общую палатку, где мы собрались, сквозь стенки проникает приятный зеленоватый свет.

Лица сосредоточены. Как бы ни шутил Ляшеналь, я чувствую, что смех и веселье маскируют вполне понятную тревогу и нетерпение: через час будет принято решение.

Шерпы волнуются. Они чувствуют что-то необычное: собрались все сагибы.

– Надо серьезно поговорить, – начинаю я. Внезапно воцаряется тишина. Я иду напролом:

– Сегодня 14 мая, и с 22 апреля мы не добились никаких успехов. Мы не нашли никакого пути. Мы не знаем даже, в каком направлении идти. Никакой уверенности у экспедиции нет. Нам остается уповать лишь на случай. Время не терпит. Надо принимать окончательные решения.

Все молчат.

– Конечно, горы здесь трудны. Возможности восхождений весьма ограничены. Для подъема на Дхаулагири было бы слишком смело наметить путь через Дамбуш-Кхола и Неизвестное ущелье, путь, проходящий через два перевала высотой 5000 метров и по грандиозному, почти непроходимому ледопаду. И все это только для того, чтобы добраться до подножия вершины.

Путь по Восточному леднику еще более сомнителен. Я не могу взять на себя ответственность за переход всей экспедиции по такому рискованному маршруту. Слишком много опасностей ждет нас наверху, чтобы мы позволили себе рисковать в самом начале пути.

Остается еще одно решение: пик Тукучи, который не был разведан. Неужели, чтобы победить восьмитысячник, надо предварительно взойти на семитысячник? Это путь отчаяния. Самый длинный, если не самый опасный.

– Ноги моей не будет на этой вершине, – объявляет Террай, находящийся еще под впечатлением неустойчивых сераков и ненадежных снежных мостов Восточного ледника.

И Лионель добавляет:

– Дхаулагири никогда не будет взят. Я лично пасую!

– Старина, – вставляет Шац, – мне кажется, надежда слабовата. Я не

вижу решения: о юго-восточном гребне говорить не приходится, что касается северного гребня...

– Северный гребень, – восклицает Террай, – никогда никем не будет пройден! Он целиком ледовый, а крутизна такая, что пришлось бы рубить захваты для рук!

– Когда Кузи, Удо и Шац ходили в разведку на "Перевал 27 апреля", они вернулись с кроками^[67] средней части северного гребня Дхаулагири. Она выглядит приемлемой. Крутая часть как будто не более 400—500 метров по вертикали. На левых по ходу склонах видны трещины, в которых, может быть, удастся организовать лагерь. И наконец, кто нам мешает навесить перила?

Моя речь, хотя и подкреплённая техническими доводами, никого не убеждает.

Длительное молчание нарушает Ребюффа:

– Во всяком случае, до этого гребня нужно еще добраться! Так что...

Конечно, все это нерадостно, однако я делаю вид, что защищаю эти заведомо безнадежные предложения. Чувствую единодушную и молчаливую оппозицию. Мне не хочется, чтобы, после того как мы покинем Дхаулагири, у нас осталось чувство сожаления и сознание, что мы не сделали всего, что нужно, для окончательного выяснения вопроса. Прежде чем закрыть эту страницу, я хочу, чтобы проблема Дхаулагири была бы действительно и окончательно решена.

Снова пауза, все размышляют и не решаются заговорить. Кузи наклоняется вперед и, не сводя с меня глаз, говорит, с трудом подбирая слова:

– Морис, на Аннапурне... все же там есть какие-то возможности.

Напряжение разряжается.

Языки развязываются. Все довольны смелой инициативой Кузи. Да, конечно, сейчас надо думать об Аннапурне.

– Вот что нам известно об Аннапурне, – говорю я. – Единственно возможный путь штурма – северная сторона. Но до нее надо еще добраться. Доступ к верхним циркам ущелья Миристи-Кхола найден. Из крайней достигнутой нами точки просматривались три маршрута: во-первых, северо-западное ребро; в принципе именно по нему следовало бы проводить первую попытку штурма. Во-вторых, Западный ледник Аннапурны, из которого как будто можно выйти по кулуару к точке соединения ребра с вершинным гребнем. Наконец, есть еще ледник, которого никто еще не видел. Можно предполагать, что он стекает на север от Аннапурны.

– Понимаешь, – говорит Удо, – ребро – это самый короткий путь. За два дня можно, по всей вероятности, подняться до вершинного гребня на высоту 6000—6500 метров. Правда, между концами этого ребра и вершиной Аннапурны есть еще невидимый участок. Но если по пути встретится провал, можно будет его обойти по Западному леднику, справа по ходу от ребра.

– Безусловно, – добавляет Кузи, – я лично за этот путь. Тут мы без особых трудностей должны набрать значительную высоту.

Шац заключает:

– Наконец, только средняя часть маршрута не совсем ясна. Верхние склоны Аннапурны выглядят нетрудными. Видны пологие участки, на которых можно будет с успехом установить лагеря. Надо выбирать этот путь. Три дня – и вершина наша.

Мнение Шаца полностью совпадает с моим. Логичнее быть нельзя.

– А как твое мнение, Марсель?

– Ну, видишь ли, Морис, я сюда приехал как кинооператор, а не как альпинист.

– Когда ты участвовал в разведке, ты ведь был альпинистом! А ты как считаешь, Удо?

– Мне кажется все же, что Дхаулагири слишком опасен. Я стою за Аннапурну.

Нуаель явно присоединяется к этому мнению.

– А ты, Гастон, считаешь ли возможным подъем на пик Тукучи?

– Я уже говорил тебе, Морис. Мне кажется, следовало начать с восхождения на этот пик: он должен быть идеальным пунктом наблюдения. Сейчас об этом говорить уже поздно.

На мне лежит огромная ответственность. Каково бы ни было решение, все участники экспедиции, как один человек, будут брошены в бой.

Все высказали свое мнение. Я должен принять решение.

– Прежде чем приступить к штурму Аннапурны всем коллективом, мы проведем углубленную разведку с целью уточнения маршрута восхождения. Разведывательная группа возьмет на десять дней продовольствия. Запас его будет пополняться, правда в ограниченных размерах, до принятия следующего решения. Как только передовой отряд найдет подходящий путь, разведка по моему приказу перейдет в окончательный штурм. Мы сегодня же примем меры, чтобы осуществить такой переход без всякой потери времени.

– Ну что же, раз решено, выходим немедленно! – восклицает Шац.

Все встают и идут к выходу.

– Пойдите!.. Снова тишина.

– Принять решение – это еще не все! Каждый должен знать, что ему надо делать. Троем из нас известна дорога к "Перевалу 27 апреля". Они будут сопровождать наши группы в течение четырех дней подходов.

Марсель, Гастон и я только что пришли из Манангбота и очень устали. Кроме того, мне надо осмотреть лагерь, написать письма, а также подсчитать наши расходы, чтобы знать, не понадобится ли нам дополнительная финансовая помощь на обратном пути.

Ляшеналь и Террай в сопровождении Аджобы, Ангавы и Даватонду па выйдут сегодня же. Поведет их Шац.

Через день выступит второй отряд, куда войдут Гастон и я. Проводником будет Кузи. Нуаель обеспечит регулярное снабжение обеих групп.

Ишак и Удо присоединятся к нам лишь после получения моих инструкций. Так как это произойдет не раньше как дней через шесть, они вполне могут сходить за это время в Муктинат.

– А что будет делать Анг-Таркэ?

– Можешь его взять с собой. Что касается Франсиса де Нуаеля, то вместе с Ж.Б... Рана он входит в замыкающую группу, которая двинется в путь лишь по моему распоряжению.

Повернувшись к Нуаелю, я продолжаю:

– Нужно подготовить весь груз, необходимый для разведки, штурма и обратного пути, и, кроме того, своевременно обеспечить вербовку носильщиков.

– А как быть с вещами? – спрашивают Ляшеналь и Террай.

– Разделите все на четыре части. Первую понесете сами. Этот груз должен быть очень легкий, чтобы вас не переутомлять. Во второй комплект войдет альпинистское снаряжение, теплые вещи, принадлежности туалета и прочее. Его понесут носильщики. В третьем комплекте будут вещи, необходимые для общего штурма, то есть запасная одежда, свитера, лыжи и тому подобное. Наконец, четвертая партия будет составлена исключительно из вещей, необходимых на обратном пути. Эти вещи будут в ящиках с вашими фамилиями и останутся в Тукуче.

Каждый знает, что его ждет и что ему надлежит делать. Я подзываю Анг-Таркэ и объясняю ему план действий.

В лагере царит оживление. Первая группа выйдет немедленно, как только будет готова. Груз невелик, но состоит из множества разнообразных вещей. Это приводит к усиленным хлопотам, массе разговоров и дискуссий, хождению из палатки в палатку...

– Удо, составь аптеку для первой группы, – просит Шац.

Врач собирает все необходимое для длительного пребывания в джунглях и в высокогорье не только в хорошую погоду, но и в ненастье: противоядную сыворотку, аспирин, глетчерную мазь, макситон, витамин В 2, соду и т. п.

Террай сосредоточенно копается в своих вещах. Он пишет краской свою фамилию на ящике, остающемся в лагере, и принимается за продукты.

Ляшеналь, специалист по снаряжению, отбирает крючья, отмеряет веревки...

В это время Марсель Ишак с киноаппаратом в руках бежит от одного к другому, стараясь ничего не упустить. Подкравшись в самый неожиданный момент, он ухитряется снять вас в весьма невыгодной позе и объявляет: "Готово!"

У Нуаеля озабоченный вид: переговоры с субой и Ж.Б... Рана ведется с трудом, он безуспешно старается им объяснить, что лошади нужны немедленно.

В конце концов Нуаель добивается своего, но у меня что-то нет особого доверия к этим жалким четвероногим: одна лошадь колченогая, другая, видимо доживающая свои последние дни, горестно качает головой... Смогут ли они дойти до конца селения?

Рюкзаки завязаны, лошади оседланы (и какими седлами!). Наши кони не бьют копытами от нетерпения, но это не так уж важно. Главное – они в наших руках. Каждый перебирает в уме список своих вещей, надеясь, что ничего не забыто. Шерпы с помощью своих коллег взваливают на себя грузы. Остающиеся в лагере желают успеха товарищам.

Группа уходит.

Внезапно после оглушительного шума воцаряется странная тишина. В душу проникает неуловимое ощущение пустоты.

Душно, пахнет грозой. Мне бы хотелось посетить местную пагоду. Я вызываю Анг-Таркэ и говорю ему о своем желании.

– Yes, Бара-сагиб! Yes, Бара-сагиб!

Сирдар со всем согласен и немедленно мчится по направлению к пагоде.

– Он в приятельских отношениях с "пономарихой", – намекает Ишак.

Благодаря этим высоким связям тайна храма будет нам открыта. Может быть, нам даже удастся присутствовать при богослужении.

Через несколько минут прибегает Анг-Таркэ.

– All is ready^[68], – сообщает он.

Действительно, подходя к пагоде, мы замечаем женщину – церковного сторожа, оживленно беседующую со своим семейством, живущим, как выясняется, в служебных помещениях храма. Служба, видимо, скоро начнется, надо подождать несколько минут. Действительно, часть буддистов уже собралась.

Анг-Таркэ приглашает нас войти.

Пройдя темный, совершенно пустой вестибюль, мы входим в большой зал. Кругом полная темнота. Лишь по доносящемуся до нас бормотанию я догадываюсь о присутствии верующих.

Внезапно слышится звук колокольчиков, затем удары гонга. Рассчитывать на Анг-Таркэ больше не приходится. Я чувствую, что он распростерся ниц. Постепенно глаза привыкают к темноте. Держась за стену, двигаюсь вправо и дохожу до громадной молитвенной мельницы, около которой стоит женщина, готовая бить в гонг. Однотонные псалмопения, звуки шагов, колокольчиков, затем трубы, наконец громкие, ритмично усиливающиеся удары гонга в сопровождении литавр, и церемония окончена. Лама, которого я еще не видел, но о присутствии которого догадываюсь, разговаривает со своими помощниками. До меня доносится запах ладана. Замечаю на алтаре бронзовую статую Будды, слабо освещаемую масляными светильниками. Слева, в глубине, расположен другой алтарь, украшенный намалеванными суриком божествами. У подножия его стоят металлические чаши, служащие кадилами.

Обстановка странная и таинственная. Однако не похоже, чтобы верующие были преисполнены почтения, громкий шум, сопровождающий службы, вряд ли способствует сосредоточенности. Короче говоря, набожности не чувствуется.

После выхода из храма экспедиция по совету Анг-Таркэ проявляет щедрость по отношению к "пономарихе".

По возвращении в лагерь в ожидании обеда привожу в порядок бухгалтерию и пишу письмо в Париж.

"Тукуча, 15 мая 1950г. Дорогой Деви!

Возвратившись после длительной и утомительной разведки, проведенной к северу от Аннапурны, хочу немедленно сообщить Вам новости, которые Вы, без сомнения, ожидаете.

Во-первых, можете передать нашим семьям, что все участники чувствуют себя прекрасно. Спортивная форма членов экспедиции во всех отношениях великолепна. Кстати, это подтверждается обследованиями Ж. Удо.

Дух команды неизменно хорош.

Сегодня могу Вам сообщить, что период исследований практически закончен.

Альпинистская часть.

После моего возвращения мы тщательно обсудили результаты разведок: различные пути на Дхаулагири не только исключительно трудны, но также на некоторых участках весьма опасны. В противоположность этому на Аннапурне имеются возможности...

Таким образом, я принял решение направить усилия экспедиции на этот объект и немедленно выслать сильную разведку, которая могла бы без потери времени перейти в штурм.

По правде говоря, если Дхаулагири выглядит как чудовищная пирамида, то Аннапурна царствует над крупным массивом, включающим около 50 вершин более 7000 метров, высокие гребни и, вероятно, почти недоступный верхний цирк. Единственное слабое место этого цирка – понижение, через которое мы собираемся начать штурм...

С дружеским приветом Морис Эрцог".

Почему мне кажется, что в воздухе неуловимая печаль? Не потому ли, что часть товарищей уже ушла в поход? Или потому, что до сих пор нет еще определенности? Или, наконец, мы просто устали? Не знаю...

Поздно ночью, когда Гастон уже сладко храпит в своем спальном мешке, я произвожу расчеты, занимаюсь нашим бюджетом, строю различные гипотезы; глаза слипаются...

Сквозь сон я слышу молитвы Анг-Таркэ и приглушенные реплики его товарищей.

Зачем прерывать этот полусон, это приятное состояние отрешенности от внешнего мира? Зачем двигаться, когда все мышцы разбиты и налиты усталостью, как свинцом? Зачем просыпаться, когда в этом нет никакой необходимости? У входа в палатку появляется широко улыбающееся лицо шерпа.

– Good morning, Вага Sahib! – говорит он, протягивая кружку чудесного кофе с молоком и тарелку тзампы.

Потягиваясь, мы проглатываем утренний завтрак: кофе с молоком, тзампу, яичницу с беконом, хлеб с маслом и вареньем, колбасу, шоколад.

Из палаток доносятся возгласы:

– Марсель! Чудесная погода. Не зевай, фотодеятель! В ответ слышится лишь нечленораздельное ворчанье.

– Удо! Тесты! Доносится голос:

– До осмотра есть запрещено!

– Кханна! Кханна, Кханна! – надывается Нуаель. Понемногу лагерь

просыпается. Люди встают. Начинается рабочий день.

За дело! Лично я должен в первую очередь избавиться от восьмидневной бороды, действующей мне на нервы. Мы с Ишаком собираемся дойти до источника, вытекающего маленькой струйкой метрах в двухстах от нас, возле одинокого дерева. В спартанском облачении, в тирольках^[69] и теннисках, с туалетными принадлежностями в одной руке и с неизменным фотоаппаратом в другой, мы направляемся к местным «водам».

Две хорошенькие, изящные девушки полощут у источника белье; они одеты в чистые хлопчатобумажные сари, аккуратно причесаны. Мы любуемся их гибкими и грациозными фигурами.

– Очаровательны! – говорю я Ишаку, подходя поближе.

– Постой, – шепчет он. – Сейчас попытаюсь их сфотографировать.

Не тут-то было. Поднимается визг!

Лишь после того как «безбожные» камеры убраны, девушки с удвоенной энергией принимаются колотить по белью, разложенному на камнях. Таков классический метод стирки, принятый в этих краях. Вряд ли белье может долго выдержать такую обработку. Что касается глажения, оно здесь неизвестно.

У источника играют дети. Они толкают друг друга, брызгают водой. В большинстве своем это девочки. Несмотря на детский возраст, они уже носят украшения в ушах, в ноздрях, на лбу, на шее, на запястьях.

Одна из них, восхитительная девчонка, не перестает улыбаться. Мы с ней быстро становимся друзьями. Она заразительно смеется, видя, как я чищу зубы какой-то диковинной цветной замазкой, а затем бреюсь явно подозрительным острым "орудием".

Но я знаю, чем ее можно заинтересовать, – одеколоном! Даю ей понюхать флакон, а потом брызгаю ей на волосы. Восхищение ее граничит с экстазом, Как видно, духи в этих краях пользуются особой популярностью. Застенчивость моей юной знакомой как рукой сняло. Эта восьмилетняя кокетка чувствует свою привлекательность.

Как редки, должно быть, минуты радости для этого ребенка, живущего в нищете, которой он, к счастью, не сознает.

Внезапно улыбка исчезает. Я оборачиваюсь: Ишак ее сфотографировал! Какой испуг! Долго еще она смеется, пока я расчесываю ее косички. Однако как ни трогательна и грациозна эта дружеская сцена, нам приходится уходить...

Забираем свои пожитки и покидаем источник.

Моя маленькая буддистка удаляется. Бедная крошка! Она сильно

хромает. Ее походка изуродована укороченной ногой. С грустью в сердце я смотрю ей вслед.

Лагерь охвачен бурной деятельностью. Вторая группа уходит сразу после обеда. Кухни дымят, шерпы возятся вокруг палаток.

Постепенно начинают подходить носильщики. Им было велено прийти после обеда, они являются с утра. Ну что же, подождут, наблюдая за нами...

Панзи, Саркэ и Айла с головой погрузились в рюкзаки. Приходится посматривать за ними, так как из-за чрезмерной предусмотрительности или недоверия они склонны взять с собой все свои личные вещи. Я считаю совершенно излишним, чтобы они брали по три пары штанов, однако не колеблясь нагружаю их запасными веревками.

Из общей палатки доносится индийская музыка: это Франсис де Нуаель ловит по радио последние известия.

Связь с внешним миром восстановлена, и наши мысли на мгновение уносятся вдаль. Знают ли о нас во Франции? Мы здесь не получаем никаких известий, ни единого слова. Несмотря на все расследования, на жалобы непальским властям, на посылку специальных курьеров, эта таинственная история до сих пор так и не выяснена.

Обед подан. Буквально набрасываемся на пищу. В последний раз едим приправы, винегрет, все то, чего мы будем лишены в высокогорье.

Удо подтверждает, что состояние здоровья моих товарищей великолепно. Понадобилось более трех недель, чтобы каждый из нас акклиматизировался и вошел в форму. Ляшеналь полностью избавился от своего фурункула. Потертости на ногах прошли.

Теперь нужно думать об уходе второго отряда; повторяются вчерашние сцены. Атмосфера лагеря накалена...

На этот раз Ребюффа занимается продуктами, Кузи – снаряжением. Подходят лошади; к счастью, носильщики на месте.

Все готово, можно отправляться. Время уже позднее, но жара не спадает. Похоже, что надвигается гроза. Последние прощания, горячие рукопожатия с Ишаком, Нуаелем и Удо – и мы трогаем лошадей.

Настает наша очередь...

Миристи-Кхола

Неторопливой рысью мы проезжаем по главной улице Тукучи между двумя рядами ребятишек, женщин, моющих посуду, и стариков, наблюдающих со своих порогов; у сагибов что-то происходит.

Переправа через Дамбуш-Кхола – довольно сложная операция. Сидя на лошади, приходится поднимать ноги возможно выше, чтобы не намочить ботинки. Это было бы нетрудно сделать, если бы не необходимость держаться возможно ближе к голове лошади, чтобы управлять ею в бурных водоворотах потока; к тому же седла в этих краях имеют неприятную привычку поворачиваться вокруг брюха лошади, а вконец изношенная подпруга может порваться в самый неподходящий момент.

Ребюффа, с его длинными ногами, героически переезжает по щиколотку в воде...

– Лучше намочить ноги, – поясняет он, – чем выкупаться полностью!

На обширной равнине Тукучи мы увеличиваем темп. На седле у Ребюффа лопается ремень, и Гастон совершенно теряет равновесие. Со стороны он выглядит как взведенный курок, но комичность этой позы не производит на него ни малейшего впечатления. Я предлагаю ему поменяться лошадьми, в конце концов все устраивается – и галоп возобновляется.

Миновав уже знакомые селения Канти, Ларжунг, проезжаем через деревушку Думпу, жители которой отличаются приветливостью. Преодолев подъем, достигаем Лете.

Ожидающие нас там гораваласы^[70] волнуются: уже поздно, как они вернут лошадей в Тукучу? Однако раз дорога подходящая, почему нам не использовать лошадей и дальше? Это же выигрыш во времени! И вот конюхи во всю прыть мчатся за нами! Но все же настает минута, когда нам приходится спешиться. Прибежавшие в мыле гораваласы не могут скрыть своего удовлетворения по поводу окончания этой верховой прогулки. Между прочим, и мы также!

Слева начинается еле заметная тропа, которая, по словам Кузи, должна нас привести к деревушке Чойя. Пускаемся в путь, и действительно вскоре показывается селение. В первом же доме царит оживление. По приставной лестнице понимаются и спускаются носильщики. Слышны смех, песни, бурное веселье. Это наводит меня на мысль, что здесь не обходится без

щедрой раздачи рисовой водки. В Непале продажа алкоголя запрещена. Но кто может запретить угощать гостей?

Наша группа покидает селение. Вскоре мы наталкиваемся на большую группу своих носильщиков, с комфортом расположившихся на мягкой траве. Грузы разбросаны по лужайке. Осторожности ради, учитывая длинный переход, мы послали их вперед... Издаем воинственное рычание, в мгновение ока грузы подхвачены, и носильщики исчезают с фантастической быстротой.

Наступает ночь. Обогнув несколько утесов, выходим на лужайку, приютившуюся на краю пропасти. Саркэ и Аила быстро устанавливают палатки, разжигают костер и достают продукты. Уже поздно. Молча съедаем ужин и забираемся в спальные мешки.

На следующее утро, разбудив шерпов, снимаем лагерь. Узкая тропа ведет в глубину ущелья. Впоследствии в этом месте Марсель Ишак и Жак Удо встретили стадо обезьян, поднимавшихся вверх по ущелью. Далее путь идет по тропе, выбитой в скалах. Крутой спуск неожиданно приводит нас к берегу немногочисленного в это время года потока Шадзиу-Кхола. Переправа не представляет никаких трудностей, однако на противоположном берегу даже опытный следопыт не смог бы обнаружить и малейшего признака тропы. Непроходимые джунгли простираются, по-видимому, вверх по склону. Кузи предупреждает, что до вечера следующего дня воды не будет. Заполняются все наличные фляги водой.

Подъем начинается с настоящего лазания по отвесной скальной плите. Тропа вьется бесконечными петлями сквозь заросли бамбука, через поваленные стволы, между преграждающими путь деревьями. Воздух влажный и тяжелый. У нас с Кузи завязывается длительная беседа. Когда разговор доходит до Бергсона и Юнгера, мы оказываемся на чудесной маленькой лужайке, покрытой подснежниками и другими цветами.

– Здесь, – говорит Кузи, – мы ночевали с Удо и Шацем 27 апреля.

Альпинисты склонны к консерватизму: решаем здесь позавтракать. Рюкзаки немедленно сброшены на землю, тубики со сгущенным молоком переходят из рук в руки. Прессованные фрукты поглощают те, кому они еще не успели надоесть. К тому времени, когда последние носильщики, уставшие от трудного пути, все в поту появляются на лужайке, мы уже лежим с сигаретами во рту, выпуская замысловатые кольца дыма.

Кузи после нашего разговора впал в задумчивость. Ребюффа думает о своей маленькой Доминике, о которой он не имеет никаких вестей. Необходимо встряхнуться. Вперед! За поворотом тропы открывается роца высоких деревьев, покрытых яркими, неизвестными мне цветами. Пройдя

под этой цветущей аркой, мы попадаем на чудесную лужайку. Кругом настоящее кладбище обгорелых деревьев, стволы которых поднимаются ввысь на 30—40 метров, по краям тропы в изобилии разбросаны розовые и красные цветы гигантских рододендронов. Шерпы бросаются к каким-то деревьям, похожим на красную березу. Сделав ледорубом засечку, они укрепляют под ней пустую консервную банку и таким путем добывают несколько глотков свежей воды.

С большим трудом мы преодолеваем бесконечно длинный, очень крутой кулуар с ненадежными камнями.

– Здесь полно сурков! – восклицает Ребьюффа.

Однако как я ни таращу глаза, не вижу ни одного. Наверху мы снова останавливаемся и выкуриваем по сигарете, поджидая носильщиков. Высота, должно быть, около 4000 метров...

Подходят носильщики. До сих пор они шли очень хорошо, но чувствуется, что они устали. Дорога становится трудной, груз, удерживаемый на голове ремнями, тянет вниз, неровности скал ранят босые ноги, уверенность движений пропадает. Дальше приходится пересекать большой снежный участок. Мы стараемся топтать широкие и удобные ступени, и все же носильщикам, согнувшимся под тяжестью ящиков, приходится очень тяжело. Я ощущаю смутные угрызения совести, шагая в удобных ботинках.

К исходу дня мы наконец добираемся до провала в гребне, отмеченного туром. Собираемся вместе и после минутного совещания решаем двигаться дальше. Погода явно портится. Начинаем спуск по пологим склонам альпийских лугов. Дождь идет непрерывно. В неопишемом беспорядке расставляем палатки. Каждый стремится возможно скорее укрыться от дождя.

Сегодня нам пришлось подняться примерно на 2000 метров, чтобы добраться до этой седловины, которую мы решаем назвать "Перевалом 27 апреля". Удивительно, как Кузи, Удо и Шац, открывшие этот перевал, ухитрились проследить совершенно невидимую тропу и с такой настойчивостью пройти по ней до конца.

В лагере быстро наступает тишина...

Ворочаясь во сне, Ребьюффа меня будит. Носильщики тщательно и методично готовят свои шарики из тзампы. Внезапно в палатку врывается крайне возбужденный Саркэ:

– Бара-сагиб! Тхар! – кричит от, указывая на далекую точку на гребне. Тхар! Не может быть!

За всю свою жизнь я не подстрелил даже зайца, однако во мне всегда

жила душа великого охотника. Как тигр, я бросаюсь на ружье, которое всегда доверялось Саркэ. Через мгновение оно заряжено. Наспех оставляю инструкции по подготовке к выходу и отправляюсь на разведку вместе с шерпом, не сводящим глаз с животного. Что касается меня, я не вижу ничего даже в бинокль. Нет, вижу! Внезапно в поле зрения, на расстоянии двух километров, появляется животное, похожее на серну. Мы стараемся приблизиться к нему, скрываясь за скалами. Быстро лезем вверх...

Увы! Тхар исчез, и на этом мои охотничьи подвиги в Азии кончаются.

Сегодня нам предстоит все время идти над Миристи-Кхола, пересекая отроги Нилгири. Когда встретятся непроходимые теснины, придется набрать высоту и затем спуститься прямо к берегу реки, так как дальше ущелье проходимо. Мы вынуждены без конца траверсировать крутые склоны, перебираться через ложбины, преодолевать все более и более полноводные потоки. К счастью, по пути попадаются поставленные стоймя каменные плиты. Это наши предшественники промаркировали тропу. На снежном пятне мне бросается в глаза сделанная Шацем надпись, указывающая, в котором часу было пройдено это место. Мы идем примерно тем же темпом.

Вокруг облака, и широкий обзор невозможен. Вскоре после полудня доходим до такого места, где не видно пути. Окликаем нашего проводника Кузи; слегка поколебавшись, он возвращается на несколько шагов и наконец с торжеством нас зовет: на небольшой скале мы видим укрепленный камнями вымпел Французского альпинистского клуба. Здесь начинается спуск к Миристи-Кхола. Движемся по очень крутым травянистым склонам, и носильщики вновь начинают скользить. Самочувствие у них не блестящее.

Идет дождь, сыплет снег, путь кажется бесконечным. Внезапно слышу крики. Приблизившись, видим большой костер: это носильщики первой группы, сложившие свою Ношу, возвращаются в долину. Завязываются разговоры на гурском языке... Еще раз убеждаюсь, что это наречие с отрывистыми словами и гортанными звуками малопонятно.

Тропа тянется по склону среди крутых плит вдоль отвесной скальной стены, в которой видны громадные пещеры. Кузи уверяет, что, когда он был здесь впервые, целое стадо тхаров отдыхало у входа в эти пещеры и даже при виде его не двинулось с места. К сожалению, сегодня (ружье у меня в руках!) никаких следов животных.

Через несколько минут мы все собираемся на берегу Миристи-Кхола, этого бурного потока, выносящего все осадки, выпадающие в верхних цирках Аннапурны, Большого Барьера и Нилгири.

Путь продолжается на другом берегу, и нам предстоит перебираться через реку. Замечаю несколько деревьев, поваленных накануне нашими товарищами для переправы. Однако носильщики отказываются переходить с грузом. Мы с Ребюффа не колеблясь решаем перенести его сами.

Гастон превращен в носильщика, на лбу его укрепляется ремень, поддерживающий ящики. Его голова, шея, все его длинное тело угрожающе качаются... Он доходит к воде, с помощью Кузи вступает на бревна, делает несколько шагов над беснующимся потоком; стоя на выступающей из воды скале, я протягиваю ему руку, за которую он судорожно хватается: теперь уже я могу спокойно взять у него груз.

Операция повторяется несколько раз. Однако один из тюков внушает мне опасение: он очень тяжел, а главное, громоздок – помимо прочего, в нем находятся два базовых и один высотный комплект. Ребюффа делает несколько шагов, в нерешительности останавливается, теряет равновесие и едва удерживается. Затем снова медленно продвигается вперед... Вдруг ремень соскальзывает с его лба... Тюк падает в поток. В голове молнией проносится мысль о невозместимой утрате наших палаток.

У нас с Кузи одинаковая реакция: прыгая с камня на камень, мы бежим каждый по своему берегу, стремясь догнать уплывающие палатки. Неудачная попытка, еще несколько прыжков... О счастье! Перед большим водоворотом тюк на мгновение останавливается, и я ухитряюсь зацепить его ледорубом. Победа! Жарко нам пришлось! Ребюффа был в отчаянии...

Переправа заканчивается благополучно. Однако прошло уже много времени, и надо искать поблизости место для бивака. Мы находим его без особого труда. Яркий костер, плотный ужин служат нам наградой за труды, и пока носильщики, беседуя, покуривают у костра, сагибы засыпают с чистой совестью.

На другой день мы выходим рано утром. Погода значительно улучшилась. Я ухожу вперед, обгоняя отряд примерно на час, и около полудня наконец встречаю вышедшего нам навстречу Марсея Шаца. Мы с радостью обмениваемся рукопожатиями. Он тут же сообщает: Луи Ляшеналь и Лионель Террай утром вышли на разведку северо-западного ребра Аннапурны.

По мере приближения к базовому лагерю морены становятся ниже, ущелье Миристи расширяется и открывается лучший вид на окрестности. Ребро, до подножия которого несколько сот метров, имеет не слишком грозный вид. Однако у меня почему-то не лежит к нему сердце. Обжегшись на Дхаулагири, я очень опасаясь гребневых маршрутов. Боюсь, что, даже если не встретятся непреодолимые препятствия, путь по ребру может

оказаться чрезмерно длинным, Я не могу решиться на переход от детальной разведки к самому штурму до тех пор, пока ребро не будет разведано окончательно. Иначе говоря, пока мы не выйдем на верхнее плато Аннапурны. Мы с Шацем приходим в базовый лагерь, приютившийся среди морен. Там и тут в котловинах сверкают небольшие сине-зеленые моренные озера. Кругом обширная каменная пустыня. Отсюда несколько часов пути до Большого Барьера, замыкающего горизонт на востоке, или до Нилгири на севере.

Падает снег, и мы залезаем в палатки. Часы проходят в нескончаемых разговорах.

Внезапно доносится шум падающих камней, удары ледоруба о скалы и звонкие проклятия – это может быть только связка Ляшеналь – Террай. Дверь палатки откидывается, и раздается замысловатое ругательство – узнаю своих товарищей в разгаре работы. Они не успевают произнести ни слова, а я уже вижу, что они устали, однако полны решимости и оптимизма.

Сняв заснеженные штормовки и прихлебывая чай, они рассказывают о том, что сделано ими сегодня. Знаменитая связка, покорившая наиболее грозные и величественные стены Альп, и здесь не ударила в грязь лицом.

– Ничего себе прогулочка, – говорит Террай.

– Сильна! – добавляет Ляшеналь. – Попадают участки пятой категории!^[71]

– Пятой! – восклицаю я. – Как же пройдут шерпы?!

– Это лишь отдельные участки.

– Можно навесить веревки, шерпов будем тащить, подталкивать. В конце концов, вытянем!

– Ладно, посмотрим. А кроме этих участков, что собой представляет ребро?

– Оно, безусловно, очень длинное, – отвечает Террай, – и чем дальше, тем труднее.

– Так, может, выше того места, куда вы дошли, оно вообще непроходимо?

– Не думаю! Мы лезли сегодня с рассвета и остановились в 11 часов на высоте около 5500 метров. Немного выше ребро покрыто снегом, и крутизна его увеличивается. Дальше ничего не видно, но, по-моему (и Бискант тоже так считает), несколькими сотнями метров выше ребро должно выходить на верхнее плато Аннапурны.

– Гм, – говорю я скептически.

– Слушай, Морис, – предлагает Террай, – все решается просто. Надо только навалиться всем миром. Завтра же перенесем базовый лагерь на

вершину этого травянистого холма, и можно начинать штурм.

– Пока будем колебаться, потеряем еще несколько дней, – добавляет Ляшеналь.

– Нет, – отвечаю я. – Так мы можем окончательно потерять все шансы. Если штурм ребра не удастся, придется снимать базовый лагерь, спускать его в ущелье и перетаскивать в другое место. Об этом не может быть и речи. Я не собираюсь рисковать всеми силами экспедиции на столь незнакомом нам маршруте. Давайте лучше расширим вашу разведку, поднимемся завтра до того места, куда вы дошли, и продолжим подъем, пока не появится уверенность в том, что путь проходим до самой вершины. Только после этого можно будет принять окончательное решение.

– Вот упрямая башка! – Ляшеналь и Террай рвут и мечут. Им кажется, что нужно немедленно выходить на штурм. Они снова заявляют, что по этому пути вершину «сделать» можно.

Я хорошо знаю своих друзей. После утомительного дня они в состоянии крайнего возбуждения, и доверять трезвости их суждений не приходится. Ответственность лежит на мне, и я должен показывать пример благоразумия. Мое решение твердо: завтра утром мы все выйдем на ребро с расчетом на временные биваки и вернемся лишь после того, как все станет ясно. Базовый лагерь остается на месте. Наш выход явится углубленной разведкой. Пока товарищи сушат одежду, приводят в порядок свои вещи и готовятся к завтрашнему дню, я пишу записку для "арьергарда":

"18 мая 1950 г. Дорогой Нуаель!

Я дошел до базового лагеря. Лионель и Бискант только что спустились с ребра и смотрят на будущее довольно оптимистично. Тактика остается прежней: продолжаем углубленную разведку. Сейчас погода плохая, и это может существенно задержать продвижение.

Продукты: боюсь, что взял маловато. Вышли, пожалуйста, немедленно 3 ящика "долина", 3 ящика «высота» и 1 ящик с «сильными» банками^[72].

Снаряжение: скальных крючьев – 10, ледовых – 10, высотных комплектов – 2, нейлонового репшура^[73] 5,5 миллиметра – 100 метров, веревки основной 8 миллиметров – 3 конца по 15 метров.

Носильщики: при расплате с носильщиками первой группы – всем одинаковый бакшиш. Носильщиков второй группы оплачивать так же, но бакшиши разные. Некоторые проявили себя очень хорошо. Они предъявят тебе справки, подписанные мной. Выплатишь им полный бакшиш. Двум старикам в половинном размере. Остальным – никаких чаевых, шли плохо.

Продукты в дальнейшем: сможешь ли прислать дополнительно (если

не будет с моей стороны отмены приказа) 3 ящика «долина» и 3 ящика "высота"?

Ишаку и Удо: пока ничего определенного сказать не могу, облачность помешала увидеть Аннапурну! Как только смогу, сообщу свежие новости.

Привет от всех нас. Морис".

14 мая, в тот самый день, когда состоялся военный совет и было принято решение сосредоточить усилия экспедиции на Аннапурне, Ишак сообщил мне, что им с Удо очень хотелось бы побывать в Муктинате.

15-го числа, уходя из Тукучи на разведку Аннапурны, я попрощался с товарищами. На следующий день рано утром они должны были отправиться туда в сопровождении сирдара Анг-Таркэ.

Для него Муктинат – святая святых! Он ревностный верующий, свято соблюдающий религиозные обряды, и эта поездка для него – редкостный случай совершить паломничество, от которого столько его сородичей вынуждены отказаться. Выход назначен на 6 часов утра, но он запаздывает, так как лошадей начинают приводить лишь с 7 часов. Часть лошадей, слишком плохих, отсылается для замены, однако через несколько минут их вновь приводят с торжествующим видом. Те же лошади! Спорить бесполезно: ответом служат только улыбки... Здесь ведь Восток!

В конце концов около 9 часов группа все же выезжает. Весь день она поднимается по правому берегу Гандаки. К вечеру вдаль показывается большое селение: белые дома, красноватые храмы и возвышающиеся над ними развалины Тибетской крепости. В сильнейшем возбуждении Анг-Таркэ кричит:

– Муктинат!

Когда подъезжаешь вплотную к этому необыкновенному городу, его чудесные постройки оказываются грязными и жалкими. В конце селения возвышается несколько пестро раскрашенных буддийских памятников.

Где же храмы, монастыри и сотни лам?

На востоке Марсель Ишак замечает несколько зданий более поздней постройки, покрытых оцинкованным железом. Расспросив окружающих, он в конце концов выясняет, что эти-то пять-шесть домов как раз и образуют Муктинат, а селение, где сейчас остановился караван, носит название Шахар. Черт с ним, паломничество откладывается на завтра! Друзья находят приют в каком-то запущенном замке, наскоро ужинают и укладываются спать под любопытными взглядами полусотни жителей.

На рассвете следующего дня они поднимаются к святилищу. Оставив лошадей у ворот первого здания, проходят мимо скалы, на которой можно различить неясное углубление, напоминающее след ступни.

– Будда, сагиб! – восклицает Анг-Таркэ, падая ниц.

Они минуют первый храм, похожий на храм в Тукуче, и приближаются к священным источникам: вода из ручейка стекает в горизонтальный канал, питающий около 60 водостоков в форме коров или драконов. Посреди прямоугольника возвышается непальская пагода.

Паломники подходят с сосудами, наполняют их водой и пьют. Анг-Таркэ, завладевший флягой экспедиции, обходит по очереди все источники: наши товарищи уже не смогут воспользоваться флягой в течение всего путешествия.

Далее к югу группа знакомится с другим храмом, охраняемым дюжиной молодых девушек, одетых в яркие платья. Приподняв камень, они показывают Ишаку и Удо два узких отверстия, откуда доносится шум источника и где мерцает голубой огонек вечно горящего природного газа. «Весталки» поют и танцуют. Сагибы вносят свою лепту, Анг-Таркэ особенно щедр на средства экспедиции.

На следующий день, проведя ночь в забавной деревушке Кагбени, «паломники» возвращаются в Тукучу. Там их с нетерпением дожидается Нуаель, также горящий желанием посетить Муктинат. Он отправится туда завтра в сопровождении Ж.Б... Рана.

За последние два дня в лагере не произошло ничего нового. Почты из Франции нет. Известий с Аннапурны также нет.

19 мая – день отдыха для наших друзей. Некоторое разнообразие в жизнь лагеря вносит шествие жителей Тукучи, возвращающихся из Марфы с криками и песнями под аккомпанемент тамбуринов.

Затем 20 мая в 9 часов 30 минут появляются Ангава и Даватондуп с запиской, посланной из базового лагеря под ребром Аннапурны после возвращения разведки Ляшеналея – Террая.

Ребро

19 мая временный базовый лагерь, раскинувшийся у подножия ребра, оживает еще до рассвета.

Раздается рев Террая, поднявшегося первым:

– Эй вы, лодыри! Вы где находитесь – в отеле "Мажестик"?

Кругом непроглядная темень. Шерпы ничего не понимают в этой неожиданной суматохе. В других экспедициях они обычно выходили только после восхода солнца!

Еще не придя в себя после сна, они готовят нэстэ и тонимальт^[74]. Альпинисты складывают рюкзаки.

– Сколько брать ледовых крючьев?

– Витамины не забыл?

– Сколько входит в твою фляжку?

Друг за другом люди поднимаются на морену и растворяются в темноте. Я следую за ними со слипающимися от сна глазами, спотыкаясь о камни, едва видимые в потемках. Скрежет ледоруба говорит о том, что ушедшие товарищи еще недалеко. Траверсирую последнюю морену. Мы тяжело нагружены, так как несем на себе все необходимое для трех лагерей и запас питания на несколько суток. Нас сопровождают шерпы. Они поднимутся с нами возможно выше, а затем быстро спустятся в базовый лагерь, чтобы не расходовать высотный паек. Уже светает, когда мы добираемся до снега; он еще твердый, и подметки «Вибрам»^[75] держат неплохо. Мы поднимаемся медленно, но без остановок.

Неужели будет хорошая погода? С момента нашего отъезда из Тукучи я едва ли видел клочок голубого неба. Рискую сорваться на крутом фирновом склоне, я часто оборачиваюсь, чтобы полюбоваться грандиозным зрелищем: Большой Барьер, средняя высота которого на глаз 7000 метров, нас буквально подавляет. В самой середине его возвышается гигантская неприступная башня. Колоссальные нависающие стены поднимаются над лагерем на 3000 метров. На гладких скалах не видно ни единой неровности, никаких трещин, за которые мог бы зацепиться наметанный глаз альпиниста, отыскивая возможный путь восхождения. Аннапурна – гигантская крепость, и мы приходим лишь к первым ее укреплениям!

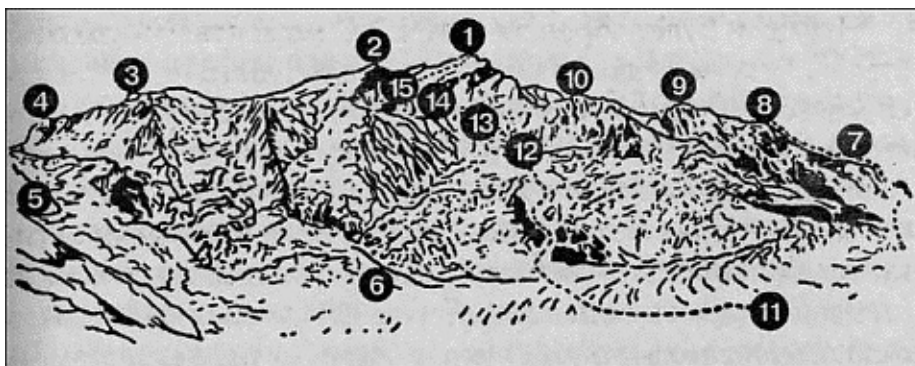
Цирк, где мы находимся, поражает своей первобытной дикостью. Ни один человек не любовался окружающими нас вершинами. Ни одно животное, ни одно растение не имеют тут права на существование. В

чистом сиянии утренней зари это отсутствие всякой жизни, эта суровая скупость природы лишь поднимают наши внутренние силы. Кто сможет понять возбуждение, черпаемое нами из этого небытия, если людей, как правило, привлекает к себе именно щедрая и богатая природа?

Мы примерно на высоте Монблана. Все дышат тяжело, каждый идет своим темпом. Когда мы добираемся до вершины холма, солнце уже высоко. Совсем недавно громадные стены были темными и мрачными. Сейчас они ярко сверкают.

Нам нужно дойти до подножия ребра. Террай, присоединившийся к нам, несмотря на вчерашнюю усталость, показывает начало подъема. Из рюкзаков вынимаются веревки, составляются связки. Я выхожу вперед, в связке с Саркэ. Накануне товарищи предусмотрительно навесили здесь веревку. Очень холодно. Скалы известняковые, однако достаточно прочные. Вслед за нами идут Ребюффа и Аджиба, затем Террай и Айла, замыкает группу Шац.

Если нам суждено проложить путь на Аннапурну по этому ребру, то следует сделать это возможно быстрее. Поэтому мы намереваемся штурмовать ребро "с барабанным боем".

Главный хребет Аннапурны:

1. Вершина Аннапурны 8085 метров. 2. Восточная предвершина. 3. Белая площадка. 4. Черная скала. 5. Контрфорсы Большого Барьера. 6. Северный ледник Аннапурны. 7. Маршрут попытки восхождения по северо-западному ребру. 8. Предвершина северо-западного ребра. 9. Вершина северо-западного ребра. 10. Гребень «Цветной капусты». 11. Местоположение лагеря I. Примерная высота 5100 метров. 12. Местоположение лагеря II. Примерная высота 5900 метров. 13. Местоположение лагеря III. Примерная высота 6600 метров. 14. Местоположение лагеря IV. Примерная высота 7150 метров. 15. Местоположение лагеря V. Примерная высота 7300 метров

План действий таков: как только путь для шерпов станет чрезмерно труден, они оставляют грузы и спускаются вниз. Четыре сагиба будут продолжать подъем и установят бивак возможно выше. Мы с Ребюффа останемся ночевать, а Шац и Террай спустятся до плеча. Здесь к Терраю должен присоединиться отдохнувший Ляшеналь.

Шац спустится до базового лагеря, с тем чтобы на следующий день снова подняться вместе с Кузи, установить лагерь на плече и составить третью штурмовую связку.

Первый пункт намеченного плана вскоре выполняется: мы отсылаем шерпов, теряющих много времени на трудное лазание. Однако я заметил, с какой легкостью осваивают они новую для них альпинистскую технику. Саркэ, в частности, уже, вероятно, мог бы вести связку на трудном скальном маршруте.

После ухода шерпов мы быстро набираем высоту. Впечатление такое, как будто мы на самолете. Ребро, по которому мы поднимаемся, проектируется прямо перед нами, и крутизна кажется небольшой. С обеих сторон спадают висячие ледники. Облака, как всегда, точно приходят на свидание с нами, и окружающие вершины исчезают в тумане.

Ребро становится все уже, напоминая милые сердцу иглы Шамони, к которым устремлены сейчас наши мысли. Скалы прочные, и, если бы не высота и тяжелые рюкзаки, лазание было бы сплошным удовольствием. Становится холоднее, начинает падать снег. Мы уже наверняка выше 5500 метров. Высматриваю впереди место для лагеря, но ничего не видно, кроме редких жалких площадок. Погода становится угрожающей. Надо принимать решение, тем более что Шац и Террай ввиду позднего времени хотят спускаться. Повиснув на руках, болтая ногами над пропастью, мы траверсируем узкий как нож скальный гребешок. Под нами бездна. Я не помню, чтобы мне встречалась в Альпах подобная крутизна. Редкие скалы, затерявшиеся на снежном склоне, покрыты льдом. Не могу представить себе, как на такой крутизне может держаться снег. Во всяком случае, понятно, почему здесь так часты лавины.

После этого сложного траверса выхожу на маленькую площадку, забитую снегом. Погода испортилась всерьез, и раздумывать не приходится. Здесь будет установлена палатка. Через минуту мы уже сбрасываем снег по обе стороны ребра, вызывая мощные лавины. За ними следует несколько обледенелых камней. И все же после такой работы мы едва можем усесться вдвоем на крошечной площадке! Как быть? Пытаемся при помощи ледоруба выворотить вмерзшие в лед глыбы. Каждый попеременно то ритмично бьет ледорубом, то пользуется им как рычагом.

Лионель Террай хватает мой ледоруб и колотит им с такой яростью, что кажется, камень сейчас расколется. Увы, поддается не скала, а ледоруб. Клюв его буквально согнут вдвое. К счастью, Лионель ухитряется его выправить. В конце концов удастся создать какое-то подобие площадки. Есть надежда установить палатку. Шац и Террай могут уходить. Не теряя времени они начинают спуск. Не могу отделаться от тревоги за них: лазание на такой высоте, когда вокруг свежавыпавший снег, чрезвычайно опасно.

Мы остаемся с Ребюффа одни. Насколько позволяет дыхание, продолжаем благоустраивать наш бивак. Вывернув здоровенную глыбу, устанавливаем ее на краю площадки, с тем чтобы искусственно увеличить полезную площадь. Засыпав неровности снегом и утрамбовав его, выравниваем площадку и начинаем наконец расставлять палатку. Передняя растяжка привязывается к забитым в скалу крючьям. Задняя держится на ледорубах, воткнутых в снег по самую голову. Боковые растяжки прикрепляются к камням. Аккуратный Ребюффа выстраивает на краю стенку для защиты от ветра. Осторожности ради он забивает надежный крюк для страховки. Ночь мы проведем привязанными к этому крюку.

Снег идет непрерывно, холод становится невыносимым, и мы с удовольствием заползаем в палатку, в которой пытаемся навести порядок. Вряд ли найдется другой столь «воздушный» и с таким трудом отвоеванный у гор бивак. Горячий чай несколько приподнимает наше настроение. Есть не хочется, но чувство долга заставляет нас глотать аскорбиновую кислоту и витамин В₂, предписанные врачом. Под завывания ветра в трепещущей палатке мы постепенно погружаемся в тяжелую дремоту.

На рассвете погода мрачная, падает редкий снежок. Толстый слой сыпучего снега на скалах отбивает всякую охоту к дальнейшему подъему. Решаем подождать до изменения погоды. Если она не улучшится, в середине дня начнем спуск, оставив на месте все снаряжение, необходимое для возобновления штурма. Как раз над лагерем начинается самый трудный участок. Это скала с небольшой трещиной в верхней части. Как добраться до этой трещины – непонятно: все покрыто снегом. Ребюффа считает, что всякая попытка обречена на неудачу, и даже предлагает немедленно спускаться. Однако я предпочитаю исчерпать до конца все возможности, чтобы в будущем не терзаться угрызениями совести. Если погода улучшится, снег стает и можно будет как-то продолжать подъем.

– Я говорил, что они здесь!

– Смотри, вот ледорубы! Ляшеналь и Террай появляются на гребешке.

– Привет!
– Чудеса! Что вы тут делаете?
– Эти господа прохлаждаются!
– Вы что, не видели разве, какой снег?
– Видели, видели, лучше тебя видели! Мы лезем уже с рассвета, чтобы добраться сюда.

– Подагрики! – в бешенстве орет Ляшеналь.
– Идти дальше просто безумие, – говорит Ребюффа, – у меня нет никакого желания здесь угробиться!

– Сейчас увидишь, угробимся мы или нет, – с презрением бросает Ляшеналь. И немедля кидается в атаку.

Он начинает с траверса влево, по весьма ненадежному снегу, прилипшему к крутой плите. Продвигаясь, он утаптывает его, увеличивая сцепление со скалой. В конце плиты уходит вверх небольшая трещина, по которой Ляшеналь влезает еще метра на три. Все зацепки залиты льдом. Взглянув на Террая, убеждаюсь, что он надежно страхует товарища. Теперь Ляшеналь подошел к громадному внутреннему углу. В глубине его он отыскивает под снегом трещину, которую пытается использовать. Ноги соскальзывают, и он чудом удерживается на руках. Спустившись на метр, он забивает крюк. Этот крюк входит лишь на несколько сантиметров, шатается и не внушает мне никакого доверия, но Ляшеналь становится на него без колебаний. Как быть дальше? Он втыкает в расщелину ледоруб и резко раскачивает его, проверяя, как он держится: ледоруб качается, но в конце концов его удаётся как-то заклинить. Ни секунды не сомневаясь в прочности своего сооружения, Ляшеналь двумя руками хватается за древко, снимает ногу с крюка и отчаянно пытается подтянуться, чтобы выиграть еще несколько сантиметров. На этот раз я не на шутку разозлен: так рисковать при данных обстоятельствах недопустимо. Придвигаюсь к Терраю, чтобы помочь ему в случае срыва. Не успеваю я произнести и двух слов, как Ляшеналь уже наверху. Участок пройден с феноменальным мастерством. Не теряя ни секунды Террай следует за ним, забивает второй крюк и вешает пятимиллиметровый нейлоновый репшнур.

Через несколько минут, сняв палатку и сложив рюкзаки, мы с Ребюффа в свою очередь начинаем подъем. Собираемся наверху на просторной площадке, защищенной естественным навесом. Вот где надо было устраивать бивак! Впрочем, вчерашняя отвратительная погода не позволяла выбирать. И сейчас еще нас окружают облака. Однако сквозь разрывы слева виден верхний ледопад северного ледника Аннапурны, который до этого мне не удавалось как следует рассмотреть.

Проводим краткое обсуждение: единственным сторонником пути по ребру остается Лионель Террай. Ляшеналь, который так шумел при встрече с нами, теперь полагает, что ребро бесконечно. Ребюффа явно полон пессимизма. Что касается меня, то я считаю, что ребро, по всей вероятности, не является ключом к Аннапурне: даже если оно и приводит к цели, провести по этому маршруту всю экспедицию представляется мне неразрешимой задачей. Совершенно очевидно, что в случае преждевременного наступления муссона или при спуске пострадавших положение будет исключительно опасным.

Еще раньше, на Дхаулагири, подобные рассуждения заставили меня отступить; боюсь, что здесь повторится то же. Лионель Террай полон решимости и энтузиазма, и никакие разумные доводы на него не действуют. Тяжело убивать такую настойчивость и особенно такое горячее стремление "жать до конца". С другой стороны, я ни на один день не хочу задерживать будущие операции.

Рассматривая еще раз северный ледник Аннапурны, гигантский ледопад, виднеющийся над нами, я смутно предчувствую, что именно здесь мы найдем решение задачи. В моем сознании вырисовывается следующий план: Ляшеналь и Ребюффа, не имеющие никакого желания продолжать подъем по ребру, спустятся возможно быстрее к временному базовому лагерю. Здесь они возьмут шерпа и попытаются проложить путь вверх по леднику, по-видимому, по его правому краю, с тем чтобы выйти к цирку северного склона, вероятно скрывающемуся за ледопадом. Если это им удастся, они должны немедленно мне сообщить. Мы с Терраем будем продолжать подъем по ребру, чтобы рассеять последние сомнения относительно этого пути. Ляшеналь и Ребюффа покидают нас, получив инструкции для Кузи и Шаца, которых мы просим подняться на следующий день, чтобы в случае необходимости усилить нашу связку или помочь снять лагерь с ребра.

Мы с Терраем устанавливаем палатку. Я рад возможности впервые провести с ним ночь в высокогорье. Погода неважная. После сытного обеда готовимся к завтрашнему выходу. Нужно идти возможно быстрее с минимальной нагрузкой, чтобы окончательно решить этот неясный вопрос, – такова наша цель.

Мы спим как сурки, но уже на рассвете Террай, как всегда легкий на подъем, развивает бурную деятельность. Лежа в теплом и уютном спальном мешке, я бессовестно злоупотребляю правами Бара-сагиба: мой товарищ готовит чай, открывает консервы и подает мне "завтрак в постель". Как только груда еды уничтожена, начинаются лихорадочные

сборы. В два счета все готово, и через несколько минут мы уже топчем свежий снег, выпавший в изобилии за последние два дня. Пока организм не разогрелся, высота дает себя чувствовать. Рюкзаки облегчены, но мы идем тяжело, стиснув зубы. Каждая минута на счету. У нас сегодня нечто вроде рейда, в стиле командос.

Пройдя нетрудный камин^[76], снова вылезаем на гребень, постепенно становящийся острым как нож. Идти по нему невозможно, даже балансируя. Мы передвигаемся, зацепившись руками, как на громадном турнике, царапая ногами по отвесной скальной стене. Под нами – пропасть глубиной более 2000 метров.

Постепенно мы приближаемся к пресловутому снежному гребню, о котором Ляшеналь и Террай говорили мне в базовом лагере. Их высказывания были настолько противоречивы, что я мог лишь догадываться о том, что ждет нас на этом участке. Действительно, чем дальше, тем выше и круче становится гребень. Террай не колеблясь идет впереди; я следую за ним на небольшом расстоянии. После изящного гребешка в форме полумесяца крутизна увеличивается, и вскоре под кошками прощупывается твердый лед. Пока Лионель рубит ступени, я забиваю ледовые крючья для страховки. К счастью, тонкий слой фирна держит хорошо, и можно ограничиться неглубокими ступенями. Обходим слева отвесную ледяную стенку. Выпуская Терраю на всю веревку, я каждый раз, как полагается, забиваю крюк. Затем мы меняемся ролями. Крючья выбиваем, так как их немного и приходится экономить. Крутизна такая, что носом буквально касаешься склона. Часто приходится вырубать зацепки для рук. Добираемся до первых «жандармов» гребня и видим перед собой нависающие скалы. Какое разочарование!

Смело траверсируя вправо, Лионель доходит до трещины и забивает два крюка. Привязавшись к ним, повиснув над ледовой бездной, он страхует меня. Мы в тени, и холод пробирает до костей. В свою очередь страхую Терраю, продолжающего траверс вправо и огибающего целый скальный массив. Место опасное, а холод еще более затрудняет лазание.

Через несколько минут мы снова вместе, на этот раз под лучами солнца. Однако наше положение весьма неприятно и ненадежно. Под действием солнца твердый фирн превратился в предательский снег. Подъем продолжается. Преодолев несколько трудных участков чистого льда, выходим на гребень, на высоте около 6000 метров. Погода разгулялась, и я пользуюсь случаем, чтобы поснимать. Отсюда Аннапурна кажется очень близкой.

Ребро, на котором мы находимся, тянется к вершине, однако

разорванный участок ледового гребня, напоминающий цветную капусту, от нас сейчас так же далек, как и в начале подъема по ребру; приходится вспомнить о прозрачности воздуха, сильно искажающей расстояния. Рассматривая видимые нам отсюда технически сложные участки, мы с Лионелем приходим к выводу, что даже при взятом нами темпе пришлось бы лезть несколько дней, чтобы добраться до конца ребра. Природа оказалась сильнее нас. Препятствия, созданные ею, несоизмеримы с нашими возможностями. Не вдаваясь в бесполезные рассуждения, мы решаем отступить. Даже если нам не встретится какое-либо непреодолимое препятствие (возможно, в гребне есть невидимый отсюда провал), было бы безумием направить экспедицию по этому маршруту. Ни на одном восхождении в Альпах я не встречал такого нагромождения технических трудностей. Никогда прежде в Гималаях людям не приходилось заниматься подобной акробатикой. В глубине души я мечтаю о том, чтобы ледник Аннапурны открыл свою тайну Ляшеналу и Ребюффа. Отсюда он кажется проходимым. Хорошо видно плато, на которое они должны выйти. Если им придется отступить, рухнет последняя надежда. Неужели же все наши труды, все наши усилия приведут лишь к второстепенным результатам? Это было бы для всех нас огромным разочарованием.

Не задерживаясь, мы начинаем спуск. Идем поочередно, тщательно страхуя друг друга через крючья, так как скалы непрочны. На солнце – нестерпимая жара, в тени – адский холод. После траверса подходим к ледяному гребню. Совершенно раскисший снег теперь уже не держит, предпочитаем спускаться по чистому льду. Первым уходит Террай, я страхую его, но крючьев немного, их приходится в большинстве случаев выбивать, и я вынужден спускаться без страховки. Террай настороженно следит за мной, хорошо понимая, что в случае срыва я неминуемо увлеку и его. Он спускается лицом от склона, тщательно рассчитывая каждое движение, чтобы не нарушить равновесия. Впоследствии он признался, что дважды начинал скользить и только чудом сумел задержаться. Я применяю другую технику: спускаюсь лицом к склону, используя не только ноги, но и руки. Правой ногой я не глядя нахожу на льду подходящую зацепку; левая, несмотря на рыхлый снег, держится на двух передних зубьях кошки.левой рукой я приминаю мокрый снег ко льду и опираюсь на него, правой вбиваю клюв ледоруба в твердый как камень лед. Когда правая нога находит уступ и я вновь обретаю три точки опоры (опоры довольно сомнительные!), левая нога в свою очередь повторяет операцию; это невероятное ползание – сплошная эквилибристика. Спускаюсь медленно, осторожно, без единого резкого движения.

– Э-эй!.. Э-эй!

Это голос Шаца, идущего на подмогу. Террай, находящийся сейчас к нему ближе, кричит, что мы спускаемся.

– Эй, Шац! Снимай палатку, спускаемся в базовый лагерь!

Шац услышал и издали наблюдает за нашим спуском. Теперь мы окружены облаками. Все вокруг тонет в сплошном сероватом тумане. Мы забиваем крючья, прикидываем расстояние, которое нам предстоит пройти, и вешаем веревку. Террай спускается дюльфером^[77], в то время как я наблюдаю за поведением крюка. При каждом рывке он сгибается, но затем возвращается в исходное положение. Лед настолько тверд, что никаких опасений не внушает. Все будет в порядке. В свою очередь по всем правилам альпинистской науки обвожу вокруг себя веревку и быстро спускаюсь к Терраю, уже вырубившему небольшую площадку для моего «приземления». Вытягиваю за один конец веревку, и вскоре мы добираемся до скал. С нескрываемой радостью «разуваемся»^[78] и через секунду уже мчимся по скальному гребню с таким энтузиазмом и с таким горячим желанием ночевать сегодня возможно ниже, что путь, занявший утром полчаса, пробегаем за несколько минут.

Мчимся наперегонки со временем: галопом проходим участки нетрудных скал, съезжаем по каминам, скатываемся вниз по кулуарам. Вскоре, несмотря на резкий холод, мы покрываемся потом. В рекордном темпе добираемся до оставленного утром лагеря, где сваливаемся на голову Шацу и Саркэ, складывающим палатки. Глотая говядину в томате и нугу, прихлебывая приготовленный Терраем превосходный чай, мы обсуждаем результаты разведки. Эти возбуждающие, полные энтузиазма часы утомительной работы привели лишь к бесполезной победе над бесполезным ребром. И тем не менее, как впоследствии говорил Террай ничто не может сравниться с этой отчаянной борьбой, в которую были вложены все наше мужество, сила и воля.

Над нами низкая облачность, но мы надеемся, что погода установится. Добираемся до участка, где навешен репшнур.

Друг за другом спускаемся в бездну и собираемся на узкой площадке, где за два дня до того мы с Ребюффа провели ночь. Мы мчимся по опасному и трудному месту, неся вчетвером два полных комплекта лагерного оборудования. Саркэ сначала приходит в ужас от быстроты спуска, но вскоре включается в общий ритм. Ребро сильно заснежено, и необходима большая осторожность, но как только сложные места пройдены, бешеная гонка возобновляется. Возбуждение охватывает всех.

Знакомый нам уже травянистый холм приближается на глазах. Пройдены последние скалы, и вот мы уже мчимся по травянистым склонам, присыпанный свежим снегом. Вскоре мы достигаем передового лагеря установленного в начале подъема на ребро. За несколько часов мы пробежали путь, занявший при подъеме двое суток. Отсюда хорошо виден базовый лагерь, установленный в глубине ущелья, на морене; желтые пятна палаток резко выделяются на общем сером фоне окружающих осыпей. Сильный дождь или, вернее, мокрый снег, падавший несколько минут назад, сменился мелкой изморосью. Мы с Терраем понимаем друг друга с первого взгляда: в два счета забираем из установленных здесь палаток снаряжение, набиваем до отказа рюкзаки и устремляемся вниз по склону; Шац и Саркэ стараются не отставать, но мы мчимся со скоростью метеора, несмотря на тяжелые рюкзаки, нарушающие равновесие. Прыгая по травянистым кочкам, используя малейшие неровности склона, контролируем скорость движения. Страверсировав влево, выходим на снежный "язык", спускающийся по дну кулуара, и не колеблясь начинаем глиссировать, выписывая великолепные повороты. Таким изящным и быстрым способом мы за несколько минут добираемся до морены.

Вероятно, Шац недоумевает: зачем нам нужно было устраивать такую гонку? По правде говоря – незачем. Вместо того чтобы спускаться пятнадцать минут, мы могли бы спокойно пройти этот путь за час. Все объясняется возбуждением, охватившим нас в этот день, такой трудный и прекрасный.

В базовом лагере нас ожидает сенсационное известие: Ляшеналь и Ребюффа прислали своего шерпа с сообщением, что по правому краю ледника пройти можно, они берутся выйти на большое плато, которого еще не видели. Однако просмотреть верхние склоны Аннапурны им не удалось.

С высоты 6000 метров, находясь на ребре, мы с Терраем просмотрели эту часть пути. Я убедился, что плато почти горизонтально и трудностей на нем не встретится.

Впервые за все время экспедиции появляются какие-то обнадеживающие признаки. Будут ли наконец вознаграждены наша настойчивость и вера в успех? Откроет ли нам вершина свою тайну? Мне кажется, что разгадка близка и через несколько часов судьба экспедиции решится.

Сейчас мы прежде всего должны высушиться, так как одежда совершенно мокрая от дождя, снега и пота. Появляется Шац, а вслед за ним Саркэ. Мы тут же уточняем план на завтрашний день.

– Вот что, – говорит мне Шац, – я тут наметил кое-какой маршрутик,

дай мне двух шерпов и...

– Двух шерпов? – прерывает его Террай. – А еще что?

– Два высотных комплекта и на три дня продуктов!

– Шеф^[79] хочет организовать «свою» экспедицию, – иронизирует Кузи.

– Да дайте же ему высказаться! Что ты надумал?

– Я заметил несложный гребень, по которому можно пройти ледник, оставив ледопад справа...

– Он прав, – говорю я. – Что, если Ляшеная и Ребюф фа ждет неудача? Что тогда делать? Неплохо, если у нас будет запасный вариант!

Решено! Завтра на рассвете Шац, полный оптимизма уйдет в новую разведку. Отыскав вместе с Кузи и Удо дорогу через Миристи, он сейчас надеется окончательно открыт доступ к Аннапурне. Мы с Терраем, а также Саркэ, по рядком устав за последние дни, намерены завтра с утра отдыхать. После обеда мы под предводительством Аджибы выйдем за нашими товарищами. На этот раз я полон на дежд и с большим трудом заставляю себя «терять» драгоценные часы.

– Кузи, тебе предстоит весьма неблагоприятная работа...

– Тебе придется снять на ребре передовой лагерь, а за тем перенести и окончательно установить базовый лагерь в том месте, которое я тебе укажу. Это будет крайняя точка куда смогут добраться носильщики.

– Действительно, не слишком весело, но раз нужно...

– Конечно, это необходимо, ты ведь и сам понимаешь. Вдобавок у тебя будет всего один шерп.

– Совсем печально!

– Придется самому тащить...

Наш друг Кузи, самый молодой член команды, так жаждущий деятельности, будет вынужден в течение нескольких дней оставаться внизу, проводя очень важную, но незаметную работу. Это задание он выполнит идеально, без единого слова протеста, хотя отчетливо сознает, что к моменту решающего штурма его акклиматизация будет недостаточной и, таким образом, его шансы на первостепенную роль в восхождении значительно уменьшаются, – замечательный пример самоотречения, создающего силу коллектива. Несмотря на отвратительную погоду, вечером у всех радостное настроение. Мы полны надежд. Каждый рассыпается в любезностях, в учтивых жестах... Приближается время великих решений.

В то время как ливень с оглушительным шумом барабанит по палаткам, мы тихо и блаженно засыпаем в теплых и уютных спальнях мешках. Сквозь сон до меня доносятся какие-то возгласы, позвякивание крючьев, шипение примуса, стук открываемых консервных банок, шум

катящихся камней: это Шац готовится к выходу с Панзи и Айлой. Еще царит глубокая ночь, когда он подходит к моей палатке:

- Я ухожу, Морис.
- Какая погода?
- Все небо в звездах.
- Ну, желаю успеха, старина.
- Пока!

Несколько минут слышны шаги по морене: товарищи уходят.

Как хорошо нежиться в тепле, когда другие трудятся! Как приятно мечтать в полусне, забывая о течении времени, когда знаешь, что через несколько часов придется сменить безделье на тяжелую работу.

С первых дней экспедиции у меня не было ни минуты покоя. Сегодня мне можно ничего не делать, и я полностью использую эту возможность. Я встаю и направляюсь к другим палаткам. Террай что-то разбирает, сортирует, распределяет. Им овладела мания порядка. На пороге решительной битвы он хочет быть во всеоружии. Перед тем как самому погрузиться в эту работу, бросаю взгляд на горы: солнце уже высоко, в воздухе тепло – будет хороший денек...

Но все имеет конец, даже самые прекрасные минуты. Меня беспокоит важный вопрос: продукты почти кончились, и надо составить опись остатков. Мы стаскиваем все

в одну кучу, и, сидя на корточках в палатке, я начинаю распределять по сортам, считать, записывать. Наконец все за кончено, все ясно, итоги подведены, и совесть моя спокойна.

После обеда мы выходим с колоссальными рюкзаками Утром я смог отдохнуть от непрерывной восьмидневной работы и чувствую себя великолепно. Хорошая погода еще держится. Однообразные морены тянутся на протяжении километров. Время от времени кто-нибудь из нас поскользывается на предательских камнях, лежащих на льду.

Внезапно мы замечаем идущего навстречу человека. Это Аджиба! Он сообщает замечательную весть: Ляшеналь и Ребюффа вышли на плато ледника. В своей записке Ребюфф добавляет, что путь идет по нетрудным скалам правого берега. Итак, большой ледопад северного ледника Аннапурны пройден! С надеждой в сердце мы ускоряем шаг.

Температура вполне приемлема, и окружающие скалы излучают тепло. Стены Большого Барьера, к которому мы направляемся, все ближе и ближе; они совершенно гладкие, неприступные, серого, как грифель, цвета. Как это часто бывает, правая береговая морена ледника – удобны и быстрый путь подхода. Теперь нас ведет Аджиба. В сере дине второй половины дня

мы подходим к пологой части морены, которая здесь расширяется и упирается в Большой Барьер.

Дальше нужно лезть по скалам правого берега. Это значит, что здесь носильщики пройти не смогут. Быстро набрасываю кроки, по которым впоследствии я смогу детально уточнить месторасположение базового лагеря. Время бежит: мы хотим сегодня же выйти на плато. В быстром темпе Аджиба ведет нас к контрфорсам Большого Барьера. По спиральным расщелинам, перемежающимся каминами и полками, а затем по кулуарам выходим над ледопадом Аннапурны. Чувствуется высота, мы устали, и рюкзаки кажутся более тяжелыми. Уже настает ночь, когда мы наконец добираемся до подножия большой ледяной стены. Здесь, на высоте примерно 5100 метров, наши друзья установили свой лагерь, будущий лагерь I.

Они встречают нас с нескрываемой радостью. Сейчас темно, ничего не видно, но в их словах звучит уверенность:

– Сомнений нет, Аннапурна будет побеждена!

Аннапурна

Действительно, на следующий день меня ожидает ошеломляющее зрелище. Когда я просыпаюсь, Ляшеналь и Ребюффа, сидя на сухой скале, не отрываясь глядят на Аннапурну.

Внезапный крик заставляет меня выскочить из палатки.

– Я нашел путь! – кричит Ляшеналь.

Подхожу к ним. Ослепительный блеск снежных склонов вынуждает меня зажмуриться. Впервые Аннапурна открывает человеку свою тайну. Ее громадный северный склон, покрытый реками льда, сверкает как алмаз. Ни разу я не видел еще такой гигантской вершины во всем ее величии. Это целый мир, ослепительный и грозный, необозримый в своей грандиозности. На этот раз, однако, перед нами нет отвесных стен, изрезанных гребней, висячих ледников и тому подобных прелестей, превращающих в утопию всякую мысль о восхождении.

– Понимаешь, – объясняет Ляшеналь, – задача заключается в том, чтобы выйти на этот ледник, похожий на серп, в верхней части Аннапурны. Чтобы дойти до его начала, не рискуя попасть в лавину, надо подниматься совсем слева^[80].

– Но тогда, – прерывает его Ребюффа, – как же ты хочешь добраться до начала твоего пути? Ледник с другой стороны плато сплошь изрезан трещинами. Перебраться через него невозможно!

– Смотри...

Мы всю таращим глаза. Но, признаюсь, я почти не способен следить за объяснениями товарищей. Меня захлестывает волна энтузиазма.

Наконец-то наша вершина здесь, перед нами.

Сегодня, 23 мая, – самый замечательный день экспедиции.

– Смотри, – настаивает Ляшеналь, сдвигая набекрень свою вязаную шапочку, – трещины можно обойти слева. Затем достаточно преодолеть в лоб ледопад и постепенно уходить вправо, по направлению к "Серпу".

Наше внимание привлекает звон ледоруба. Это Аджиба колет лед, чтобы натопить воды.

– Твой маршрут, Бискант, недостаточно прямой. Наверняка будем проваливаться в снег по пояс. Путь должен быть возможно короче, прямо к вершине.

– А лавины? – возражает Ребюффа.

– Опасность одинакова как справа, так и слева. Уж лучше идти там, где

короче.

– Ну а... как же кулуар? – не сдаётся Ляшеналь.

– Если переходить его повыше, риск невелик. К тому же взгляни: видишь следы лавин на твоём пути?

– Да, верно, – вынужден признать Ляшеналь.

– Раз так, кто нам мешает подниматься прямо вверх, обойти сераки и трещины, взять влево, чтобы выйти к «Серпу» и оттуда идти прямо к вершине?

Я чувствую, что Ребюффа настроен не слишком оптимистично. В своём старом, плотно облегающем свитере, который он таскал на всех альпийских восхождениях, он более чем когда-либо оправдывает данное ему шерпами прозвище Ламба-сагиб^[81].

– Однако, – возобновляет спор Ляшеналь, – можно было бы подняться прямо до основания стены и, траверсируя влево, прийти к той же точке...

– Взяв сразу влево, мы, безусловно, сократим путь.

– Ты прав, это вполне возможно, – соглашается Ляшеналь, постепенно сдавая свои позиции.

Соппротивление Ребюффа также понемногу слабеет.

– Эй... Лионель! Ну-ка иди сюда на минутку, взгляни!..

Террай, склонившись над ящиком, со своей обычной серьёзностью разбирает продукты. Красная лыжная шапочка и роскошная борода придают ему весьма колоритный вид. Я спрашиваю его в упор, каков «его» маршрут. Оказывается, он уже рассматривал вершину и составил своё мнение.

– Для меня, дружище, все совершенно ясно! – говорит он, выпячивая нижнюю губу. – Над лавинным конусом большого кулуара, прямо под вершиной... – И дальше идет описание обсуждаемого нами пути.

Итак, все пришли к единому мнению.

– Туда и надо идти! – без конца повторяет возбужденный Террай.

Не менее взволнованный Ляшеналь кричит мне в лицо:

– Сто против нуля, что победа будет за нами! Что касается Ребюффа, то он более сдержан.

– Пожалуй, это наименее трудный и наиболее логичный маршрут, – признается он.

Погода великолепная. Никогда еще горы не казались нам столь прекрасными. Наш оптимизм велик, возможно, даже чересчур, так как грандиозные масштабы стены ставят перед нами такие проблемы, с которыми в Альпах никогда не приходилось сталкиваться. Главное, время не терпит. Если мы хотим добиться успеха, мы не должны терять ни часа.

Наступление муссона ожидается около 5 июня. Следовательно, остается 10—12 дней. Нужна быстрота и быстрота! Эта мысль не выходит у меня из головы. Необходимо увеличить расстояние между последовательными лагерями, организовать систему челночных операций для заброски максимального количества груза в минимальное время, акклиматизироваться [Я считал в этот момент:

1 – что приспособляемость организма и время, требующееся для акклиматизации, у различных людей различны;

2 – что приспособляемость в значительной мере зависит от предшествующей тренировки;

3 – что выше некоторой критической высоты, различной для разных лиц и могущей быть прогрессивно увеличенной, человек теряет свои силы и восстанавливает их, спустившись ниже этой высоты;

4 – что указанная критическая высота, судя по тактике, проводимой с начала экспедиции, в этот момент для большинства из нас должна быть между 5900 и 6000 метров.

По данному вопросу см. статьи д-ра Удо в журнале "La presse Medicale": а) "Физиологические и клинические наблюдения в высокогорье", № 15, 7 марта 1951, стр. 297—300; б) "Влияние кислорода в высокогорье", № 17, 17 марта 1951, стр. 326—327.] и, наконец, подтянуть тылы. Последнее обстоятельство меня особенно беспокоит. Наша группа была снабжена только для разведки и в настоящее время располагает лишь пятидневным запасом продуктов и ограниченным набором снаряжения.

В голове возникают тысячи вопросов. Мои товарищи охваченные энтузиазмом, шумно дискутируют, в то время как шерпы, по обыкновению, спокойно ходят взад и вперед около своей палатки.

Здесь только два шерпа, и о том, чтобы начать с ними восхождение, не может быть и речи. Ну что же, сагибы пойдут одни и сами понесут грузы. Таким образом, уже завтра можно будет установить лагерь И. Мои товарищи с энтузиазмом принимают это предложение, позволяющее выиграть по меньшей мере два дня. Один из шерпов, Аджиба спустится в базовый лагерь и поведет оттуда группу до лагеря I, где мы находимся сейчас. Этот лагерь придется устанавливать заново, так как мы забираем с собой все.

Что касается Саркэ, ему дается ответственное задание передать всем членам экспедиции мой приказ о штурме.

На большом листе бумаги я пишу следующее:

"Срочно, со специальным курьером Саркэ из лагеря 1 в Тукучу

23 мая 1950 г.

Лагерь I установлен на леднике Аннапурны.

Принято решение о штурме Аннапурны.

Победа за нами, если каждый не будет терять ни одного дня и даже ни одного часа!

Каждому в части, его касающейся.

К у з и. Возможно быстрее перенести базовый лагерь и установить его примерно в двух часах ходьбы от старого места на широкой и удобной площадке перед снежным конусом. Перенести туда все. Послать в лагерь I максимум продуктов, рации, спальные мешки – мой и Гастона, кеды Лионеля (дай Саркэ 15 рупий, они лежат на дне моей "слоновьей ноги" 1, которую ты тоже должен мне переслать).

Ш а ц. Если Шац быстро спустится с ребра, установить лагерь I, так как Бискант, Лионель, Гастон и я переносим все в лагерь II. Лагерь I находится как раз у начала ледника и отмечен большим туром. Сосредоточить там максимум продуктов и снаряжения.

Марсель. Подняться возможно быстрее. У меня с собой маленький аппарат. Принеси пленку. До базового лагеря дойдут носильщики, можешь оставить там запас пленки.

Уд о. Прибыть поскорее в лагерь I с маленькой аптечкой. Основное может оставаться в базовом лагере (в частности, хирургическое оборудование).

Н у а е л ь. Очень важно. Не теряя ни часа, отправь в базовый лагерь 10 высотных контейнеров, 6 контейнеров "долина", все комплекты высотных лагерей, последнюю УКВ-рацию, спиртовую кухню "Жеррикан", около 10 литров бензина, веревки 8-миллиметровой – 1 конец 30 метров, веревки 9-миллиметровой – 2 конца по 15 метров,

1 Нейлоновый мешок, в который можно засунуть обе ноги, чтобы защитить их от холода.

репшура 5,5-миллиметрового – 200 метров, 15 ледовых крючьев, 5 скальных крючьев, 10 карабинов, все карманные фонари и два палаточных фонаря и запасные батареи.

Австрийский аварийный рюкзак^[82], 1 пару лыж с палками, сани, спальные мешки всех входящих во второй эшелон, установку Эмерсона с проводкой, 3 запасные пары гетр, 1 меховые брюки, 2 большие палатки (3 будут в базовом лагере и 2 в лагере I), 4 пары ботинок: 1 – размера 43, 2 – размера 42, 1 – размера 41. Поскольку комплекты для долинных лагерей разрозненны (спальные мешки и матрасы остались в Тукуче), необходимо доставить все недостающее для их укомплектования.

Кроме того, принести все запасные варежки, все запасные носки,

тзампу и рис для шерпов. Остальное оставить под надежным присмотром. Приготовь 10 высотных контейнеров и 6 долинных, которые пригодятся нам в дальнейшем. При случае можно будет переправить их в сопровождении одного из шерпов. Поднимайся. Будешь находиться в базовом лагере. Ж.Б... может делать, что хочет.

Марсель. Отправь телеграмму Деви: "Лагерь I – 5100 метров. После разведки принято решение штурмовать Аннапурну с северного ледника. Путь исключительно снежно-ледовый. Погода благоприятная. Все в хорошей форме.

Полон надежды. С приветом. *Эрцог*".

Глубокая разведка переходит в окончательный штурм. Этот приказ наполнит радостью сердца всех членов экспедиции, однако меня тревожит мысль о том, что необходимо четыре дня, чтобы добраться до Тукучи. Я объясняю Саркэ:

– Аннапурна! – Я показываю пальцем на вершину. – Atcha now!^[83]

– Yes, Sahib.

– All Sahibs go now^[84], – опять показываю на Аннапурну. – Yes, Sahib.

– This, – я делаю вид, что бегу, – very quickly to Tukucha for all Sahibs: Couzy Sahib, Doctor Sahib, Noyelle Sahib^[85].

Лицо Саркэ серьезно. Он прочел в моих глазах, что этот приказ отличается от других, он понял, чего я жду от него. Он знает, что у нас здесь мало продуктов, мало снаряжения и что, если сагибы решили идти на вершину, надо обеспечить помощь.

Саркэ наиболее энергичный, наиболее сильный из наших шерпов. Ему поручено дело первостепенной важности. Он стоит передо мной, широко расставив ноги. Его типично монгольское лицо оттеняется белым шерстяным шлемом с укрепленными на нем темными очками.

– Go, Sarki! Good luck! It is very important...^[86] – И я крепко жму ему руку.

Не теряя ни секунды он хватается вещи, что-то быстро говорит на своем гортанном наречии Аджибе... и через несколько минут мы видим, как они идут вдоль громадной сверкающей ледяной стены и исчезают за мореной...

Некоторое время я смотрю им вслед, а затем оборачиваюсь и люблюсь громадной цепью Аннапурны, залитой солнцем. Около нас мало тени. Несколько минут тому назад мы дрожали от холода, а сейчас приходится снимать пуховые куртки, затем свитера и, наконец, рубашки.

Вдали виден царствующий над всем Дхаулагири, ближе ко мне – Нилгири. В голове проносятся воспоминания... Дамбуш-Кхола,

Неизвестное ущелье, Большое Ледяное озеро, Манангбот... Как далеки мы теперь от всего того, что было задумано: "легкая экспедиция" – "нейлон", как мы называли ее, «быстрая» экспедиция. Перенести опыт альпийских восхождений в гималайские экспедиции – такова была основная тактика, намеченная в Париже. "Опасность, – считали мы, – это лавины, следовательно, надо придерживаться гребней". "Зачем обрабатывать вершину, чтобы могли пройти шерпы? Сагибы возьмут на себя все: шерпов не будет, значит, не надо будет и обрабатывать путь..."

Увы! Какое разочарование! О гребнях лучше не говорить. Шерпы? Как мы довольны, что они здесь! Легкость? Быстрота? Перепады высот здесь так велики, что всегда необходимы многочисленные промежуточные лагеря! А кроме того, мы явно недооценивали значение разведки: прибыть в исследованный район, сгорать от нетерпения, рваться на штурм... Куда?

Мы четверо: Ляшеналь, Ребюффа, Террай и я – собираем свои вещи, запикиваем в рюкзаки максимум продуктов, снаряжения, палаток, спальных мешков. Оставляем лишь один ящик с тем, что не потребуется в ближайшем будущем. Распределяем груз: как всегда, некоторые предпочитают тяжелые, но не громоздкие вещи, другие – наоборот. Нести придется килограммов по двадцать. На этой высоте, где малейшее усилие дается с трудом, мы чувствуем себя буквально раздавленными под рюкзаками. Лямки врезаются в плечи. Кажется, невозможно пройти и пяти минут. Однако, несмотря на чрезмерный груз, мы все же движемся, ибо нас поддерживает мысль о выигрыше времени.

Вытянувшись цепочкой, связанные длинной веревкой, четверо сагибов тяжело шагают по снегу большого плато у подножия Аннапурны. Жарко, солнце прямо над головой, и в этом ледовом цирке его лучи полностью отражаются от окружающих стен. Движение быстро изнуряет, отупляет. Мы задыхаемся и обливаемся потом. Остановка. Достаем тюбики с глетчерной мазью и покрываем толстым слоем пасты наши потные лица. Ребюффа и Ляшеналь, страдающие, по-видимому, больше, чем мы с Терраем, вытаскивают вкладыши от спальных мешков и мастерят из них подобие ку-клукс-клановских капюшонов,

уверяя, что такая конструкция прекрасно защищает от инсоляции. Я в этом не убежден, так как они, по-видимому, совсем задыхаются, и мы с Терраем все же предпочитаем мазь.

Кажется, что в этом пекле воздух исчез. Скорее бы добраться до первых склонов! А грузы, пригибающие к земле!.. Приходится мобилизовать все свое мужество, чтобы преодолевать усталость и одышку. Мы перелезаем скальный островок под гигантскими сераками. Целый лес

сталактитов, причудливо преломляющих солнечные лучи, угрожающе навис над нами. Мы с Терраем по очереди прокладываем путь. Двое других, кажется, уже "дошли". Дыхание частое и неровное. Сказывается высота в 6000 метров, рекордная для экспедиции.

Что же с нами будет выше 7000 метров?.. Эта мысль неотвязно вертится в мозгу, и вскоре я убеждаюсь, что об этом же думают и мои товарищи.

– В конце концов, мы ведь не носильщики! – восклицает Ляшеналь.

– Не для того мы приехали в Гималаи, чтобы таскать тяжести, – поддакивает Ребюффа.

Террая передергивает от негодования:

– Альпинист должен уметь таскать!

Ляшеналь стоит, опершись на ледоруб, Ребюффа повалился на рюкзак. Багровые лица покрыты потом, в стеклянных, без всякого выражения, глазах внезапно загорается гнев.

– Если мы сейчас подохнем от этой идиотской работы, что будет через несколько дней? Ведь нам еще придется прокладывать путь через сераки!

Террай взрывается:

– И они еще называют себя проводниками из Шамони! Подагрики несчастные!

– На тебя чем больше навьючишь, тем тебе лучше. Тебе нравится такая ишачья работа! – кричит Ляшеналь.

– Когда нужно тащить, я тащу!

Стараюсь их утихомирить:

– Конечно, тяжело, я знаю, но мы выиграем на этом пару дней. Если восхождение будет успешным, то, может быть, именно благодаря тому, что мы делаем сегодня.

Ребюффа возражает:

– Ты и Террай, вы можете тащить, а мы не можем!

– Вы ведь сверхлюди, – добавляет Ляшеналь, – а мы только жалкая посредственность.

Это ядовитое замечание как будто приносит ему облегчение, и движение возобновляется. «Сверхлюди» по очереди прокладывают путь. Мы совсем отупели, ноги подкашиваются, темп медленный и неровный, но все же метр за метром отвоевывается у вершины. Двигаемся как автоматы, взор прикован к пяткам идущего впереди. Поддаваться искушению и останавливаться ни в коем случае нельзя. Никаких компромиссов! Время от времени Террай для бодрости осыпает нас отборной бранью. Может быть, эта ругань не так уж необходима, но в глубине души каждый вынужден

признать ее справедливость.

Сзади слышатся какие-то крики. Это может быть только Шац. Его маршрут здесь смыкается с нашим. Не нашел ли он «идеальный» путь? Во всяком случае, это превосходный предлог для длительной остановки: ледорубы втыкаются в снег, на них надеваются лямки рюкзаков, и удобные сиденья готовы. Открываются консервы. В ход пускаются фляжки, однако каждый глоток на счету, так как запас воды весьма ограничен.

Подходит Шац с двумя шерпами:

– Ну, братцы, я "дошел"!

На лице товарища я вижу неподдельное страдание. Вероятно, нам досталось не меньше, чем ему. Однако он был единственным сагибом в группе.

– Ну, рассказывай, каковы твои успехи?

– Этот путь не представляет никакого интереса! Если ваш проходим, о моем надо забыть.

– Что, слишком сложен?

– Да и к тому же... очень опасен. Вместо того чтобы спокойно страверсировать от верхней части контрфорса к плато, я откопал боковую ветвь ледника, страшно крутую и с великолепными сераками! Вчера пришлось установить палатку кое-как, на крошечной площадке. Сегодня утром мы прошли под стеной сераков, каждую минуту готовых свалиться нам на голову, и наконец преодолели невероятно крутой снежный склон, по которому я ни за какие деньги не рискнул бы спускаться.

– А дальше?

– По-твоему, этого мало? Дальше я увидел вас и стал лавировать между сераками, чтобы добраться до ваших следов... Кстати, хватит болтать, я голоден как волк!

Пока он наспех поглощает старательно приготовленный завтрак, нас начинает окутывать туман – предвестник обычной бури. Террай торопит:

– Пошли!

Постепенно видимость уменьшается. Все заволакивается густым туманом. Путь, который мы с Терраем прокладываем наугад, вероятно, далеко не лучший, но что делать? Нам нужно сегодня установить лагерь II где-то посреди плато, вдали от лавин. Снег начинает падать густыми хлопьями, и мы вытаскиваем из рюкзаков штормовки. Сейчас Террай идет за мной, и я ориентируюсь на него, чтобы двигаться по прямой. Совсем не хочется брести по кругу, как это уже бывало со мной при подобных обстоятельствах. Насколько я могу судить, мы уже должны находиться примерно около центра плато.

Во всяком случае, ночевать будем здесь.

Сагибы и шерпы один за другим подходят ко мне и сбрасывают рюкзаки. Устраиваем короткое совещание. Отпускать шерпов одних в лагерь I опасно. Лионель Террай, находящийся в хорошей форме, вызывается сопровождать их.

Уже поздно, и снег по-прежнему валит вовсю. Террай спешит покинуть нас, так как следы уже еле видны. Ночевать он будет в лагере I, в спальном мешке Саркэ, а шерпов отправит в базовый лагерь, путь к которому несложен. Таким образом, у нас будут люди для ближайшего челнока^[87].

– Нет, Лионель явно ненормальный, – замечает Ляшеналь, – ему нравится делать из себя мученика! Гастон, разве тебе придет в голову, вместо того чтобы спуститься в базовый лагерь и с комфортом провести ночь, спать на камнях, впивающихся тебе в спину... да еще и хвастаться этим?

Мимика Ребюффа весьма красноречива – он считает такое самоистязание совершенно бессмысленным. У каждого альпиниста свой характер. Есть ли на свете более упрямый народ?

Наш бедный лагерь II затерян в снегах. Мы оглушены непрерывным грохотом лавин, падающих неизвестно где. Этой ночью придется довольствоваться весьма относительной безопасностью.

Борясь со снежными вихрями и порывами ветра, выравниваем площадки, вбиваем колья, натягиваем палатки. Через час все уже отдыхают в тепле.

Мы с Шацем расположились в «опытной» палатке, послужившей прототипом для четырнадцати других. Она немного больше остальных. Шац убеждает меня, что, если лечь головой в глубь палатки, комфорт будет идеальным. Да, возможно... Тем не менее ни разу еще мне не доводилось так плохо провести ночь, и никогда в жизни я не соглашусь повторить этот печальный эксперимент, во время которого едва не задохся. Предпочитаю устраиваться головой ко входу, когда можешь регулировать приток свежего воздуха. Во всех других отношениях Шац – идеальный компаньон! Лежа в своем спальном мешке, я наблюдаю, как он занимается стряпней. Сытный ужин подан мне "в кровать"!.. Вскоре снотворное оказывает свое действие, болтовня прекращается, и мы быстро погружаемся в сон.

Пока мы таким образом приспособляемся к обстановке, Террай, спустившийся ночевать в лагерь I, вынужден из-за сильного ветра провести часть ночи без сна. Обильно падающий снег покрывает его целиком, и, рискуя задохнуться, он с головой закутывается в штормовку. Через

несколько часов, совершенно измученный, положив под голову какие-то камни, он забывается тяжелым сном.

В лагере II, на высоте 5900 метров, мы просыпаемся в 9 часов. Уже тепло, и сквозь стенки палатки пробиваются золотистые лучи солнца. Но как трудно надеть замерзшие ботинки: они словно деревянные. Теперь я всегда буду класть их с собой в спальный мешок. Высовываю голову наружу: на небе ни облачка, зрелище сказочное.

Вокруг нас на высоте более 7000 метров разворачивается фантастическая вереница вершин и гребней.

Рядом, прямо над головой, виден великолепный, изрезанный гребень, прозванный нами "Цветной капустой". Ниже он переходит в то самое северо-западное ребро, на котором мы напрасно тратили свои силы. Теперь его видно полностью, и ясно, что мы не прошли и десятой части! Сюрприз!.. В самой середине ребра громадный, непреодолимый провал. Таким образом, наша совесть может быть спокойна.

В глубине вырисовывается сверкающий, как кристалл, Дхаулагири. Ближе к нам – неприступный и величественный Нилгири. Справа над нашим крошечным лагерем возвышается Большой Барьер, стены которого отвесно обрываются в верхний цирк Миристи-Кхола. Еще правее видны колоссальный вздувшийся ледник и симпатичная вершина – знаменитая Черная скала!

Я оборачиваюсь: грандиозная ледяная стена со множеством сераков и трещин блестит на солнце. Над ней, в неизмеримой вышине, сверкая алмазами, Аннапурна царит над всем, как и подобает богине. Она так высока, что приходится запрокидывать голову, чтобы рассмотреть ее.

С тревогой гляжу я на стену, которую нам предстоит штурмовать. Как все это колоссально и как не соответствует нашим слабым силам! Какую тактику применить? Я должен

правильно оценить состояние своих товарищей, учесть ограниченность снаряжения, находящегося сейчас в нашем распоряжении, технические трудности, опасности и, главное, возможные задержки. Сколько действующих факторов! Так или иначе, я твердо решил форсировать установку лагерей независимо от погоды, если, конечно, не разразится буря. Все сводится к математической формуле: выполнять ежедневно максимальное количество килограмметров работы, поддерживая спортивную форму восходителей на высоком уровне вплоть до решающего штурма. В этот момент, находясь вблизи от вершины, мы не сможем избежать ослабления организма, и тогда физический и моральный потенциал каждого из нас должен проявиться во всей своей силе, учитывая,

что некоторый резерв необходим для спуска.

Утром от вчерашней усталости нет и следа. Надо использовать хорошую погоду и продолжить подъем для установки лагеря III.

Привязываем к ботинкам облегченные кошки, с которыми теперь почти не придется расставаться. Берем с собой палатку, оставляя вторую с небольшим количеством продуктов на месте лагеря. На каждого приходится около 10 килограммов. Перед тем как покинуть лагерь, еще раз бросаем взгляд на ледяную стену. Пытаемся наметить путь через многочисленные сераки, загромождающие склон, ибо, выйдя на стену, мы уже не сможем видеть вперед больше, чем на полсотни метров.

Связываемся по палаткам: Ляшеналь и Ребюффа идут вперед, а мы с Шацем на второй веревке.

Уже почти 10 часов. Пора! Тщательно застегнув палатку – единственное, что остается от лагеря II, направляемся к лавинному конусу большого центрального кулуара, спускающегося с предвершинных склонов. Идем напрямик, так как трещин на пути немного. На снегу ноги начинают мерзнуть и теряют чувствительность. В то же время в воздухе так тепло, что вскоре нам придется снять пуховые куртки. Чудовищная ледяная стена нависает над нами все больше и больше. Слева гребень чистого льда, типично гималайский по своей формации, поражает меня своей прозрачной голубизной, еще более подчеркиваемой боковым освещением. Справа кружевной гребень "Цветной капусты", сияя бело снежной чистотой, кажется, смеется над нами: попробуйте до меня добраться!

В этом необычайном мире, где кругом сплошные отвесы, понятие равновесия приобретает особый смысл, перспектива этого хаоса создает в корне неправильные первые впечатления.

Вот уже час, как мы идем, и только теперь вступаем на склоны конуса! Меня волнует, что будет дальше: впечатление такое, как будто миллиарды тонн гигантского потока застыли в неопишемом беспорядке. Чем ближе мы подходим к стене, тем круче становится склон. С адским грохотом обрушиваются сераки. Гул падающих лавин действует на нервы. Пока что кулуар чист, но в течение нескольких минут мы будем подвергаться большой опасности, так как придется пересекать горловину кулуара. Конечно, этот участок невелик, но любая глыба, упавшая с верхних склонов, неизбежно попадает сюда.

Первым проходит Ляшеналь. Каждый из нас по очереди идет по его следам под настороженными взорами товарищей, ожидающих на краю кулуара. Над нашими головами – громадная ледяная крыша, отливающая

теперь, когда солнце скрылось, мертвенно-зеленым цветом. Сомнительная защита! Выдержит ли она, если пойдет лавина?

Все в порядке! Опасный участок пройден, и мы, запыхавшиеся, стоим на противоположной стороне кулуара. Место здесь малопригодно для отдыха, склон настолько крут, что снег на нем не держится. Останавливаться нельзя.

Передняя связка быстро вырубает крошечные ступени, едва достаточные для двух зубьев кошки. Лед гладкий, твердый, похожий на стекло, под ударами ледоруба он разлетается с сухим треском. Куски льда с головокругительной скоростью летят в бездну и исчезают, вызывая каждый раз небольшие лавины. Мы продолжаем уходить вправо, под защиту сераков. По ненадежному снежному мосту добираемся до заваленной снегом площадки, где можно наконец отдохнуть. Хорошая погода пока что удерживается. По небу плывет несколько безобидных облачков. Настроение бодрое.

Под нами во всей своей грандиозности открывается плато, на котором установлен лагерь II; палатка едва видна, и отыскать ее можно лишь по следу, проложенному нами при подъеме. Дальше маршрут выглядит неважно. Метров на пятьдесят выше путь нам преграждает громадная ледяная стена. Ни слева, ни справа обхода нет. Неужели мы уже в самом начале попали в тупик?..

Полные решимости, мы с Шацем начинаем атаку. Проваливаемся по пояс. Под снегом – крутой лед, избежать скольжения невозможно. Хватаю двумя руками свою правую ногу и, опираясь на левое колено, ставлю ее сантиметров на тридцать вперед над снегом, затем, воткнув ледоруб как можно выше, подтягиваюсь на нем, стараясь освободить оставшуюся сзади ногу. Скольжу и возвращаюсь на старое место. Сердце готово выпрыгнуть из груди, легкие вот-вот разорвутся. В конце концов приходится вырыть настоящую траншею. Целый час потрачен на эти пятьдесят метров! Теперь мы подошли вплотную к стене и, несмотря на жаркий день, дрожим от холода. Тщательно рассматриваю врага: забитая снегом косая расщелина позволит подняться под громадный ледяной карниз. Этот гордый колосс, отшлифованный многочисленными лавинами, придется преодолеть с помощью ледоруба. Прежде чем приступить к делу, сообщаю второй связке, что для выхода на крышу потребуются не меньше двух часов. За это время они могут пройти вдоль стены в поисках более легкого пути.

Я на минуту снимаю очки, но не в состоянии выдержать ослепительного блеска снега. Далеко внизу виднеется зеленое пятно растительности, на котором глаза могут немного отдохнуть. Протираю

платком помутневшие от снега и от пота очки, проверяю узел на поясе, количество ледовых крючьев, наличие молотка-ледоруба. Последний взгляд в сторону Шаца – убедиться, что он стоит надежно.

– Пошел! Дай слабины, пожалуйста!

– Давай, – отвечает Шац, понемногу протравливая веревку вокруг крепко забитого в снег ледоруба.

Начинаю расчищать расщелину. Снег плотный и твердый. На такой высоте эта работа отнимает массу сил. После каждого удара я с трудом перевожу дыхание. Наконец вырубая площадку сантиметров тридцать глубиной и около метра длиной, на которой едва размещаюсь, скорчившись и упираясь головой в нависающий лед. Нужно продвинуться по горизонтали еще на пару метров. Отвоевываю у стены сантиметр за сантиметром; расщелина сужается, стена давит все сильнее, сталкивая меня в пропасть. Заканчиваю путь ползком. Лежу на животе, судорожно вцепившись в древко ледоруба – моей единственной опоры. Теперь надо пробиться через ледяной карниз. Одной рукой, без всяких точек опоры я не могу рубить в полную силу... Осколки льда сыплются на Шаца, стойчески выдерживающего этот душ. Он зорко следит за каждым моим движением, готовый страховать в случае срыва. Для начала разбиваю мешающий мне край карниза. Несколько углублений, выцарапанных во льду, служат зацепками для левой руки. Вися над бездной, приликая к нависающему льду, подтягиваюсь на левой руке и медленно... очень медленно выпрямляюсь. Чувствую на себе настороженный взгляд Шаца. Освободив правую руку, хватаю ледоруб и вырубая над карнизом более надежную зацепку для левой руки. Затем втыкаю клюв ледоруба и, держась за него правой рукой, мгновенно хватаюсь левой рукой за эту зацепку. С невероятными трудностями вырубая как можно выше на карнизе две ступени для ног, они дадут мне возможность после преодоления карниза продержаться несколько минут на стене и выйти наверх.

Спускаюсь обратно, на свое старое место в расщелине. Дышу словно паровоз. Втыкаю ледоруб до головки, и, пока я держусь за него, Шац, извиваясь, как змея, поднимается по расщелине. Вскоре он стоит вплотную за мной... Как только я поднимусь на метр, он займет мое место, организует страховку и передаст мне свой ледоруб.

Настает моя очередь... Приподнимаюсь и встаю правой ногой на ледоруб, который при этом входит в снег; тем не менее мне удастся дотянуться левой рукой до верхней зацепки. Я полностью теряю равновесие и держусь только чудом. Вытащив из заднего кармана молоток-ледоруб, использую его клюв как дополнительную, правда весьма

сомнительную, опору. Шац выполняет задуманный нами маневр: занимает мое место, страхует меня и протягивает свой ледоруб. Я хватаю его не оборачиваясь и изо всех сил вбиваю на полметра выше. Нельзя терять ни секунды: мои ноги болтаются в пустоте, подтягиваюсь, держась за левую зацепку и за воткнутый в лед ледоруб Шаца. Проходит вечность... каждый сантиметр дается с боя. Правое колено доползает до нижней ступени и там заклинивается, уже облегчение! Новый прилив энергии: ботинок становится на ступень, где только что находилось колено. Смогу ли я достаточно высоко поднять ногу? Почти... еще немного!.. Кошка медленно подползает: один зуб, второй, еще усилие, чтобы встать на ступень... Есть!

Тщательно рассчитанным движением, стараясь не потерять равновесия, подтягиваюсь на ледорубе, прижимая древко к склону, чтобы клюв не выскочил из льда. Левая нога находит опору. Еще один шаг... Еще усилие – и обе предусмотрительно приготовленные ступени заняты.

– Ух! Готово!.. Вот собака!

У Шаца, в смертельной тревоге ожидающего внизу, камень сваливается с сердца.

– Bravo, Морис!

– Не двигайся! Метр слабины!

Я стою очень ненадежно и поэтому не теряя ни секунды вырубая в хорошем твердом льду большие ступени. В двух метрах отсюда крутизна уменьшается и появляется снег. Вырубая удобную лоханку^[88] и кричу Шацу:

– Подожди еще немного! Три метра слабины! Сейчас забью крюк!

Поднявшийся ветер доносит до меня едва слышный ответ: "О'кей!"

Сердце готово вырваться из груди. Дыхание беспорядочное. По лицу крупными каплями стекает пот. Прежде чем двинуться с места, я опираюсь на ледоруб и на минуту закрываю глаза... Снова начинаю рубить ступени; теперь лед зернистый, рубить легче. Сейчас карниз уже подо мной. Еще метр, и я на удобном месте. Вырубая в ледяном склоне площадку для забивки крюка. Осколки льда летят вниз. Интересно, о чем думает сейчас Шац, распластавшийся на животе в своей расщелине?

– Еще чуть-чуть!

На поясе у меня висит нечто вроде гигантского рыболовного крючка – лезвие длиной сантиметров тридцать. Ожесточенными ударами молотка-ледоруба забиваю этот крюк. Фирн здесь нетвердый, и после нескольких ударов крюк на месте. Будет ли он держаться? Надеюсь, что мороз сделает его прочным. Теперь очередь за веревкой. Это прекрасная нейлоновая веревка, совсем новая, чистая, сухая. Вытаскиваю из кармана нож, отрезаю

два метра. Этого хватит на кольцо, прикрепляемое к крюку. Пропущенная через кольцо двадцатиметровая веревка спускается по склону и свешивается с карниза. Делаю несколько рывков, чтобы убедиться в прочности. Все в порядке!

Честь первого испытания принадлежит создателю. Схватив веревку, я спускаюсь на руках к своей уютной лоханке.

– Алло, Шац! Можешь идти!

– Хорошо! Я крикну, когда пойду.

Марсель собирается, надевает рюкзак, засунутый им под карниз, и прикрепляет ледоруб к руке специальным шнуром, над которым так издевались все остальные. Слышен звонкий возглас "иду!". Я страхую его, держа веревку все время натянутой.

Шац хватается за веревку. Слышатся проклятия, и над карнизом появляется засаленная кепка, а за ней почерневшее, искаженное гримасой лицо. Нет, в эту минуту он явно не блещет красотой! Упор на кошку, взмах ледоруба. Шац перебирает веревку, подтягивается, и вот он уже рядом со мной. Препятствие взято!

Внезапно становится холодно, небо покрывается облаками. Надеваем штормовки. Но что делают наши друзья? Начинаем кричать...

– Мы здесь! – отвечают они таким тоном, как будто их оторвали от важного дела...

Оба с комфортом устроились на нижнем склоне. Их разведка оказалась неудачной. Как справа, так и слева стену обойти нельзя. Наш путь является единственным... Убедившись в этом, Ляшеналь и Ребьюффа с философским спокойствием ожидали дальнейших событий. Через четверть часа они поднимаются к нам.

Продолжаем трудный подъем зигзагами среди ледяного хаоса. Время летит быстро. Каждый шаг, каждый метр стоит невероятных усилий, доводящих нас до изнеможения. На этот раз я серьезно обеспокоен: если нам долго придется здесь барахтаться, мы никогда не доберемся до конца. Мои товарищи настроены не менее пессимистично.

Если бы только прекратились эти каждодневные мощные снегопады! За день снег осел бы, ночью его схватило морозом, и можно было бы продвигаться сравнительно быстро. Однако регулярно каждый день после обеда начинается пурга, и в результате – ежедневная порция свежего снега, тридцать—сорок сантиметров толщиной. Таким образом, каждый день приходится заново проделывать совершенную работу. Мы надеемся, что по крайней мере под нашими следами снег будет немного более плотным и это облегчит последующие челноки. Неужели и эта слабая надежда не

оправдается?

Через завесу снежных хлопьев различаю серую тень Шаца, идущего сейчас первым и воющего с сыпучим снегом. Ветер свирепствует по-прежнему, видимость не более пятнадцати метров. Склон все такой же крутой. Палатку ставить негде. К тому же лучше было бы установить лагерь III повыше: альтиметр показывает 6600 метров. Однако позднее мы убедились, что высота здесь всего 6400 метров. Нам кажется, что мы забрались невероятно высоко!

Снег идет непрерывно, и вытаптывание ступеней – изнурительная работа. Но все же мы движемся; с огромной радостью я отмечаю, что мы набираем высоту.

Хватит! У подножия серака, похожего на полумесяц, складываем палатку, снаряжение, продукты. Чтобы отметить место склада для тех, кто придет сюда позднее, выкапываем в стене углубление, в котором заклиниваем красную фляжку.

– Она будет видна издали, – говорю я Шацу. Он соглашается со мной.

Еще раз убеждаюсь, что спускаться намного легче, чем подниматься. Первыми теперь идут Ляшеналь и Ребюффа. Они уже скрылись в тумане. Снегопад усиливается. Я иду впереди Шаца. Решаю спуститься с ледяной стенки, просто... прыгнув вниз.

Увы! Я забыл о соединяющей нас веревке. Резкий рывок сдергивает Шаца, и он с криком летит мимо меня вниз по склону. К счастью, глубокий снег, который мы так проклинали, смягчает удар и тормозит падение. Шац с трудом встает на ноги и подходит ко мне. Он сильно потрясен и шатается, как пьяный, хотя совершенно невредим. Теперь ему предстоит идти первым, я страхую его на короткой веревке. Буря свирепствует, и мы с трудом находим свои следы. Ребюффа и Ляшеналь ждут нас перед кулуаром. Их беспокоит состояние Шаца, и дальше мы идем плотной группой, соблюдая максимальную осторожность. Вновь без всяких происшествий пересекаем лавинный конус большого кулуара. В последующие дни многочисленным челночным группам, проходившим этот опасный участок, удалось так же счастливо избежать лавин.

Температура несколько повышается, но мы по-прежнему глубоко проваливаемся в снег. Обнаружить лагерь II, скрытый в облаках, невозможно. Двигаемся наугад, время от времени находя едва видимые следы подъема. Дует ветер, снег залепляет очки, бьет по лицу; все затягивают туже капюшоны штормовок. Идем, согнувшись вдвое, под порывами ветра; короткое глиссирование, какие-то следы, большая

трещина... Лагерь должен быть где-то здесь! Забираем вправо и в нескольких шагах замечаем занесенную снегом палатку – виден лишь кусок торцевой стенки. Что делать? Провести здесь ночь невозможно, места для всех не хватит. К тому же, спустившись, мы сможем сделать еще один челнок... Решение принято!

Слегка закусив, продолжаем спуск. Уже поздно. По мере приближения к плато видимость уменьшается. Вокруг сплошной туман. Однако мы идем гуськом и поэтому примерно сохраняем прежнее направление. Около лагеря I нам придется пройти через зону трещин. Там всего один проход, отмеченный турами. Невозможно обнаружить первый тур!

Ребьюффа считает, что нужно взять влево. Ляшеналь уверяет, что надо идти правее. Мне же кажется, что мы идем правильно. Во всяком случае, разделяться нельзя.

В конце концов склоняемся к предложению Ребьюффа, хотя он и не убедил нас окончательно. В самом деле, взяв влево, мы наткнемся на мощные гряды сераков, которые в принципе должны привести нас к лагерю I.

Туман сгущается все больше и больше. Мы идем между двумя трещинами, и внезапно они сходятся. Дальше нельзя сделать ни шагу. Нужно возвращаться и многочисленными зигзагами обходить всю зону трещин. Усталость сразу дает себя знать. Это последнее незначительное препятствие лишает нас последних сил. Зная, что мы должны быть недалеко от лагеря, начинаем кричать:

– Э-гей! Э-гей!

Через несколько секунд справа до нас доносится слабый ответ:

– Сюда! Сюда!

– Я же говорил! – кричит Ляшеналь. – Надо было держать вправо!

Вскоре вырисовывается какая-то тень. Это Террай. По его словам, в лагере очень мало снаряжения и для всех места не хватит. Что касается продуктов, то их надо тщательно беречь для верхних лагерей. Вывод напрашивается сам собой: Ляшеналь, Ребьюффа и я, используя последние светлые часы, спустимся в базовый лагерь. Шац же, еще не вполне оправившийся после падения, попытается восстановить свои силы здесь. Перед нашим уходом Террай при явном неодобрении Ляшеналья повествует о своей ночевке... В свою очередь мы рассказываем ему о том, что нами сделано, и описываем место, где оставлен склад.

– Я выйду завтра рано утром вместе с Панзи и Айлой, – говорит он. – В это время Аджиба совершит рейс между базовым лагерем и лагерем I.

Аджиба, исключительно выносливый шерп, стал специалистом в этом

деле. Дважды в день он совершает такие челноки и уже поднял сотни килограммов в лагерь I. Он выполняет неблагодарную и незаметную, но очень нужную работу. Именно такое отношение каждого из нас к своему долгу обеспечит успех экспедиции.

Оставив Шаца, Террая, Панзи и Айлу, мы в сопровождении Аджибы устремляемся вниз по склону. Тормозя по мере возможности, глиссируем по осыпям, повороты проходятся галопом: за несколько минут мы теряем сотни метров высоты и, добравшись до фирна, находим на месте базового лагеря не одну, а несколько палаток.

Только что прибыли Ишак и Удо с шерпами и многочисленными носильщиками. Для всех есть пуховая одежда и большое количество продуктов. Принесена даже большая зеленая палатка, которая должна особенно понравиться носильщикам, так как снегопад не прекращается.

Впереди победа! Тыл и авангард соединились.

"Серп"

Сейчас вечер 24 мая – напомним, что утром 23-го Саркэ отправился отсюда с посланием в Тукучу.

Ишак рассказывает, что, поднимаясь, он встретил нашего связного, мчавшегося по кулуарам Миристи-Кхола.

Я буквально плаваю в атмосфере уюта и полон оптимизма. Узнав, что мы в рекордное время проложили путь до высоты примерно 6600 метров^[89], Ишак и Удо приходят в восторг. В этот вечер в базовом лагере радостное, приподнятое настроение.

Ужин роскошный: курица в желе, бутылка рома (впоследствии Террай устроил нам скандал: неужели нельзя было подождать с таким пиршеством до его прихода?). Однако сказывается чрезмерная усталость, и, пока все укладываются, я блаженствую в своем спальном мешке; глаза слипаются. Ишак, мужественно борясь со сном, читает мне выдержки из своего дневника, повествующие об экскурсии в город «странных» монастырей – Муктинат.

На следующее утро встаем поздно, после тяжелой работы у всех ломит поясницу. Солнце пригревает, и мы бесцельно бродим по лагерю. Я решаюсь умыться и даже побриться. Как приятно чувствовать себя чистым и прогуливаться в уютных кедах! В голове рождаются планы решающего штурма. Об этом же думают и все остальные. Достаточно взглянуть на товарищей с биноклями в руках обсуждающих маршрут восхождения. Что касается меня – я уже принял решение, хотя один вопрос все еще остается невыясненным: снабжение продуктами. Впрочем, я уже в ере н в Нуаеле, заблаговременно подготовившем мобилизацию в Тукуче, и после тщательных подсчетов успокаиваюсь. В от ношении продовольствия нечего беспокоиться: все силы могут быть двинуты вперед. Поэтому я решаюсь сего Дня же после обеда вместе с Ляшеналем и Ребюффа выйти в лагерь I с большим грузом, твердо намереваясь не возвращаться без победы. В последний раз пишу Люсьену Деви:

"Базовый лагерь, 25 мая 1950 г.

Дорогой Деви!

Последнее письмо перед штурмом. Все складывается хорошо. Базовый лагерь находится в 3—4 днях пути от Тукучи, и это, конечно, довольно неудобно. Переход от разведки к штурму при таком отрыве может встретить большие трудности. Вчера я поднялся до 6600 метров. Путь

сплошь ледовой. Объективная опасность сравнительно мала. Расположение лагерей следующее: базовый лагерь – на правом берегу северного ледника Аннапурны на 4400 метров, лагерь I – также на правом берегу, на краю обширного плато, похожего на верхнее плато Даржантьер, высота 5100 метров, лагерь II – на леднике, спускающемся прямо с вершины Аннапурны, на маленьком плато, примерно на 5900 метрах. В дальнейшем я думаю установить лагерь III на высоте около 6800 метров на так называемом леднике «Серп» (кроки и схематическая карта Марселя помогут Вам быстро разобраться). Возможно, придется установить лагерь V. Все зависит от рельефа.

Утром погода обычно хорошая, вечером плохая. Снега выпадает много, и это сильно мешает, так как проваливаемся ужасно. Все в прекрасной форме. Через несколько минут выхожу в лагерь I. В ближайшие дни попытаемся нанести решающий удар. Все полны надежды. Условия на высоте очень тяжелы, но, если мы выиграем битву, все плохое от радости забудется. Писать подробнее некогда, так как дел по горло. Мата детально объяснит Вам ситуацию. Я полон оптимизма.

С дружеским приветом *Морис*".

Пока я пишу это послание, шерпы и носильщики под руководством Кузи кончают снимать лагерь. После обеда погода портится. В 15 часов 30 минут уже идет снег. Вспоминаю о Террае, который сегодня рано утром вышел из лагеря I с двумя высотными комплектами и 10 килограммами продуктов. Он собирался дойти до лагеря III и там заночевать. Выходим около пяти часов. Сильный снегопад. Тем не менее поднимаемся довольно быстро и к ночи добираемся до лагеря I. Не мешкая устанавливаем «долинную» палатку, в которой располагаемся втроем. Ребюффа снова жалуется на солнечные ожоги и на распухшие губы. Подъем в 6 часов 30 минут.

– Шерпы, шерпы!

Однако шерпы не спешат, и подготовка к выходу затягивается. В бинокль можно разглядеть на склоне вершины три черные точки, немного выше и левее достигнутого на ми места. "Вероятно, лагерь III", – решаем мы. На плато адская жара. Ребюффа идет в связке с Даватондупом, пере данным нам Марселем Ишаком со специальным предостережением^[90]. Ляшеналь и Ангава связаны со мной.

Ляшеналь ужасно страдает от жары. Он движется как автомат, обливаясь потом. Когда к нему обращаешься, он молча поднимает полные муки глаза. Пользуясь малейшим предлогом, он валится на землю. У Ребюффа боль в желудке усиливается настолько, что нам приходится по

очередь нести его рюкзак. Идем с трудом. Ляшеналь двигается рывками. Последние сто метров перед лагерем для него особенно мучительны. Губы у него сильно обожжены, и он наклеил на них кусочек липкого пластыря, кое-как защищающего их от солнца. Это единственное светлое пятно на его почерневшем лице производит странное впечатление.

В лагере II встречаем только что спустившихся Террая, Панзи и Айлу. Террай очень возбужден.

– Нельзя терять времени, – говорит он. – Вчера я поднялся до 6700 метров. Найти оставленное вами снаряжение не удалось, вероятно, его завалило. Ни одного подходящего места для палатки вблизи не было. Мы с Панзи и Айлу вырубил ледорубом площадку прямо в крутом склоне. В крошечной палатке среди грохота лавин мы втроем провели ночь.

Иллюстрируя свой рассказ, он имитирует звук лавины, проносимой в нескольких метрах и даже в нескольких сантиметрах. Затем, смеясь, продолжает:

– Шерпы перетрусил, и я не меньше. После этой ночи мы были способны только спускаться, и вот мы здесь. Теперь я хочу дойти до лагеря I, чтобы как следует отдохнуть.

– Пожалуй, – соглашаюсь я, – это разумно, Кузи и Шац с Ишаком и Удо поднимутся в лагерь I, и там ты сможешь отдохнуть. Кроме того, это даст тебе возможность совершить дополнительный рейс с грузом... Ох, этот проклятый груз!

– Мы оставили свою заброску на 6700 метрах, по-видимому, левее вашего склада. Это место находится прямо на самом склоне, метров на пятьдесят правее гряды сераков.

Застегнув рюкзак, он с возгласом "лови!" бросает каждому из шерпов кусок веревки и со звонким "до свидания!" исчезает.

Мы остаемся одни в лагере II. Мои товарищи настроены невесело, так как их физическое состояние далеко от идеала. К тому же замечание Террая насчет глубокого снега на высоте отнюдь не придает им бодрости. Они уже знают, чем это пахнет. Если я хочу рассчитывать на них впоследствии, нельзя давать им завтра слишком большую нагрузку. В моем распоряжении два шерпа, а также снаряжение и продукты. Почему бы мне не сделать еще челнок и не попытаться установить лагерь III, а может быть, даже лагерь IV, пока оба мои товарища не отдохнут? Если я пробуду наверху больше суток, к тому времени подойдут Кузи и Шац, тогда Ляшеналь и Ребюффа смогут вместе с ними сопровождать груз в верхние лагеря. Поскольку сегодня уже 26 мая, четверем сагибам необходимо подняться из лагеря II в лагерь III и, уже больше не спускаясь, медленно, но непрерывно

продолжать подъем из лагеря в лагерь вплоть до конца. К тому времени Террай снова обретет форму. Что касается меня, я смогу сделать еще один челнок, и, таким образом, лагеря будут установлены в кратчайший срок.

Вечером, в виде исключения, погода хорошая. Пока мои товарищи спят, я просматриваю снаряжение и готовлю все для завтрашнего выхода.

На рассвете бужу Даватондупа и Ангаву. Снег ночью подмерз, и, чтобы использовать это, надо выйти пораньше. Когда мы покидаем лагерь, он еще в тени. Иду по следам спуска Лионеля Террая, направляясь к лавинному конусу кулуара. Сегодня со мной кинокамера, и я надеюсь кое-что заснять. В кулуаре выпускаю Даватондупа вперед, чтобы посмотреть, как он справляется с рубкой ступеней. Однако, когда мы доходим до карниза с навешенным репшнуром, ситуация меняется – первым должен идти сагиб. Это напоминает мне вчерашний рассказ Террая. К этому самому месту он поднялся в связке с Панзи и Айлой. Панзи шел первым. Подойдя к стене, терроризированный Панзи решительно воткнул в снег свой ледоруб. Террай – "Сильный человек", как зовут его шерпы, – промолвил:

– Давай, Панзи, лезь!

С очаровательной улыбкой Панзи ответил:

– No, thank you, for Sahib only!^[91]

– Настаивать бесполезно, – решил Террай.

У Даватондупа та же реакция, что и у Панзи, но сегодня я хочу сделать несколько снимков и требую, чтобы Ангава лез первым. Дрожь от страха, он выходит вперед, но все же лезет, ибо так решил Бара-сагиб. Я тщательно страхую его. Пока он пытается пролезть карниз, я лежу в неудобной позе, вытянувшись в ледяной расщелине. Навес мешает мне поднять голову, но все же я пробую сделать несколько снимков. Кажется, усилия Ангавы достигли предела; хоть страховка надежная, у меня не хватает жестокости требовать от него большего, и я лезу сам. Навешенный репшнур значительно облегчил прохождение этого участка, и через несколько секунд я оказываюсь на маленькой площадке, расположенной на восемь метров выше. Укрепляю веревку и поднимаю Даватондупа, который проходит карниз с некоторым трудом. Заниматься лазанием на льду? Такая мысль никогда не приходила им в голову. Мне кажется, что престиж сагибов в эту минуту поднимается как на дрожжах! Отдуваясь, как тюлень, Даватондуп подходит с перекошенным от усталости лицом. Я показываю ему, как надо страховать Ангаву, пока я засниму подъем. Все проходит благополучно.

Приводим в порядок свои вещи, и движение возобновляется. Однако,

пока мы возились на карнизе, прошло немало времени. Сейчас солнце прямо над головой и жарит так энергично, что мы барахтаемся в снежной каше. Работа изнурительная, следы Террая едва видны. К тому же они начинают уходить влево, а я хочу забрать снаряжение, оставленное во время первого подъема. Поэтому мы продолжаем идти прямо вверх. Вскоре узнаю характерный серак в форме полумесяца. Начинаю прощупывать ледорубом и наконец натываюсь на что-то твердое. Склад здесь. Расчистив снег, мы действительно обнаруживаем палатку, снаряжение и продукты, принесенные Ляшеналем, Ребюффа и мной три дня тому назад. Вваливаем на себя и забираем влево, стараясь выйти на следы Террая. Они всего в полуста метрах, однако, чтобы добраться до них, мы затрачиваем около часа, так как проваливаемся по пояс и приходится рыть настоящую траншею. Наконец выходим на следы у самого подножия блестящей ледяной стены; чтобы облегчить шерпам подъем, я вынужден вновь вырубить несколько ступенек, вбить наверху ледовый крюк и навесить длинный репшнур. Затем встаю на страховку. Мои шерпы совершают по очереди великолепные маятники, крича от страха, приземляются на пятую точку и в конце концов хохочут во все горло.

Вся зона ледовых стен, чередующихся со снежными участками, пройдена. Подняв голову, вижу над собой однородный снежный склон, на котором заметны следы моего предшественника. Слева – очень крутой центральный кулуар; впечатление такое, как будто он готов проглотить все что может упасть с верхних склонов. Воздух прозрачен, яркий свет смягчается теплой голубизной. На другой стороне кулуара ребра чистого льда, подобно гигантским призмам, разлагают свет и бросают в воздух разноцветные лучи.

Погода по-прежнему прекрасная, на небе ни облачка, воздух сухой. Я чувствую себя в великолепной форме, в состоянии идеального равновесия. Не в этом ли счастье?

Однако надо продолжать. Словно муравьи, преодолевающие гигантское препятствие, мы лезем и лезем, а результатов как будто не видно. Каждый шаг дается с трудом. Склон чрезвычайно крут, и, кроме того, начинает налипать снег, что заставляет меня очень внимательно следить за движениями шерпов. Через каждые два метра останавливаюсь, чтобы восстановить дыхание; чувствую, что идущие за мной шерпы также измучены. Время от времени кидаю взгляд наверх, оценивая остающийся путь. Внезапно замечаю вдалеке золотистое пятнышко, без сомнения – это палатка Террая. Кажется, проходит целое столетие, прежде чем мы после отчаянных усилий добираемся наконец до склада Лионеля. Снаряжение и

продукты завалены снегом, но они предусмотрительно спрятаны в чехол. Хорошо, что мы сюда добрались. Однако место расположения склада меня озадачивает. Нельзя же устанавливать лагерь прямо на склоне. Справа – обрыв. Слева – нагромождение сераков, за которыми спадает вниз центральный кулуар. В пятидесяти метрах над нами начинается чрезвычайно изрезанный участок. Рассматривая возвышающиеся слева сераки, я замечаю, что разделяющие их трещины заполнены свежим снегом. А почему бы и нет?.. В голову приходит мысль: что мешает расположить лагерь прямо над трещиной? Учитывая рельеф и высоту, надо думать, что трещины полностью забиты. С другой стороны, окружающие сераки являются надежной защитой от лавин. И вот "почему бы нет?" превращается в "надо посмотреть!".

В сопровождении обоих шерпов траверсирую склон по горизонтали, добираюсь до края террасы и на хорошей страховке рискую. Первые мои шаги осторожны. Втыкаю ледоруб до самой головки и убеждаюсь, что весь снег однороден. Теперь я двигаюсь уже с большей уверенностью, утаптываю маленькую площадку, хожу по ней взад и вперед, потом начинаю танцевать и наконец прыгаю что есть мочи. Снег держит. Если срубить кое-где лед и хорошо выровнять поверхность трещины, место будет идеальным; здесь свободно уместятся входом друг к другу две палатки. Не теряя времени шерпы ставят палатки и готовят чай. На сегодня задача выполнена: цель достигнута, лагерь III окончательно установлен. Снизу его не видно, и мои товарищи будут ломать себе голову, пытаясь догадаться, что с нами произошло.

Пока шерпы хлопчут, устраивая бивак, я провожу небольшую разведку к центральному кулуару, расположенному сразу за нашей трещиной; именно здесь пройдет наш завтрашний путь, ибо я твердо решил установить на следующий день лагерь IV . Используя свободное время, разглядываю окружающие вершины, пресловутый гребень "Цветной капусты" со столь необычными очертаниями, люблюсь далеким Дхаулагири. Мои взоры и мысли бродят по пустынным просторам Тибета, расстилающимся в нескольких десятках километров отсюда.

Поднимается резкий, холодный ветер, однако подозрительных облаков не видно. Завтра наверняка будет хорошая погода! Полный оптимизма, залезаю в свою палатку, чудесную палатку для меня одного, с двумя надувными матрасами, с двумя спальными мешками! Шерпы ухаживают за мной. Они угощают меня чаем, я же раздаю аспирин, снотворные порошки и всю коллекцию снадобий, прописанных Удо. Еще несколько добрых сигарет, и я мирно погружаюсь в сон.

Сегодня снова вверх! Я снимаю палатку, набираю с собой как можно больше продуктов, распределяю груз, и, наскоро позавтракав, мы трогаемся в путь. Я иду первым в связке. Начинаю траверсировать влево, по направлению к центральному кулуару. Мы проходим вдоль серака, защищающего наш лагерь, а затем преодолеваем ледяной карниз, производящий на шерпов неважное впечатление. Дальше подъем невозможен, приходится пересекать кулуар. Прав да, в верхней части он довольно узок, как бы сдавлен с двух сторон рядами сераков. Ширина этого участка не более 60 метров. Если переходить быстро и по одному при вh и мательном наблюдении остальных, то риск попасть под лавину, по-моему, не так уж велик. Оставив Даватондупа на левом краю, начинаю траверс. Исключительно крутой склон убегает из-под ног. Ботинки плохо держат на снегу, утрамбованном многочисленными лавинами, и приходится выбивать лопаткой ледоруба небольшие ступени для зубьев кошек. Вбиваю над головой клюв ледоруба и опираюсь на него вцепившись обеими руками. Тороплюсь изо всех сил. Время от времени хотя бы для бодрости полезно взглянуть наверх. Вниз же, напротив, смотреть не рекомендуется, так как в ид этих ужасающих пропастей может поколебать твердость духа любого оптимиста. Быстро закончив траверс, я разрешаю себе несколько минут отдыха, прежде чем начнут переходить шерпы.

– Даватондуп!

– Yes, sir, – отвечает он с необычным видом.

Хитрая лиса, он чувствует опасность! Не теряя ни секунды, несмотря на тяжелый груз, он пулей пересекает кулуар и укрывается в безопасном месте! Ангава следует за ним, но так как он моложе и менее опытен, то затрачивает на переход гораздо больше времени. Ух! Наконец-то оба, целые и невредимые, на этой стороне. Грозный кулуар пройден. Отсюда хорошо видно, какой опасности мы подвергались. Кулуар поднимается вверх на 300—400 метров и затем теряется в крутом снежном склоне, источнике частых лавин. Еще выше расположена скальная стена и, наконец, ледник "Серп", с которого то и дело обрываются десятки тонн ледяных глыб.

Положение критическое, передо мной чрезвычайно крутой и изрезанный склон. Как мы предполагали в лагере I, путь отсюда должен был бы идти наискось влево – вверх и затем опять вправо, к началу кулуара, где подгорная трещина, отделяющая кулуар от склона, забита снегом и, по всей вероятности, легко преодолима. Однако впереди лишь хаотическое нагромождение громадных сераков. Можно обойти их слева, если немного спуститься, можно также подниматься по орографически правому краю кулуара прямо в лоб, до верхних склонов. Я склоняюсь ко

второму варианту, так как в эти утренние часы лавинная опасность невелика. К тому же, быстро пройдя по самому краю кулуара, мы выигрываем важные для нас 100 метров. Теперь влево, и вот мы снова барахтаемся в глубоком снегу – увы, столь знакомая нам картина! По крайней мере, здесь мы в безопасности.

Несколько минут отдыха – и снова в путь! Теперь нужно траверсировать влево, стараясь набирать высоту, однако склон чрезвычайно крут, а я не очень доверяю умению шерпов сохранять равновесие. Они не привыкли к столь сложному рельефу. Если один из них поскользнется, мы все трое будем сорваны. Поэтому я внимательно наблюдаю за ними. Первые траверсы проходят успешно. Стараюсь на каждом шагу тщательно уминать снег, делать надежные и удобные ступени. Участок чистого льда, требующий удвоенного внимания. Два-три удара ледорубом, от которых разлетаются осколки льда. Для передних зубьев кошек этого достаточно и я продолжаю путь. Однако у Даватондупа на этот счет особое мнение, и, следуя за мной, он с убийственной медлительностью принимается рубить ступени. Наконец добирается до меня. Беру его веревку и начинаю страховать Ангаву. Тот идет крайне неуверенно. Поднимает левую ногу, носок ботинка царапает лед, коленка ударяется о склон, и следующее мгновение он, потеряв равновесие, кубарем летит вниз! К счастью, я следил за каждым его движением, петля скользит вокруг древка, веревка натягивается, падение остановлено. На этот раз Ангава отделался испугом. С этой минуты он поверил в надежность страховки! Продолжаем движение по предательскому снегу, лежащему на твердом льду. Вокруг нас сказочные декорации: на небе ни облачка, даже наши тени и те наполнены прозрачной голубизной. Слева гребень "Серп", до которого, кажется, рукой подать, сверкает на солнце тысячами огней: настоящая алмазная вершина.

Оба шерпа устали, и Даватондуп, вероятно, уже не раз поставленному им рекорду: столь значительный набор вы соты за столь короткое время^[92].

Преодолевая с трудом очень сложный серак, я в свою очередь переживаю жуткую минуту: вырубив три хороших ступени и зацепку для левой руки, внезапно слышу глухой звук – лед трещит так, как будто рушится весь серак. Затаив дыхание, замираю, но ничего не происходит: очевидно, где-то в глубине осел лед. Можно продолжать. После полу часовой рубки выхожу на верхние склоны и ясно вижу большую подгорную трещину, огибающую по горизонтали все плато: могу любоваться гигантской стеной "Серпа".

– Твоя очередь, Даватондуп!

Я указываю ему дальнейший путь, он значительно проще: крутоватый

снежный склон, потом метров сто льда средней крутизны, в котором все же придется рубить ступени, затем снова снежный склон и, наконец, подгорная трещина.

На этот раз я отдыхаю, пусть ведет Даватондуп, а я побуду замыкающим. Однако шерпы медлительны и еще не вполне освоили ледорубную технику: Даватондуп рубит слишком частые и к тому же излишне большие ступени. И все же мы поднимаемся. Вскоре перед нами зияющая глубокая трещина. Она столь длинна, что глубина как-то не ощущается. На протяжении примерно километра нет ни единого перехода, за исключением моста, образованного лавинным конусом. Место явно ненадежное, и переход здесь "вынужденный".

Я вновь становлюсь ведущим, преодолеваю ребро, подводящее к конусу, и начинаю подниматься в лоб. Даватондуп снизу страхует меня – предосторожность отнюдь не лишняя, ибо, едва сделав пару шагов, я в следующую секунду на столько же соскальзываю вниз. Снег очень рыхлый, и меня очень беспокоит, не провалится ли подо мной снежный мост? Добравшись до вершины конуса, изо всех сил вытягиваю вверх руку с ледорубом. Слышится звон: это лед! Ударяю что есть мочи, клюв застревает: я спасен! С большим трудом подтягиваюсь; снег не держит и течет под ногами; как-то ухитряюсь зацепиться зубьями кошек на склоне, быстро вырубаю несколько ступенек и добираюсь до верхнего плато. Очередь за шерпами: я держу их надежно. Тут уж не до принципов: ничто не мешает им подтягиваться на веревке. Они так охотно пользуются этой возможностью, что чуть не отрывают мне руки. Наша маленькая группа оказалась теперь на верхнем плато. Меня захлестывает волна энтузиазма: мне кажется, что все технические трудности позади. Что ждет нас наверху? Хороший снежный или ледовый склон... Но уж наверняка ни стен, ни кулуаров больше не встретится.

– Вперед! Поднажмем!

Взвалив на себя рюкзаки, мы направляемся налево, к "Серпу". Отсюда он хорошо виден. Ледник обрывается к нам отвесной стеной красноватых скал высотой около 200 метров. Вид весьма внушительный. К счастью, ручка «Серпа» более доступна; наш путь лежит именно через нее. Снова барахтаемся по пояс в снегу, через каждый шаг останавливаемся, чтобы отдышаться, и все же двигаемся вперед. После часа изнурительной работы добираемся до подножия стены. Мне кажется, что с утра мы прошли много. Целесообразно ли еще увеличивать расстояние между лагерями III и IV? Едва ли! Ведь надо, чтобы любой из нас мог свободно пройти этот участок за день. Поэтому я решаю разбить лагерь тут же. Подходящего места не

видно. Весь склон прочесывается лавинами. Наконец у подножия не большого серака находим безопасную площадку. Серак великолепно заслоняет нас от ветра, а палатки будут защищены от лавин. С удвоенной энергией мы принимаемся вырубать подходящую площадку. Вскоре лагерь разбит, палатки поставлены, продукты сложены, можно как следует отдохнуть.

У шерпов адская головная боль. Смотрю на альтиметр –7500 метров. "Вранье", – решаю я: известно, что показания обычно бывают завышенными. Учитывая положение окружающих вершин и нижележащих лагерей, я считаю, что мы находимся примерно на высоте 7150 метров^[93].

Даю Даватондупу и Ангаве аспирин и предлагаю поесть. Они отказываются, и я вынужден в одиночку расправиться с банкой тунца, от одного вида которого их тошнит. Окружающая обстановка вызывает во мне чувство радостного возбуждения и непоколебимой веры в победу. Сейчас мы находимся почти на высоте Большого Барьера. Ниже виден гребень "Цветной капусты", так долго издевавшийся над нами, и, наконец, далеко внизу, на самом дне, простирается плато, где расположен лагерь II и где люди не видны даже в виде черных точек.

– Пошли!

Шерпы не заставляют себя упрашивать, они готовы в ту же минуту. Мы тщательно закрываем палатку, надеясь, несмотря на лавины, найти ее в целости и сохранности, и устремляемся вниз. Спуск проходит без всяких инцидентов и с несравненно большей скоростью, чем подъем. Спускаемся по стенам лицом к склону. Шерпы, страхуемые мной, прекрасно проходят все трудные участки. Примерно через полтора часа добираемся до лагеря III.

Здесь люди!

Я счастлив сообщить своим товарищам, что Аннапурна теперь у нас в кармане! Быстрый спуск несколько ободрил меня, и я полон энтузиазма. Что касается моих товарищей, они плашмя лежат в палатках и с трудом встают при нашем появлении. Что здесь происходит?

Кузи и Шац, прибывшие накануне из лагеря I, прихватили по дороге Ляшенала и Ребюффа. Проведя ночь в лагере II, утром все четверо вышли сюда. Как обычно, снег был очень тяжелым. Из-за недостаточной акклиматизации у Кузи сейчас сильно болит голова, у Шаца – мрачное настроение, Ребюффа дальше идти не может, Ляшеналь лишился аппетита. Напрасно я стараюсь встряхнуть их, напрасно втолковываю им, что теперь "дело пойдет", – ничто не помогает. Они явно не вошли в форму, но я надеюсь, что, отдохнув, утром они почувствуют себя лучше. Что касается

меня, задерживаться здесь ни к чему. Места нет, и к тому же надо сделать еще рейс. Думаю, что после заброски группы Террая у нас будет достаточно снаряжения и питания. Впереди победа.

Но время не ждет... С ужасом считаю бегущие дни: сегодня уже 28 мая, а, по последним сведениям, муссон доберется к нам примерно около 5 июня. Таким образом, в нашем распоряжении всего неделя.

На этот раз шерпы идут значительно быстрее, уроки последних дней принесли им большую пользу, техника улучшилась: спускаясь с карниза, они без колебания хватаются за веревку, быстро соскальзывают и, приземлившись, бодро машут рукой, показывая, что путь свободен. Благодаря этому мы тратим гораздо меньше времени, и я с большим удовлетворением вижу, как быстро приближается к нам лагерь II.

Однако последнее время Даватондуп жалуется на странную боль, но где именно – определить трудно. Он проводит рукой от грудной клетки до бедер. Что это – чрезмерное употребление спирта, влияние высоты или просто желание увильнуть от предстоящей работы, которая, как видно, будет особенно тяжелой? Этого хитреца разгадать нелегко! Он стонет непрерывно, и Ангава вынужден поддерживать его. Когда мы подходим к лагерю, начинается снегопад. Террай встречает нас радостным кличем...

Лагерь II

Через минуту Террай подает мне горячий чай. Не давая вымолвить ни слова, он заставляет меня есть, применяя примерно тот же метод, что при откармливании гусей.

В другой палатке шерпы хлопочут над Даватондупом, все больше входящим в роль тяжелобольного.

После столь сытного обеда меня несколько не беспокоит усталость, вполне естественная после такой затраты сил. Наконец Террай разрешает мне говорить. Я объясняю ему расположение лагерей.

– Теперь, – говорю я, – большая часть снаряжения приготовлена для штурма. Остается сделать еще один челнок, чтобы установить лагерь V, откуда начнется решающий штурм, – мы на правильном пути. На этот раз можно надеяться на успех!

Террай, по-видимому, полностью восстановил свои силы в лагере I, откуда он недавно поднялся. Однако лицо его по-прежнему озабоченно.

– Конечно, все будет в порядке, если продержится хорошая погода. Внизу по радио приняты очень тревожные метеосводки. Муссон уже дошел до Калькутты, через несколько дней он будет здесь...

– Во всяком случае, я в великолепной форме. Я настолько хорошо чувствовал себя на высоте 7000 метров, что абсолютно уверен, что все пройдет гладко и на высоте 8000 метров, даже без всякого кислорода.

Террай охлаждает мой энтузиазм:

– Если нам придется затрачивать столько же труда, сколько до сих пор, то это гигантская работа, и в конце концов мы просто не выдержим.

Он интересуется, какое впечатление произвели на меня наши товарищи в лагере III. Я вынужден признать, что они выглядят неважно.

Действительно, мне казалось, что четверо друзей, оставленных мной в лагере III, сильно сдали как в физическом, так и в моральном отношении.

– Зато, старина, о нас с тобой я несколько не беспокоюсь. К тому же путь проложен до самого ледника. С теми четырьмя шерпами, которые у нас есть, мы сможем идти до самого верха.

– Придется здорово поднажать, – возражает Террай с таким видом, как будто он уже "поднажал".

– Послушай, я теперь совершенно уверен: если только не произойдет какой-нибудь непредвиденной катастрофы, мы добьемся успеха. Даже если эти четверо в лагере III останутся в плохой форме (а это маловероятно,

особенно для тех, у кого хорошая акклиматизация), мы все же должны победить. Я предлагаю весь завтрашний день провести здесь: это даст нам необходимый отдых. Мы спокойно сможем подготовиться к выходу и послезавтра с рассвета начнем ускоренный подъем из лагеря в лагерь. Когда они завтра сюда спустятся, отберем двоих наиболее сильных, и эта связка выйдет через день после нас в качестве вспомогательной группы. Что же касается второй связки, то она отдохнет еще один день и сможет следовать за первой, отставая на один переход. Обе резервные связки понесут дополнительное снаряжение и помогут штурмовой двойке на спуске.

– Время не терпит, – упрямо твердит Террай. – Твой план великолепен, старина, но я не хочу терять времени даром. Что я тут буду делать завтра целый день? Я уже отдохнул! Лучше я пойду вверх. Мы на этом выиграем один челнок, и это может иметь решающее значение...

– Я не возражаю, но если ты выйдешь завтра, мы уже не будем вместе, а в данный момент только мы с тобой находимся в хорошей форме: выше 7000 метров человек не может идти в одиночку. Я уверен, что вместе мы дойдем до вершины.

– Давай смотреть с практической точки зрения, Морис: день мы все-таки потеряем. Наплевать, если я не буду в первой штурмовой связке, буду во второй, вот и все! Но если хоть одной двойке суждено добраться до вершины, то, может быть, это случится именно благодаря тому, что я заброшу наверх груз.

Я несколько озадачен. Меня не удивляет благородство друга: я оценил его уже давно, но в эту минуту подобное самоотречение представляется мне бессмысленным. Террай считает, что он выполняет свой долг. Что же касается меня, то не из эгоистических ли побуждений мне хочется иметь его партнером по связке? Эта мысль смущает меня и заставляет колебаться.

– Ну что ж, если так, согласен, – говорю я с сожалением. – На первый взгляд кажется, что ты прав, но я уверен, что такого случая больше уже не представится.

Террай задумывается. Меня осеняет:

– Если ты обязательно хочешь идти завтра, Лионель, почему бы тебе не подняться только до лагеря III с одним высотным комплектом, который затем понесут другие? В тот же день ты смог бы вернуться сюда. Мы останемся здесь еще на День, чтобы ты отдохнул, и после этого сможем выйти. Будем подниматься вдвоем, шерпы пойдут с небольшим грузом и, прокладывая путь, смогут часто чередоваться. Снимем лагерь, установим, если потребуется, лагерь V и дальше будем «Жать» до самой вершины!

Мне нравится это решение, и я заранее уверен в согласии Террая, главная забота которого – обеспечение непрерывности челноков.

– Если тебе так хочется, ладно, – говорит он, к моему глубокому удовлетворению.

Вечер проходит весело. Я отчетливо осознаю необычайный комфорт лагеря II: большие палатки, электрическое освещение, уютные кеды, вдоволь воды.

После того как лавина однажды снесла палатки, Террай полностью переоборудовал лагерь. Теперь он хорошо защищен, укрыт за громадной трещиной, такой широкой, что она неминуемо должна поглотить самые мощные лавины.

В наших спальнях мешках уютно и тепло. Снаружи свирепствует пурга.

– Как... ты куришь?

Знаменательный день! Лионель Террай курит только в исключительных случаях.

Мы без конца возвращаемся к основной теме.

– Как ты думаешь, остальные смогут подняться с ходу? И после небольшой паузы:

– Ах, если бы муссон дал нам время!

При слабом свете фонаря я едва вижу кольца дыма, поднимающиеся от наших сигарет. Лицо Террая тонет в темноте.

Скоро ли Нуаэль придет из Тукучи с основным грузом снаряжения и продуктов?

Однако усталость дает о себе знать. Террай, экономный, как всегда, гасит свет. Через несколько минут мы погружаемся в небытие...

Ночью чувствую какие-то толчки. Слышится продолжительное ворчание; чья-то рука задевает меня по лицу. Зажигается свет.

– В чем дело?

– Ничего, просто мне пора!

– Как, уже?

Террай поспешно натягивает ботинки, выходит из палатки и будит шерпов. В продолжение всей экспедиции он неизменно верен своей тактике ранних выходов. Конечно, он прав, так как снег на рассвете намного лучше. Но какое нужно мужество! Оно есть лишь у него. Закрыв глаза, я с глубоким удовлетворением думаю о том, что, пока остальные трудятся в поте лица, я могу нежиться в тепле, а шерпы будут всячески за мной ухаживать! С первым проблеском зари слышу звонкое:

– До свидания, Морис!

– До завтра, желаю успеха!

Террай аккуратно застегивает палатку. Незаменимый Террай! Я не знаю во Франции никого, кто бы больше приближался к типу идеального товарища для экспедиции.

Проходят часы, солнце освещает и согревает палатку. В лагере абсолютная тишина. Оба моих шерпа тоже отдыхают... Однако уже поздно. Лежа в спальном мешке, начинаю кричать:

– Ангава! Кханна! Кханна! Слышны приглушенные голоса, затем:

– Yes, sir!

Начинается какая-то возня.

Медленно выползаю из спального мешка. Ботинки замерзли, и, чтобы их надеть, приходится долго по ним колотить. Надеваю пуховую куртку, кепи, очки: можно высунуть нос наружу. Погода великолепная, но все дно ущелья закрыто морем облаков. Над головой – ясное небо. Ночью выпало много снега, и я думаю о Террае, пробивающем сейчас себе путь. С помощью бинокля можно различить его следы, и вскоре я обнаруживаю связку как раз под первой стеной. Он воюет со своими шерпами и, вероятно, кричит до хрипоты. Рассматривая окрестности лагеря III, внезапно вижу две черные точки, спускающиеся оттуда.

Ведь все четверо должны подниматься в лагерь IV; очевидно, плохое физическое состояние моих товарищей сильно подорвало их моральный дух.

В ущелье Миристи-Кхола появляются тяжелые облака, их необычный сероватый цвет внушает тревогу. Меня одолевают мрачные предчувствия. Не предвещает ли это начало муссона?

Даватондуп чувствует себя все хуже и хуже. С первой же группой я отошлю его в лагерь I. Сейчас он стонет, лежа в своем спальном мешке, и держится двумя руками за живот.

Снова идет снег. Залегаю в палатку и, лежа на надувном матрасе, начинаю дремать. Вскоре раздаются крики. Это наверняка Ляшеналь, я кричу в ответ. Сейчас, после многочисленных рейсов, следы на плато так перепутались, что звуковой сигнал будет очень кстати. Через несколько минут появляются Ляшеналь и Кузи.

– Нет смысла продолжать, – говорит Ляшеналь, – меня всего вывернуло наизнанку!

– А у меня адски болела голова, – прибавляет Кузи, – даже приняв аспирин и снотворное, я не сомкнул глаз.

– Если бы ты его слышал! – подтверждает Ляшеналь. – Он жаловался всю ночь, ему казалось, что череп раскалывается на части.

– Влияние высоты, – говорю я. – Вы правильно сделали, что спустились. А как другие? Пойдут ли они вверх с Лионелем?

– Знаешь, – объясняет Ляшеналь, – мы все неважно чувствовали себя наверху, особенно после того, как всю ночь шел снег. Я не могу тебе точно сказать. Думаю, что они дожидаются Лионеля, чтобы решить вместе с ним.

Входим в палатку. Ляшеналь явно наслаждается комфортом. У Кузи на спуске головная боль исчезла – знакомое явление: как только теряешь несколько сот метров высоты, все признаки горной болезни бесследно пропадают. Пока товарищи переодеваются и высушиваются, я иду к Ангаве выяснить насчет завтрака. Тут уж скупиться не приходится. Все резервы должны быть пущены в ход, чтобы поставить на ноги наших товарищей! При такой тяжелой работе они почти ничего не ели с позавчерашнего дня.

К моему большому удовольствию, сытный завтрак имеет у товарищей огромный успех. Вскоре мы растягиваемся на матрасах, и беседа идет уже в более оптимистичных тонах.

Внезапно палатка открывается, показывается взволнованное лицо Ангавы.

– Бара-сагиб, идут другие сагибы! Затем, после паузы:

– Бара-сагиб, слушай!

Действительно, до нас доносятся какие-то крики.

Так как снег валит непрерывно, я быстро надеваю гетры, штормовку и выхожу. В десяти метрах ничего не видно. Время от времени отчетливо слышу какие-то крики. Это, несомненно, сагиб, так как шерпы понимают друг друга на очень большом расстоянии. Голос доносится не со стороны лагеря III, а откуда-то гораздо ближе к гребню "Цветной капусты". Две возможности: или кто-то из лагеря III уклонился при спуске влево и попал в зону трещин, или это кто-нибудь из лагеря I, поднявшийся слишком высоко. Во всяком случае, очевидно, что опасность ему не угрожает, так как в горах можно всегда отличить сигнал бедствия. В свою очередь начинаю кричать. Несмотря на расстояние, неизвестный меня услышал, он как будто понял и уходит влево. Крики приближаются, я могу уже давать объяснения:

– Влево, все время влево, вдоль большой трещины... Я повторяю это, пока не доносится ответ:

– Понятно!

Через четверть часа к нам приближается белое, шатающееся привидение, в котором я с трудом узнаю Шаца.

– Где Ребюффа?

– Я спустился один!

– Как! Ты что, спятил? В плохую погоду и в такой обстановке! Это уж черт знает что!

Я чувствую, что мое лицо краснеет от гнева.

– Но послушай, старина, – оправдывается Шац, – я не мог поступить иначе, я чуть не сдох в лагере III и не только бы не смог помочь завтра Лионелю, но просто был бы там лишним ртом. Поэтому я и решился спуститься!

Я разозлен не на шутку. Кажется, впервые с момента отъезда экспедиции я выхожу из себя:

– Черт возьми! Находясь в весьма неважной форме, ты лезешь на рожон, причем абсолютно без всякой пользы! Представь себе, что Ангава не услышал бы твоих криков... Ты бы там и остался!

Ну ладно, что было, то прошло. Сейчас нужно, чтобы наш товарищ пришел в себя после пережитых треволнений. Горячий чай и сытная пища вызывают краску на его лице. В свою очередь он проникается царящим в лагере оптимизмом и видит будущее уже в более розовых тонах.

– Лионель добрался до лагеря III? – спрашиваю я.

– Он сильно задержался из-за глубокого снега. Спускаясь в тумане, мы с Гастоном наткнулись на него. Он был в таком приподнятом настроении, что мы вернулись с ним обратно.

– Как это получилось, что Гастон не пошел с тобой?

– Сейчас я тебе объясню. Мы устроили небольшой военный совет. Лионель сказал, что лагерь IV должны установить те, кто ночевал в лагере III, то есть Кузи, Ляшеналь, Гастон и я. Хотя двое спустились, задание все равно необходимо выполнить.

– Значит, вы решили подниматься вместе с ним?

– Совершенно верно.

Как всегда, для Террая – дело прежде всего. Он считал, что именно так он выполнит свой долг!.. Но Шац продолжает:

– Я страшно устал и сказал Лионелю, что будет глупо, если я завтра загнусь на склоне. Лучше всего мне спуститься для отдыха. Позже мы с Кузи снова составим связку.

– Значит, завтра Лионель и Гастон идут вверх?

– Да, если будет приличная погода.

Смогут ли они продолжать, кто знает? Может быть, именно им улыбнется счастье?

Снаружи доносится какой-то шум, шерпы оживленно переговариваются. Еще что-то новое? Высовываю голову из палатки и вижу Аджибу, поднявшегося из лагеря I, в сопровождении нескольких

шерпов. Сзади него стоит молодой носильщик по имени Панди. Несмотря на технические трудности, он прекрасно дошел до лагеря II. Теперь он уже почти шерп. Чтобы отметить это повышение в звании, мы дарим ему великолепный нейлоновый жилет, который он тут же с гордостью надевает. Аджиба протягивает мне два листочка, читаю вслух:

"Лагерь I, 29 мая 1950 г.

Марсель Ишак Морису Эрцогу

Анг-Таркэ прибыл в 12 часов 10 минут. В базовом лагере находится груз для 22 носильщиков.

Для челноков между базовым лагерем и лагерем I можно использовать молодого парня, которого привел сюда Анг-Таркэ. Сам Анг-Таркэ спускается сейчас в базовый лагерь, чтобы встретить Нуаеля и его 15 носильщиков. Он постарается отобрать некоторых из них для челноков.

Отошлите Аджибу как можно скорее со списком необходимых вещей (высотные палатки?).

Нужно ли, чтобы мы сопровождали шерпов между лагерями II и III и когда именно?

Марсель Ишак".

Какая хорошая новость!

Итак, Нуаель подходит! Теперь мы получим все запасы продовольствия и уверены, что недостатка ни в чем не будет. В лагере царит радостное оживление.

Вторая записка – от Нуаеля. В ней он пишет, что получил мой приказ, и сообщает о своем скором прибытии. Это послание отправлено из Тукучи 25-го числа, на другой день после прибытия Саркэ. Вот молодец! За 36 часов он прошел путь, обычно требующий 4—5 дней, он хорошо поработал для экспедиции, и ее начальник сумеет отблагодарить его при удобном случае.

Чтобы отпраздновать эти счастливые события, мы открываем бутылку рома... Но нельзя терять время. Аджиба должен немедленно спускаться, чтобы продолжать свои челночные рейсы. Поэтому я тут же пишу сагибам нижних лагерей следующую записку:

"Лагерь II, 29 мая 1950 г.

Эрцог Нуаелю, Марселю и всем сагибам

Благодарю Нуаеля за быструю переброску тыла. Это вселяет в нас большие надежды. Вчера установил лагерь IV в верхней части ручки «Серпа». В настоящее время в лагере III (6600 метров) находятся Террай, Ребюффа и два шерпа.

Ближайшая цель: установить лагерь V перед завершающим штурмом,

который будет производиться последовательными связками.

Марселю – очень срочно: пусть Саркэ, Аджибя, Путаркэ и Панди поднимутся сюда завтра как можно раньше с двумя большими палатками, двумя спальными комплектами (мешки и матрасы) плюс 1 большой примус (кольман) и 2 литра бензина плюс кассеты к киноаппарату (отсылаю заснятые) плюс аптека (снотворные пилюли, 10 тубиков аспирина, 8 банок мази против обморожения, пять тубиков глетчерной мази) плюс 4 пары гетр плюс дополнительный высотный комплект.

Остальное добавить продуктами (не забыть колбасу, бутылку коньяку).

Взять из рюкзака Ляшеналея чулки, три пары носков, кеды, рубашку, кальсоны.

Связь по УКВ сегодня в 20 часов.

Кузи и Шац завтра спустятся и дадут дополнительные указания.

Важно: все это нужно отправить очень рано, так как ты с Ляшеналем ждем здесь, чтобы выйти в лагерь III с Саркэ и Путаркэ.

Если погода будет хорошей, надеемся на успех!

Морис Эрцог".

Аджибя и Панди принесли высотный комплект, продукты и одну УКВ-рацию. Сегодня вечером в 20 часов, как условлено, попробуем наладить связь. Наконец-то! Сообщение с тылом будет теперь значительно облегчено.

Я очень доволен работой Нуаеля: он показал нам, на что способен. Если бы не он, победа до наступления муссона была бы невозможна. Иду взглянуть на Даватондупа, которого я хочу возможно скорее отправить вниз. Он выглядит совсем умирающим, и, конечно, спускать его сейчас в такую бурю невозможно. Отложим это на завтра. Аджибя не теряет даром времени и удаляется налегке своей широкой, неуклюжей походкой. За ним семенит Панди. Через несколько минут они исчезают в тумане.

Устанавливаю рацию. Время от времени нажимаю на педаль:

– Алло, говорит Эрцог. Мата, как меня слышишь?

В ответ раздается только треск. Вскоре я ловлю индийскую музыку, исполняемую в бешеном темпе. Еще немного – и я пуцусь в пляс здесь, в самом сердце Гималаев, на высоте 6000 метров!

– Алло, говорит Эрцог. Мата, как меня слышишь? Снова молчание.

В 20 часов 15 минут, как условлено, связь прекращается. Радио действительно является слабым местом в экспедициях. Это, пожалуй, наше единственное упущение, но оно сможет иметь большие последствия. Немного огорченный

неудачей, я возвращаюсь в палатку, где застаю своих товарищей почти уснувшими.

На следующее утро погода хорошая: воздух исключительно прозрачен, солнце уже освещает палатку. Хорошо отдохнув за ночь, я без промедления вылезаю наружу. Маленькие снежные кристаллы блестят на солнце, как алмазы: ночью, вероятно, был мороз. План ясен: нужно дождаться челнока из лагеря I (надеюсь, что он не запоздает) и тут же выйти с грузом в лагерь III. Кузи и Шац все еще чувствуют себя неважно. Кузи думает отдохнуть здесь, тогда как Шац склоняется к тому, чтобы спуститься еще ниже – в лагерь I. Он будет сопровождать Даватондупа, состояние которого за последние три дня не меняется. В Ляшенале я замечаю перемену, его движения стали гораздо живее. Это бросается в глаза, когда он вылезает из спального мешка, проверяет, чем заняты шерпы, смотрит, где находится Террай...

Его самочувствие явно улучшилось, может быть, теперь он вновь в хорошей форме? В таком случае мы могли бы выйти первой же связкой.

– Но что там делает Аджиба? – спрашиваю я с нетерпением. Я ясно приказал ему выйти из лагеря I возможно раньше. Нам самим ведь надо сегодня уйти!

По очереди смотрим в бинокль:

– Смотри, Бискант! Хорошо видно, как поднимаются Ребюффа и Террай со своими шерпами.

– Они движутся очень медленно, – отвечает он.

– Снег очень глубокий. Им трудно идти.

Голубоватая дымка, предвещающая хорошую погоду, поднимается из глубины ущелья Миристи-Кхола и растворяется в лучах солнца. Делаем несколько фотоснимков окружающих вершин и лагеря.

– Уже полдень, а Аджибы все нет!

За обедом возникает длинная дискуссия о проводниках Шамони. Ляшеналь излагает мнение о своей профессии. Проходят часы, Шац собирается спускаться с Даватондупом, и для меня становится ясно, что сегодня в лагерь III мы уже не выйдем.

– Салям, Бара-сагиб!

– Салям!

Уже 18 часов; к моей радости, появляются наконец Анг-Таркэ, Путаркэ и Саркэ. У них тяжелый груз: снаряжение, продукты и, в частности, вторая большая палатка для лагеря IV. В сумерках в последний раз смотрим в бинокль на лагерь IV. Никакого движения не видно. Вероятно, наши друзья устроились на ночь. Это хороший признак. Завтра они будут продолжать

подъем для установки лагеря V.

У Анг-Таркэ довольное выражение лица. Он как будто тоже рад увидиться с нами. Экскурсия в Муктинат была для него большой наградой, и оживление не покидает его до сих пор. Присутствие Анг-Таркэ снимает с меня многие заботы; обладая большим гималайским опытом, он знает, что надо делать и чего делать не следует, и не боится брать на себя инициативу; его влияние на других шерпов значительно облегчает мою задачу. Сейчас он распаковывает груз – протягивает мне записку от Нуаеля, Ишака и Удо:

"30 мая 1950 г.

1. Отправить шерпов с утра было невозможно, так как твое послание прибыло вчера слишком поздно, шерпы и снаряжение находились в базовом лагере.

2. Посылаем тебе Анг-Таркэ, Саркэ, Путаркэ. Они принесут все, о чем ты просил; что касается спальных мешков и матрасов, устраивайтесь с шерпами как хотите.

3. Завтра вышлем еще одну группу в лагерь II, возможно – в сопровождении кого-нибудь из нас.

4. Если что-нибудь нужно, оставьте записку в лагере II.

5. Сообщите, нужно ли, чтобы кто-нибудь из нас сопровождал шерпов в лагерь III.

6. Радиосвязь: ничего не слышали. Повторите сегодня в 17 часов, 19 часов, 20 часов. У нас сейчас мощный приемник.

7. Здесь временная предмуссонная непогода. Настоящий муссон движется на Калькутту, кажется, с некоторым опережением.

8. Ж.Б... вернулся в базовый лагерь. Ждем от тебя известий. Отсюда завтра уйдет курьер. Ж.Б... отправляется в Тукучу,

9. Что ты думаешь насчет обратного пути? Положение с носильщиками будет очень тяжелым: с того момента, как мы их затребуем, пройдет 8 дней, прежде чем они доберутся сюда. Причем одновременно будет не больше 20 носильщиков. Ни пуха ни пера!

Нуаель, Ишак, Удо

P. S. Ишаку. Для цветной киноплёнки: при полном освещении можешь ставить диафрагму до 11".

На первую связь я уже опоздал, попробую в 19 часов, на этот раз, надеюсь, с большим успехом! Сообщение о муссоне меня очень тревожит. Мы сейчас у самой цели, и было бы ужасно отступить из-за внезапной непогоды. Если муссон уже достиг Калькутты, он через несколько дней будет здесь... Пытаюсь вызвать лагерь I по радио, но тщетно.

Чтобы товарищи внизу получили самые свежие новости, я отвечу на

их записку в самый последний момент, то есть завтра утром.

Закат восхитителен, стены Нилгири и Аннапурны отливают золотом, постепенно этот цвет переходит в оранжевый и, наконец, в пурпурный; небо идеально чистое, очень холодно – все это обнадеживающие признаки. Может быть, эти последние дни хорошей погоды являются единственным нашим шансом? Нилгири окутана тенью, верхние скалы Аннапурны темно-розовые, затем весь массив погружается во тьму, и только вершина еще светится несколько секунд.

Ночь проходит без всяких происшествий, лавин мало, так как снегопада вчера не было. В 6 часов выскакиваем из спальных мешков, погода великолепная. Ляшеналь производит на меня хорошее впечатление. Кажется, плохие дни для него кончились, и сейчас он возвращается наверх в блестящей форме.

– Ну как, принести тебе твои носки и рубашку? – спрашиваю я, когда он укладывает рюкзак.

Этот небольшой дополнительный комфорт привел его в хорошее настроение. Оба мы уверены, что на этот раз добьемся успеха.

Пока шерпы собирают груз, я быстро пишу для лагеря I следующую записку:

"31 мая 1950 г.

Всем сагибам

Сейчас выхожу с Бискантом в лагерь III. Если позволит погода, собираемся идти до самой вершины. Шац и Кузи образуют третий эшелон. Прошу Марселя послать Люсьену Деви следующую телеграмму:

"Начинаем штурм Аннапурны тчк Трудный ледовый маршрут не позволяет быстрый набор высоты тчк Объективные опасности лавины ледовые обвалы маловероятны тчк Лагеря I /5100 II /5900 III /6600 IV /7150 установлены тчк Надеемся на победу тчк Физическое и моральное состояние всех превосходное тчк

Морис Эрцог".

Продукты: немного получили. В лагере II Кузи даст инструкции относительно дальнейшей переброски в лагерь III.

Радио: слышали очень плохо. Пусть Шац проверит, в чем дело?

Муссон: сообщать мне постоянно.

Обратный путь: вышлем в Тукучу передовую группу, которая займется вербовкой носильщиков.

Кино: сделаю все возможное, чтобы донести камеры до вершины.

М. Эрцог".

Мы настроены оптимистично, и это отражается в наших сборах. Я

замечаю, что каждый из нас с особой тщательностью составляет индивидуальную аптечку, отбирает пленки для фото– и киноаппаратов. Тайком прячу в рюкзак маленький французский флаг, специально изготовленный Шацем, а также вымпелы, которые мне так хочется донести доверху.

Мы готовы!

Покидаем лагерь. Обогнув большую трещину, направляемся к лавинному конусу. Снег держит хорошо. Погода прекрасная – не слишком жарко, не слишком холодно. Настроение все время повышается.

– Морис, что там происходит?

– Они спускаются! Увы! Это правда.

К своему величайшему разочарованию, мы видим четыре черные точки, спускающиеся по следу нам навстречу.

Штурм

Почему они вернулись? Непонятно.

Через несколько минут мы встретимся, и все станет ясно. Ляшеналь идет довольно быстро и, видимо, чувствует себя значительно лучше, чем в предыдущие дни.

Он первым поднимается по конусу, пересекает кулуар. Маршрут мне хорошо знаком: я прохожу его уже в третий раз. Но и теперь еще я считаю его трудным и опасным. Дойдя до площадки у подножия большой стены, где навешены веревки, мы сталкиваемся с Ребюффа и Терраем.

– Привет всем!

– Что произошло? – спрашиваю Террая.

– Продолжать подъем было бы безумием, – отвечает он. У него смущенный и обескураженный вид.

– С этим ветром и проклятым снегом мы затратили более семи часов, чтобы добраться от лагеря III до лагеря IV.

– Палатку нашли?

– Нашли, но ее пришлось ставить заново, так как стойки были согнуты лавинами. Установили и вторую. Ветер бушевал вовсю. У Гастона начали мерзнуть ноги.

– Я уж думал, что "готов"! – подтверждает Гастон. – К счастью, Лионелю удалось оттереть меня куском веревки. В конце концов кровообращение восстановилось.

– Сегодня утром, – продолжает Лионель, – мороз был хуже, чем в Канаде, а ветер еще сильнее, чем накануне. Тогда я решил, что, если вчера, находясь в прекрасной форме, мы за семь часов набрали всего 350 метров, то никогда не сможем в таких условиях преодолеть последние 1200 метров. Я понимаю, что нужно испробовать все до пределов возможного, но я начинаю сомневаться в успехе.

Мы с Ляшеналем энергично протестуем, но, кажется, наш энтузиазм слабо действует на товарищей. Несмотря на свою силу, Террай с большим трудом справился с этим снегом, ежедневно заметающим следы, с этими крутыми склонами, которые приходится преодолевать метр за метром, с высотой, подтачивающей физические силы и моральный дух. Однако он не решается подробно говорить об этих препятствиях, не хочет поколебать нашу решимость.

– Мы идем вверх, – твердо говорю я. – Если мы спустимся, значит,

вершина взята. Все или ничего!

Чувствую, что Ляшеналь настроен так же решительно, как и я.

Друзья желают нам удачи, но в их взглядах я читаю сомнение. Теперь дело за нами.

Атакуем склон. К счастью, Ребюффа и Террай, спускаясь, уже проложили путь. Анг-Таркэ, Саркэ, Ляшеналь и я поочередно ведем группу, улучшая следы. Работа не очень утомительна. Однако Анг-Таркэ поражен технической сложностью маршрута. Панзи уже говорил ему, что никогда ранее ни на Эвересте, ни на Канченджанге не встречались подобные участки. Шерпам впервые приходится заниматься сложным лазанием на льду и преодолевать вертикальные стены. Однако все идет хорошо, и мы продолжаем свой сложный путь, тратя гораздо меньше сил, чем в предшествующие дни. Это еще раз показывает, что акклиматизация при гималайских восхождениях является решающим фактором. Жара становится нестерпимой, и, когда мы добираемся до лагеря III, пот стекает с нас ручьями.

Как он чудесен, этот лагерь, затерянный высоко в горах, в маленькой, забитой свежим снегом трещине! У него такой уютный вид!

Надо беречь силы. Сегодня дальше не пойдем. Проведем остаток дня лежа в спальнях мешках, а шерпы передадут нам ужин из палатки в палатку.

Хорошая погода как будто установилась. На этот раз счастье нам улыбается, мы пойдем до конца.

Шерпы тратят бездну времени, чтобы приготовить чай, так как на этой высоте эффективность примусов резко снижается. Выкурены сигареты, шерпы и сагибы проглатывают предписанные врачом пилюли, и уже в сумерках лагерь III погружается в сон.

Утром мы спокойно ждем, пока появится солнце, так как по плану сегодня мы должны подняться только до лагеря IV. Вряд ли это займет больше четырех часов. Правда, нам придется перенести этот лагерь несколько выше и установить его непосредственно на самом гребне "Серпа".

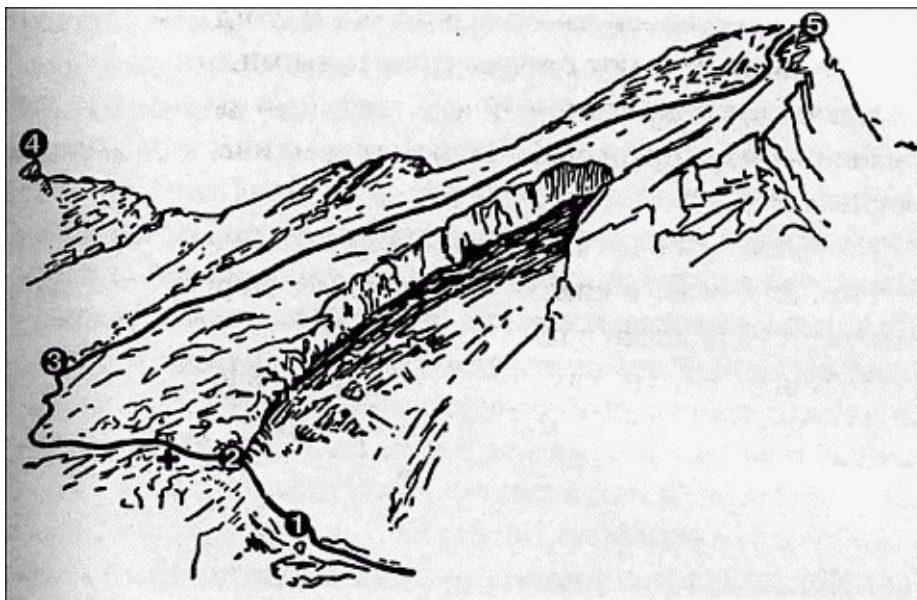
Каждый занят своим делом. Я снимаю несколько кинокадров. Далеко внизу, на плато, виднеется лагерь II, теперь уже напоминающий настоящий поселок. Рядом с высотными «гробиками» стоят большие общие палатки; лагерь выглядит совсем как базовый.

– Лионель и Гастон, наверное, отдыхают, – замечает Ляшеналь.

Вскоре мы выходим, чтобы использовать сравнительно приличное состояние снега. Это позволит нам добраться до лагеря IV быстрее, чем мы

рассчитывали.

По пути я делаю несколько снимков, в частности снимаю переход через подгорную трещину перед плато, где расположен лагерь IV. Погода по-прежнему хороша. Анг-Таркэ и Саркэ идут прекрасно, первый в связке с Ляшеналем, второй – со мной.

1. Лагерь IV; 2. Лагерь IV-бис; 3. Лагерь V; 4. Восточная предвершина; 5. Вершина 8075 метров. + местоположение трещины

Еще рано, и мы успеем перенести лагерь на гребень "Серпа". Настроение повышается, так как дальше никаких технических трудностей уже не предвидится.

Быстро снимаем одну из палаток, забираем также продукты и снаряжение.

– Ледяной склон, выводящий на гребень "Серпа", довольно короткий, – говорю я Ляшеналю. – Мы должны пройти его за час.

Анг-Таркэ и Саркэ спустятся обратно и проведут ночь на старом месте, где мы оставляем одну палатку. Завтра рано утром они ее снимут и перенесут наверх. Отсюда мы двинемся в путь к будущему лагерю V.

Начинаем штурмовать склон. Нагруженные, как ишаки, проваливаемся в свежий снег по пояс.

Однако толщина снега быстро уменьшается: вскоре остается лишь тонкий «гнилой» слой, прилипший ко льду. Крутизна такая же, как на самых сложных ледовых альпийских маршрутах.

Идти на кошках на такой высоте нелегко, и мы пыхтим, как паровозы.

Время от времени рубим ступени, но чаще обходимся без них.

Шерпы лезут с опаской. На льду они не виртуозы, однако, боясь отстать, они «жмут» изо всех сил. После двухсот метров трудного и опасного подъема вылезает на край гребня. Ляшеналь, идущий первым, осматривает окрестности, пока я бросаю взгляд на пройденный путь. Площадку для лагеря мы выбираем там же, где вышли на гребень, у подножия симпатичного серака. Место идеальное, защищенное от ветра как самим сераком, так и небольшим ледовым гребешком, являющимся естественным экраном.

Ляшеналь в восторге:

– Когда мы все устроим, будет так же уютно, как в моем домике в Шамони!

Немедленно принимаемся за дело. Вскоре палатка установлена. Уже далеко за полдень, и я отсылаю Анг-Таркэ и Саркэ в нижний лагерь IV. Они уходят несколько обеспокоенные, так как им предстоит сложный спуск. Я уверен, что Анг-Таркэ не поленится вырубить по пути дополнительные ступени и в случае необходимости соорудит сверху донизу настоящую лестницу...

– Good night, sir!

Крепкие рукопожатия, и наши шерпы скрываются из глаз; мы уже начинаем устраиваться на ночь. Постепенно наплывает туман, поднимается ледяной ветер, бросающий в лицо колючие снежинки.

Аппетита нет ни у меня, ни у Ляшеналья. Однако мы пересиливаем себя и готовим чай. Одновременно выкладываю в ряд всю коллекцию пилюль и порошков, которые Удо строго-настрого приказал нам принимать.

Несмотря на предсказание Ляшеналья, комфорт весьма относительно. Мы поспешно залезаем в спальные мешки, не забыв запихнуть туда же ботинки, чтобы они не замерзли. Ночь проходит превосходно.

На рассвете с тревогой выглядываю из палатки. Восходит солнце, небо чистое, очень холодно.

Сегодня муссон, кажется, нас еще помиловал. Настроение сразу поднимается, так как последние известия нагнали на меня страх. Мы сейчас идем наперегонки со временем.

Сразу после прихода Анг-Таркэ и Саркэ перераспределяем груз и собираем рюкзаки. Скорее прочь от этого серака, где так холодно! Уходя, оставляем здесь одну палатку. Вторую берем для лагеря V.

Длинный траверс влево по леднику «Серпа» позволяет обойти зону разорванных сераков. Таким образом мы попадаем на дно очень широкой, лежащей среди крутых снежных полей ложбины, где препятствий немного.

Идем молча, с полным напряжением. Груз прижимает к земле. Каждый размышляет о том, что нас ждет в ближайшие дни. Меня больше всего беспокоит муссон; сегодня 2 июня, вряд ли можно надеяться больше чем на четыре дня хорошей погоды.

За четыре дня все может быть сделано. Но нельзя терять ни минуты. Теперь у нас в руках важный козырь: на этом большом снежном поле не встретится никаких технических трудностей. Это вызывает в нас непоколебимую уверенность.

Ни Ляшеналь, ни я ни на минуту не сомневаемся в победе.

Мы часто останавливаемся, чтобы достать конфету или кусок неизменно соблазнительной нуги. Обернувшись, мы видим головокружительное зрелище: плато лагеря II выглядит как носовой платок, большой ледник Аннапурны, на пересечение которого требуется больше часа, кажется отсюда малюсенькой ледяной полоской. Вдали, за Большим Барьером, отчетливо виден Тибет, слева Дхаулагири частично закрыт громадной скальной стеной Аннапурны. Зигзаги наших следов виднеются на всем протяжении маршрута.

Разорванный ледовый гребень под самой вершиной производит странное впечатление. Он как будто причесывает густую шевелюру снежных вихрей, вздымаемых ветром. Разорванные клочья тумана проносятся над нами. Прямо над головой вздымается ввысь скала розоватого цвета, имеющая форму птичьего клюва. К этому "Птичьему Клюву"^[94] ведет острое как нож скальное ребро.

– Уж как-нибудь мы отыщем местечко на этом ребре, чтобы установить наш "гроб"! – говорю я Ляшеналю во время остановки.

– Конечно, – соглашается он. – Там мы будем в полной безопасности, так как можно будет забить сколько угодно крючьев. Кроме того, там сухо.

Мы с Ляшеналем по очереди неутомимо прокладываем путь. Оба шерпа дышат тяжело. Нам также часто приходится останавливаться, чтобы восстановить дыхание. Два или три раза мы вынуждены совершать длительные траверсы, обходя сераки и громадную трещину. Глубоко проваливаемся в снег, и каждый шаг дается с невероятным трудом. Хотя мы и набираем высоту, кажется, что ребро не приближается.

– Черт возьми, это может доконать любого! – жалуется Ляшеналь.

Понемногу становится легче. Снег теперь более плотный, и мы проваливаемся не так глубоко.

У меня такое впечатление, что я лезу по гигантской крыше. Склон крутой, около 40°, но более или менее ровный. Идти на кошках можно. Через каждые десять метров – остановка. Очень холодно, и пальцы на

ногах уже потеряли чувствительность. Никакого лишнего отдыха. "Вперед, к лагерю V!" – такова основная цель.

Подъем становится изнуряющим: под зубьями кошек наст продавливается, и мы снова проваливаемся.

– Проклятая корка! – ругается Ляшеналь.

Тратя последние запасы энергии, добираемся до нижних скал ребра.

– Черт возьми!

Горькое разочарование! Эти светлые скалы, столь соблазнительные на вид, залиты льдом. Никаких площадок, никаких зацепок.

Придется ставить палатку прямо на склоне!

Подходят шерпы. Сейчас мы находимся на высоте 7500 метров, и высота окончательно вывела их из строя. Они не могут вымолвить ни слова. Жестами они жалуются на головную боль. Все за работу!

С помощью ледоруба выравниваем площадку. Склон настолько крут, что приходится сбросить огромную массу снега. Через каждые 30 секунд я вынужден останавливаться для отдыха. Легкие отказываются работать, я задыхаюсь. Сердце стучит как молот. Шерпы, хотя и в худшем состоянии, чем мы, ухитряются работать по пять минут без перерыва. Через час площадка готова. Палатка вплотную прижата к скале, и ее можно привязать к двум забитым Ляшеналем крюкам.

На ломаном английском языке завожу с Анг-Таркэ следующий разговор:

– To-morrow morning Lachenal Sahib and Bara Sahib go to the summit of Annapurna.

– Yes, sir.

– You are the sirdar and the most experimented of all sherpas. I will be very glad that you come with us.

– Thank you, sir.

– We must have together the victory! Will you come with us?

Я считаю в эту минуту, что мой долг – удовлетворить законные стремления этих людей. Некоторая пауза. Затем Анг-Таркэ, признательный за предоставленную ему свободу выбора, сдержанно отвечает:

– Thank you very well, Bara Sahib! But my feet begin to freeze...

– Yes.

– ...and I prefer go down to the camp IV... if it is possible.

– Of course, Ang-Tharkey. As you like it... In this case go down at once because it is late.

– Thank you, sir.

В два счета шерпы собирают свои рюкзаки. В последний момент они

оборачиваются к нам. Чувствуется, что они беспокоятся, оставляя нас одних.

– Salam, sir... good luck!

– Salam and pay attention!

[– Завтра утром Ляшеналь-сагиб и Бара-сагиб пойдут на вершину Аннапурны.

– Да, сэр!

– Ты сирдар и наиболее опытный из шерпов. Я был бы рад, если бы ты пошел с нами.

– Спасибо, сэр.

– Мы должны вместе завоевать победу... Хочешь пойти с нами?

– Большое спасибо, Бара-сагиб!.. Но мои ноги начинают мерзнуть...

– Да.

– ...и я предпочитаю вернуться в лагерь IV... если можно.

– Конечно, Анг-Таркэ. Как хочешь... В таком случае спускайся немедленно, так как уже поздно.

– Спасибо, сэр!

– Салям, сэр... желаю удачи!

– Салям, будьте осторожны!]

Через несколько минут две черные точки спускаются по склону. Странная психология у этих людей, прямота и самоотверженность которых общеизвестны. Они, несомненно, любят свои горы, и, однако, в тот момент, когда можно наконец пожать плоды длительных усилий, они предпочитают осторожно воздержаться. Правда, наша психология, вероятно, кажется им еще более странной.

Мы оба погружены в молчание. Оно неотвязно давит на нас. На этот раз мы уже не отступим.

Предстоит тяжелая ночь!

Место неудобное и ненадежное. Ветер сметает снег со склона, и он собирается у нашей палатки... Только бы не было слишком большой нагрузки на крышу!

Забитые в известняк крючья, воткнутые в снег ледорубы имеют, пожалуй, только моральное значение. В отношении безопасности мы не питаем особых иллюзий... В глубине души мы оба сильно опасаемся, что край площадки обрушится, увлекая палатку в бездну.

Сознание затуманено. С трудом могу сосредоточить на чем-либо свое внимание. Ничто меня не интересует. Разговор не клеится. С большим напряжением воли после взаимного подбадривания и встряхивания нам удается согреть немного чаю. С чисто воинской дисциплиной мы

проглатываем обязательные порошки. Ничто не лезет в рот.

Последняя ночь перед штурмом!

Внезапно поднимается яростный ветер, нейлоновые полотнища оглушительно хлопают. Того и гляди палатка будет сорвана. С каждым порывом ветра хватаемся за стойки, как утопающий за соломинку. Начинается снегопад. Буря стонет и воет непрерывно. Мрачная обстановка действует на нервы.

Каждое движение требует огромного усилия воли.

О том, чтобы раздеться, не может быть и речь. Сняв ботинки, мы прячем их в спальные мешки и спешим залезть сами. Вот когда мы можем благословить Пьера Аллена! Наши мысли обращаются к верному другу, подготовившему для нас такое чудесное снаряжение.

– Проклятие! Что за ветер!

Ляшеналь устраивается у внешнего края палатки, я же прижимаюсь к склону. Обоим несладко: Ляшеналю ежеминутно кажется, что он свалится в пропасть. Мне же угрожает удушье под массой снега, непрерывно накапливающегося на палатке.

– К счастью, нейлон эластичен, – говорю я Ляшеналю, – иначе палатка разорвалась бы. Черт побери! Мой аппарат! Я забыл спрятать его в спальный мешок!

Протягиваю руку, ощупью нахожу драгоценный аппарат и кладу его на самое дно мешка, рядом с ботинками.

Какая кошмарная ночь!

Ляшеналь все больше сползает наружу, я все больше задыхаюсь. Мы с нетерпением считаем оставшиеся часы. Положение становится угрожающим: дышать больше нечем. Масса снега меня буквально раздавливает. Прижимаю руку к груди, как боксер в боевой стойке. Теперь я могу дышать.

Дикое завывание ветра рвет уши. Каждый порыв сопровождается оглушительным свистом. Обе стойки угрожающе гнутся. С силой отчаяния мы стараемся их удержать. Непонятно, как еще держится палатка. Самые худшие биваки не идут ни в какое сравнение с этой неравной, изнуряющей борьбой.

Мы совершенно отупели от крайней усталости, но буря не дает нам уснуть.

Сомневаясь в успехе нашей попытки, Ребюффа и Террай продолжают спуск к лагерю II. Там они встречают Кузи и Шаца, которые сообщают им последние новости. Ребюффа и Террай смертельно устали. Панзи и Айла, вероятно, тоже, так как на весь день исчезают в палатке шерпов. Кузи и

Шац, напротив, чувствуют себя великолепно и очень рады возможности вновь пойти в одной связке.

На следующий день ранним утром они покидают лагерь II. Как было решено, их связка следует за нами с интервалом в один переход.

Террай понемногу приходит в себя. Он чувствует, что приближается решающая атака, и с обычной тщательностью готовится к выходу. Ребюффа что-то пишет.

После обеда начинает падать снежная крупа.

– Привет всем!

Белое привидение, проникающее в палатку, оказывается Ишаком!

– Остальные идут за мной. Входят Нуаель и Удо. С обычной бесцеремонностью людей, залезающих с холода в палатку, они тут же начинают отряхиваться от снега. Время – 17 часов 30 минут.

– Как, – удивляется Ишак, – это вы?! Мы ожидали увидеть Кузи и Шаца.

– Да! Это всего лишь мы! Террай объясняет, что накануне им пришлось вернуться, не установив лагеря V, так как Ребюффа почти обморозил ноги.

– Мы снова выйдем завтра утром, – добавляет он.

Снаружи крупа сменилась снегом. Удо не терпит испытать действие кислорода. Используя свой авторитет, он заставляет нашего офицера связи прогуливаться в маске. Лицо Нуаеля превращается в звериное рыло, соединенное гибким шлангом с дюралевым баллоном. Точь-в-точь первый человек на Луне! Бедный Нуаель в своей невероятной шляпе, надвинутой на нос и уши, производит неотразимое комичное впечатление, которое не хочет оценить лишь он один.

После испытаний все собираются в палатке. Ишак, пользуясь магнием, делает несколько снимков.

– Знаешь, я хочу побить высотный рекорд применения магния!

Действительно, лагерь расположен на высоте 6000 метров, и весьма вероятно, что в гималайских экспедициях такие съемки производились не так уж часто.

После ужина небо проясняется. Появляются звезды. Большой Барьер укутан в белое покрывало, освещенное луной.

Последняя радиосводка очень тревожна: муссон уже достиг северной части Бенгалии, и, кроме того, сильные атмосферные возмущения надвигаются с запада.

На следующее утро, 2 июня, на небе ни облачка. Будет хороший день. Как обычно, Террай поднимается еще ночью. В шесть часов он с Ребюффа

и двумя шерпами покидает лагерь. Солнце еще не взошло. В лагере IV мы еще спим беспробудным сном. Пока Террай преодолевает лавинный конус, Марсель Ишак производит киносъемку, пользуясь телеобъективом.

Постепенно Аннапурна оживает. Наблюдатель мог бы любоваться здесь удивительным зрелищем. В лагере II вокруг палаточного городка толпятся люди. Несколько выше Ребюффа и Террай с шерпами Панзи и Айлой вновь прокладывают путь по нижним склонам. Над лагерем III Кузи и Шац в сопровождении Ангавы и Путаркэ собираются пересекать большой кулуар. Наконец, на склоне ледника «Серп» Ляшеналь и я вместе с Анг-Таркэ и Саркэ снова топчем снег.

После обеда облака заполняют ущелье Миристи-Кхола и добираются до лагеря II. Через просвет Ишак замечает новое черное пятнышко у подножия острого ребра; вероятно, это лагерь V.

– Сделают ли они завтра утром решающую попытку? Все зависит от погоды!

Туман все более сгущается, слышатся крики. Ишак и Нуаель выходят вперед и обнаруживают блуждающих в тумане Ангаву и Путаркэ. Кузи и Шац были вынуждены отправить их вниз из лагеря IV, так как там оставалась лишь одна палатка (вторая была в лагере V).

Дополнительное снаряжение будет доставлено группой Ребюффа – Террай, которая перенесет сюда лагерь III. В свою очередь лагерь III будет вновь установлен силами группы, вышедшей из лагеря II.

В лагере IV настроение бодрое. Только что прибыли Ребюффа и Террай. Все находятся в хорошей форме. Террай размышляет над загадочной особенностью гималайских условий: четыре дня тому назад они с Ребюффа с трудом доползли сюда из лагеря III за семь часов. На этот раз им удалось осуществить дерзкий план, подобный которому вряд ли можно найти в истории гималайских экспедиций: выйдя на рассвете из лагеря II, они к 11 часам утра уже были в лагере III, полностью его сняли и поднялись до лагеря IV, выиграв таким образом драгоценный день... И при этом они несли вчетвером два высотных комплекта и более 10 килограммов продуктов. Ребюффа, подобно Ляшеналю, великолепно входит в форму.

Кузи и Шац встречают их с восторгом. На следующий день им пришлось бы самим, без всякой помощи, переносить лагерь, и это, естественно, им не улыбалось.

Аспирин, снотворное и другие снадобья, а также состояние радостного возбуждения, вызванного хорошей спортивной формой и надеждой на успех, делают свое дело: ночь для всех проходит великолепно.

3 июня 1950 года

3 июня. Первые проблески зари застают нас вцепившимися в стойки палатки в лагере V.

Понемногу ветер слабеет. К рассвету наступает штиль. Каждое движение требует героических усилий. Отчаянно пытаюсь сбросить с себя холодную мягкую гору, которая меня душит. Разум оцепенел. Каждая мысль сопряжена с усилием. Мы не произносим ни слова.

Какое отвратительное место! Воспоминание о нем всегда будет одним из худших в моей жизни.

У нас лишь одна забота: скорее отсюда уйти. Однако выходить сейчас нельзя. Нужно ждать первых лучей солнца.

5 часов 30 минут. Дальше пребывать в этом аду невозможно.

– Пошли, Бискант! Я не могу оставаться здесь ни минуты.

– Пошли!

У кого из нас хватит мужества согреть чаю? Хотя сознание и заторможено, однако мы представляем, сколько труда придется для этого затратить. Ни он, ни я не в состоянии. К черту! Обойдемся без чая.

И так уж каких усилий стоит вылезти из спального мешка и вытащить оттуда ботинки. От холода они сделались твердыми, как дерево. Надеть их удастся лишь с большим трудом. Каждое движение вызывает одышку. Мы задыхаемся. Гетры также замерзли. Я ухитряюсь их зашнуровать, Ляшеналь – нет. Теперь очередь за рюкзаками.

– Бискант, веревку не берем?

– Ни к чему, – отрывисто отвечает Ляшеналь. Килограмм сэкономим.

Кладу в рюкзак тубик сгущенного молока, несколько кусков нуги, пару носков... Как знать? В случае нужды их можно использовать вместо подшлемника. Укладываю аптечку. Фотоаппарат заряжен обычной пленкой, но у меня есть запасная кассета с цветной. Из глубины спального мешка вытаскиваю кинокамеру. Завожу пружину и проверяю вхолостую. Щелчок, остановка... камера не работает.

– Вот не везет!.. Стоило ее сюда тащить! – сокрушается Ляшеналь.

Этой ночью мороз был слишком сильным, и аппарат замерз даже в спальном мешке, несмотря на то что Ишак предусмотрительно применил специальную смазку. С огорчением оставляю аппарат в лагере. А мне так хотелось донести его до вершины! Ну что ж, киносъемка велась до высоты 7500 метров.

Вылезаем из палатки и надеваем кошки, которые теперь уже не придется снимать до вечера. Все, что можно, надето на нас, и рюкзаки совсем легки.

В шесть часов трогаемся в путь, радуясь, что кошмар остался позади. Погода прекрасная, но очень холодно. Зубья облегченных кошек глубоко впиваются в крутой ледово-фирновый склон.

Постепенно крутизна уменьшается, и склон становится более ровным. Фирн держит хорошо, но иногда корка проламывается, и мы барахтаемся в мягком, порошкообразном снегу, сильно затрудняющем движение. Не сговариваясь, часто останавливаемся. След прокладываем по очереди. Каждый из нас сейчас живет в своем собственном, обособленном мире. Я опасаюсь за свое мышление. Сознание сильно затуманено; я прекрасно понимаю, насколько неполноценен сейчас мой разум. Проще и вернее придерживаться какой-нибудь навязчивой идеи. Температура очень низкая. Холод пронизывает насквозь, и, несмотря на пуховую одежду, ощущение такое, как будто идешь нагишом. Во время остановок ожесточенно топаем ногами. Ляшеналь даже снимает тесный ботинок: его преследует мысль о возможном обморожении.

– Я не хочу уподобиться Лямберу^[95], – говорит он.

Пока он энергично растирает себе ступню, я рассматриваю окружающие вершины. Все они теперь ниже нас, за исключением далекого Дхаулагери. Сложный и пересеченный рельеф этих гор, столь знакомый нам по многочисленным и тяжелым разведкам, виден сейчас как на ладони.

Подъем изнурительный. Каждый шаг – победа воли и разума. Солнце нас догоняет. Приветствуя его появление, мы делаем очередную остановку. Ляшеналь все чаще жалуется на свои ноги.

– Я ничего не чувствую, – стонет он. – Начинается обморожение.

Он снова снимает ботинок.

Тревога закрадывается мне в душу.

Я прекрасно понимаю, какой опасности мы подвергаемся, и по собственному опыту знаю, насколько коварно и быстро подкрадывается обморожение, если ослабить бдительность. Ляшеналю это известно не хуже, чем мне.

– Мы рискуем остаться без ног!.. Стоит ли лезть на рожон?

Я полон тревоги. Ответственность лежит на мне, я должен все продумать и все предусмотреть. Без сомнения, опасность вполне реальна. Оправдывает ли Аннапурна подобный риск? Этот вопрос повергает меня в смятение.

Ляшеналь зашнуровал ботинки, и мы снова боремся с изнуряющим

снегом. Залитый светом ледник «Серпа» теперь виден нам полностью. Траверс бесконечен... а навверху скальная стена... Найдем ли мы выход?

Мои ноги мерзнут так же, как и у Ляшеналея. Непрерывно шевелю пальцами. Они потеряли чувствительность, но в горах это со мной случалось нередко: нужно лишь настойчиво продолжать двигать пальцами, и кровообращение восстановится.

Ляшеналь кажется мне каким-то призраком. Он живет своей жизнью, я – своей. Странное явление – идти почему-то легче, чем вниз. Может быть, нас окрыляет надежда? Даже сквозь темные очки блеск снега ослепляет, солнечные лучи бьют прямо по льду. Под нами обрываются в бездну головокружительные ребра.

Далеко внизу ледники кажутся до смешного крошечными. Знакомые вершины устремлены ввысь, как стрелы.

Внезапно Ляшеналь хватает меня за руку:

– Если я вернусь, что ты будешь делать?

Целый мир ярких образов молнией проносится в голове: многодневные переходы под палящим солнцем, сложнейшее лазание, исключительные усилия, затраченные на осаду вершины, ежедневный героизм моих товарищей при заброске и устройстве лагерей... Сейчас мы у цели! Через час, может быть, через два... сражение будет выиграно! Неужели отказаться?

Невозможно!

Все мое существо протестует. Я решил, бесповоротно решил!

Сегодня мы боремся за идеал. Любая жертва оправданна.

Ответ ясен:

– Я пойду один!

Да, я пойду один. Если он хочет вернуться, я не могу его удерживать. У него полная свобода выбора.

Ляшеналею нужна была лишь моральная поддержка. Он несколько не обескуражен. Его слова были продиктованы только осторожностью и сознанием риска. Он решает не колеблясь:

– Тогда я иду с тобой!

Жребий брошен.

Тревога рассеялась. Я принял на себя ответственность. Теперь уже ничто не помешает нам идти до конца.

Короткий разговор с Ляшеналем изменил психологическую ситуацию.

Теперь мы – братья.

Я чувствую вокруг себя какую-то новую, необычную атмосферу. Все ощущения очень яркие, странные, которые никогда прежде мне не

доводилось испытывать в горах.

Есть что-то нереальное в моем восприятии окружающего нас мира... Я наблюдаю извне, как я проделываю одни и те же движения, и улыбаюсь про себя при виде жалких результатов наших усилий. Но напряжение исчезло, как будто исчезла сила тяжести. Это прозрачное видение, этот бесценный дар – не моя вершина. Это вершина моих грез.

Скалы присыпаны сверкающим снегом, и лучезарная красота пейзажа бесконечно трогает душу. Прозрачность воздуха поразительна. Я живу в хрустальном мире. Звуки приглушены, как будто уши заложены ватой.

Меня охватывает неясная, непонятная радость. Все это настолько необычно и настолько ново.

Все это так не похоже на восхождение в Альпах, когда тебя поддерживает непрерывное смутное сознание близости людей, когда, обернувшись, видишь далеко внизу дома, дороги, цивилизацию.

Здесь все иначе.

Я отрезан от всей Вселенной. Я живу в ином мире, суровом, пустынном, безжизненном. Это фантастический мир, где присутствие человека непредвиденно и, может быть, даже нежелательно. Мы нарушаем запрет, мы преступаем границу, и все же мы поднимаемся без боязни. Сердце сжимается от полноты чувств...

Разделяет ли Ляшеналь все эти волнения? Вершинный гребень приближается. Мы подходим к подножию послед ней большой стены. Она очень крута. Снежный склон пересечен скалами.

– Кулуар!..

Все понятно без слов. Здесь ключ к стене. Последний бастион!

– Какая удача!

Кулуар, прорезающий стену, очень крут, но подняться по нему можно.

– Пошли!

Ляшеналь выражает согласие жестом. Уже поздно, наверное, больше 12 часов. Я потерял всякое чувство времени: мне кажется, мы вышли несколько минут назад.

Небо по-прежнему голубое, как сапфир. С большим трудом мы выходим вправо, чтобы обогнуть скалы. Идя на кошках, стараемся по возможности использовать снежные участки. Вскоре мы проникаем в кулуар. Как круто!.. Минута колебания.

Хватит ли у нас сил, чтобы преодолеть последнее препятствие?

К счастью, снег твердый.

Выбивая ногой ступеньки, мы держимся на кошках достаточно надежно. Неверное движение было бы гибельным. Зацепки для рук можно

не вырубать: воткнутый клюв ледоруба служит опорой.

Ляшеналь идет превосходно. Какой контраст с первыми днями! Идти тяжело, но он неуклонно поднимается. Время от времени, подняв голову, мы видим верхнюю часть кулуара, выходящую неизвестно куда, вероятно, на гребень.

Но где же вершина? Налево или направо?

Мы идем друг за другом, останавливаясь на каждом шагу. Навалившись на ледорубы, стараемся восстановить дыхание и успокоить бешено рвущееся сердце.

Теперь мы чувствуем, что цель близка. Никакие трудности не смогут нас остановить. Излишне спрашивать взглядом: в глазах товарища можно прочесть лишь твердую решимость. Небольшой обход влево, еще несколько шагов... Вершинный гребень незаметно приближается. Обходим еще несколько скал. Взбираемся из последних сил. Не может быть!..

Ну да! Резкий ветер обжигает лицо.

Мы на Аннапурне.

8075 метров.

Сердце переполнено бесконечной радостью.

– О, если бы остальные знали! Если бы знали все!

Вершина представляет собой ледяной гребень с карнизами. С другой стороны – ужасающая бездонная пропасть. Стена из-под ног обрывается отвесом. Вряд ли можно встретить подобное зрелище на другой вершине.

Внизу плавают облака, под ними, на 7000 метров ниже, скрывается нежная, плодородная долина Покхары. Выше облаков – ничего!

Цель достигнута. Но одновременно завершено нечто гораздо более величественное. Как прекрасна теперь будет жизнь!

Поразительное ощущение – внезапно познать свой идеал и самого себя.

Меня душит волнение. Никогда еще я не испытывал столь сильной и чистой радости.

Этот темный камень, самый высокий, этот ледяной гребень... это ли цель всей жизни? Или, может быть, они являются пределом человеческих мечтаний?

– Ну как, спускаемся?

Ляшеналь меня толкает. Что чувствует он? Не знаю. Не считает ли он, что просто сделал восхождение, как в Альпах? Неужели он думает, что отсюда можно так, запросто, уйти?

– Секунду, я должен сделать снимки.

– Быстрее!

Лихорадочно роюсь в рюкзаке, вытаскиваю фотоаппарат, лежащий на дне французский флаг, вымпелы. Конечно, это бесполезный жест, но это больше чем символ: это свидетельство дружеских мыслей. Я привязываю к древку

ледоруба куски ткани, пропитанные потом, засаленные от долгого пребывания в рюкзаке по соседству с продуктами. Затем навожу фокус на Ляшеналь:

– Ну вот, можешь меня снять?

– Давай, давай скорее, – говорит Ляшеналь.

Он делает несколько снимков, затем отдает мне аппарат. Я закладываю кассету с цветной пленкой, и мы повторяем все сначала, чтобы наверняка принести с собой памятные снимки, которые когда-нибудь будут нам так дороги!

– Ты сошел с ума, – говорит Ляшеналь. – Нельзя терять ни минуты, надо немедленно спускаться!

Действительно, одного взгляда вокруг достаточно: погода портится.

Ляшеналь торопит:

– Надо спускаться!

И все же я не могу привыкнуть к мысли, что мы одержали победу. Мне кажется невероятным, что я топчу этот снег.

Сложить здесь тур невозможно: камней нет, все покрыто льдом.

Ляшеналь топает ногами: он чувствует, что они замерзают. Я тоже! Но я не обращаю на это внимания. Самая высокая из побежденных вершин! Она у наших ног!

Мысленно перебираю своих предшественников в этих высоких горах: Меммери, Меллори и Ирвин, Бауэр, Вельценбах, Тилман, Шиптон... Сколько уже нет в живых, сколько нашли в этих горах свою смерть, самую прекрасную для них.

К моей радости примешивается чувство гордости за друзей. Сегодня на Аннапурну взошла не только связка, взошла вся команда. Моя мысль обращается к товарищам, разбросанным по лагерям, прилепившимся на склонах под нами, и я знаю, что лишь благодаря их усилиям и благодаря их жертвам мы сегодня победили. Есть минуты, когда самые сложные действия внезапно получают конкретное выражение и предстают перед вами в ярком свете: таков тот непреодолимый порыв, который привел сюда нашу команду.

Давно забытые картины возникают в сознании...

Долина Шамони, где я провел прекраснейшие дни моей юности, Монблан, производивший на меня такое сильное впечатление! Я помню,

когда я был еще ребенком, мне казалось, что у этих "возвращающихся с Монблана" был всегда какой-то необычный вид, в глазах горел странный огонь.

– Быстрее, прямо вниз! – кричит Ляшеналь.

Он уже надел рюкзак и начинает спуск. Вынимаю карманный альтиметр: 8500 метров. Невольно улыбаюсь... Проглатываю немного сгущенки и оставляю здесь тюбик – единственное свидетельство нашего пребывания на вершине. Завязываю рюкзак, надеваю рукавицы, очки, хватаюсь за ледоруб, еще один взгляд вокруг... и в свою очередь устремляюсь вниз по склону. Перед тем как нырнуть в кулуар, бросаю прощальный взгляд на эту вершину, которой суждено стать для нас единственной радостью и утешением.

Ляшеналь уже намного ниже, он достиг подножия кулуара.

Я мчусь по его следам.

Тороплюсь изо всех сил, однако склон очень опасный. Любая ступенька под тяжестью тела может обрушиться. Ляшеналь уже на большой диагонали. Я не думал, что он способен идти с такой скоростью. Пересекаю смешанный Участок скал и снега. Наконец основание стены! Я двигался

так быстро, что совсем запыхался. Останавливаюсь, развязываю рюкзак. Зачем? Сам не знаю...

– Аи! Мои рукавицы!

Я не успеваю нагнуться и вижу, как они катятся, скользят прямо вниз по склону... Стою озадаченный, глядя, как они медленно удаляются не останавливаясь. Их движение воспринимается мной как нечто неотвратимое, окончательное, против чего я бессилен! Последствия могут быть очень серьезные. Что делать?

Скорее в лагерь V!

Ребьюффа и Террай должны быть там. Моя тревога мгновенно исчезает. Возвращаюсь к навязчивой идее: скорее в лагерь! Ни на секунду не приходит мне мысль о запасных носках в рюкзаке, хотя именно на такой случай я всегда беру их с собой. Я устремляюсь вниз, стараясь догнать Ляшеналья. На вершине мы были в два часа, из лагеря вышли в шесть. Надо примириться с очевидностью: я утратил всякое чувство времени. Мне кажется, что я бегу, на самом деле иду нормально и даже, может быть, медленнее обычного. То и дело я вынужден останавливаться, чтобы восстановить дыхание. Облака покрыли теперь все небо. Все приобрело грязновато-серый цвет. Поднимается леденящий ветер, не предвещающий ничего хорошего. Вперед! Но где же Ляшеналь! А я-то думал, что он еще

не полностью вошел в форму, Замечаю его по крайней мере в двухстах метрах ниже себя. Он бежит не останавливаясь.

Облака сгущаются, спускаются ниже, ветер дует сильнее, но холода не чувствуется. Может быть, быстрота спуска усилила кровообращение?

Найду ли я палатки в тумане?

Я поглядываю на ребро с пиком в форме птичьего клюва, возвышающееся над лагерем. Мало-помалу оно исчезает в облаках, но, к счастью, внизу виднеется острое лезвие контрфорса. Если туман станет еще гуще, я пойду прямо к ребру, спущусь вдоль него и неминуемо наткнусь на палатку.

По временам Ляшеналь исчезает, затем туман сгущается настолько, что я окончательно теряю его из виду. Я иду тоже быстро, на пределе дыхания.

Склон становится круче. Снег перемежается участками чистого льда. Хороший признак! Я приближаюсь к лагерю. Как трудно ориентироваться в сплошном тумане! Стараюсь сохранить правильное направление, ориентируясь по главному склону. Рельеф пересеченный, спускаюсь на кошках по стенкам чистого льда.

Какие-то пятна... Еще несколько шагов... Это действительно лагерь, но здесь две палатки!

Значит, Ребюффа и Террай пришли. Какое счастье! Сейчас они узнают, что мы победили, что мы возвращаемся с вершины. Как они будут рады!

Ну вот и все! Подхожу сверху. Обе палатки поставлены входом друг к другу. Площадка удлинена, палатки немного сдвинуты в стороны. Натыкаюсь на растяжку первой палатки. Внутри задвигались, меня услышали. Вот Ребюффа. Затем показывается голова Террая.

– Готово! Мы возвращаемся с Аннапурны!

Трещина

Знаменательная новость встречена с энтузиазмом.

– Пстой, – удивляется Террай, – а где Бискант? В его голосе слышится тревога.

– Сейчас придет. Он был немного впереди. Какой день! Мы вышли в шесть часов утра, шли без перерыва... Наконец добились!

Слов не хватает. Так много надо сказать!..

Смотрю на дружеские лица, и странное ощущение, овладевшее мной с утра, пропадает. Внезапно вновь чувствую себя членом альпинистской семьи.

Террай, полный радости, сжимает мне руки... Улыбка исчезает с его лица.

– Морис! Твои руки!..

Зловещее молчание. Я уже забыл, что у меня не было рукавиц: мои пальцы, мертвенно-белые, с фиолетовым оттенком, тверды как дерево. В отчаянии смотрят на них друзья, сознавая серьезность случившегося.

Я купаюсь в атмосфере бессознательного радостного возбуждения. Нагнувшись к Терраю, шепчу ему:

– Ты ведь был в такой хорошей форме! Ты затратил столько усилий на этой вершине! Как жаль, что тебя не было с нами наверху!

– Все, что я делал, старина, было для экспедиции... А потом, раз ты вошел, значит, победила вся команда!

Мной овладевает безмерная радость. Как мне выразить, что значит для меня этот ответ? Радость победителя могла бы быть эгоистичной. Он превращает ее в чистое, незапятнанное счастье. Его ответ приобретает в моих глазах всеобъемлющее значение. Он доказывает, что победа над вершиной не является только личным подвигом и предметом личной гордости; нет, Террай первым понял, что это победа всех нас, победа коллектива.

– Эй! Эй! Помогите!

– Бискант! – восклицают Ребюффа и Террай. Опьяненный победой, потеряв чувство реальности, я ничего не слышу.

Сердце Террая сжимается: это его товарищ по связке, с которым он так много пережил, с которым он так часто был на волосок от смерти, с которым он одержал столько блестящих побед! Он высовывает голову из

палатки и видит Ляшеналея на склоне, в сотне метров ниже. Террай поспешно одевается, обувается.

– Скорее вниз!

Но на склоне уже пусто, Ляшеналь исчез! Террай невероятно потрясен. Он испускает нечленораздельные крики. Ужасное мгновение, когда на глазах исчезает товарищ, с которым прожиты вместе лучшие дни твоей жизни!

Подгоняемый ветром, по склону с бешеной скоростью проносится туман. В волнении Террай не сообразил, что в тумане расстояние обманчиво.

– Бискант! Бискант!

Он заметил его. Он кричит вне себя. Сквозь просвет Лионель видит своего друга, лежащего на склоне гораздо ниже, чем ему казалось.

Как сумасшедший, Террай устремляется вниз и не колеблясь ни секунды глиссирует с бешеной скоростью. Чем это кончится? Разве можно затормозить на этом твердом снегу? Но Террай недаром первоклассный лыжник. Резкий поворот, и он останавливается. От продолжительного падения у Ляшеналея шок. Он лежит неподвижно, с бессмысленным взором, без ледоруба, без шлема, без рукавиц, с одной кошкой.

– У меня отморожены ноги! Веди меня вниз... скорее вниз. Удо меня спасет!

– Невозможно, – отвечает в отчаянии Террай, – ты же видишь, кругом буря, наступает ночь.

Однако Ляшеналея преследует ужасная мысль о грозящей ампутации.

В порыве отчаяния он вырывает у Террая ледоруб и пытается уйти. Но тут же, убедившись в бесполезности своих действий, соглашается на подъем. Террай безостановочно рубит ступени. Измученный, опустошенный Ляшеналь ползет на четвереньках...

В это время я лежу в палатке Ребюффа. Сердце его холодеет при виде моих пальцев. Он заботливо ухаживает за мной. Урывками я рассказываю о сегодняшнем дне. Сознывая действительное положение вещей, он начинает меня хлестать по пальцам концом веревки. Снять ботинки удастся лишь с большим трудом, так как ноги распухли. Ребюффа растирает пальцы ног, хлещет по ним веревкой. Слышно, как в соседней палатке Террай проделывает то же с Ляшеналем.

Трагические минуты!

Да, Аннапурна побеждена, первый восьмитысячник взят. Каждый из нас был готов пожертвовать всем ради этой победы. И все же что сейчас думают наши товарищи при виде наших рук и ног?

За стенками палатки свирепствует буря. Густой туман. Быстро наступает мрак. Падает снег. Как и в предыдущую ночь, приходится удерживать стойки, чтобы палатки не унесло.

У нас только два надувных матраса. Чтобы защититься от ледящего снега, Ребюффа и Террай усаживаются на рюкзаки, веревки, продукты. Они без устали растирают, колотят, хлещут. Иногда удары приходится по живому месту, в обеих палатках раздаются вопли. Ребюффа настойчив. Какая мучительная боль! Но необходимо продолжать. Понемногу руки и ноги оживают. Кровообращение восстанавливается. Ляшеналь в таком же состоянии.

У Террая хватило мужества приготовить горячее питье. Он кричит Ребюффа, что сейчас передаст ему кружку; две руки протягиваются навстречу друг другу через входы палаток, немедленно покрываясь снегом. Температура кипящей жидкости не превышает 60°, и я с жадностью ее проглатываю. Самочувствие резко улучшается.

Кошмарная ночь! Бешеные порывы ветра не прекращаются. Заваливая палатку, непрерывно падает снег.

Временами из соседней палатки доносятся возгласы: Террай с поразительной настойчивостью продолжает растирать товарища, останавливаясь лишь для того, чтобы напоить его кипятком. Ребюффа совершенно обессилен, он доволен, что теплота вернулась в мои пальцы.

В полузабытьи я не чувствую течения времени. Изредка до меня доходит истинно драматический характер нашего положения, но большей частью я пребываю в необъяснимом состоянии опьянения, не думая о последствиях восхождения.

Чем дальше, тем хуже. Снова под тяжестью снега оседает палатка, и снова возникает ужасное ощущение медленного, беззвучного удушья. Иногда меня охватывает приступ бешенства, и я изо всех сил пытаюсь приподнять руками раздавливающую меня массу. От яростного усилия я задыхаюсь, но все остается по-прежнему. Тяжесть еще больше, чем в предшествующую ночь.

– Гастон! Гастон!

Узнаю голос Террая.

– Надо выходить!

Я слышу слова, но до меня плохо доходит их смысл. Разве уже рассвет?

Я несколько не удивляюсь, что мои товарищи отказываются от восхождения. Я не сознаю всего величия их жертвы.

Буря свирепствует с удвоенной яростью. Палатка дрожит, полотнища

угрожающе хлопают. Утром погода была приемлемой. А что, если это уже муссон? Мы знали, что он приближается. Может быть, это его первая атака?

– Гастон, как вы там, готовы? – торопит Террай.

– Минутку! – отвечает Ребюффа.

Задача нелегкая: меня нужно обуть, одеть. Я беспомощен, как ребенок. В соседней палатке Террай кончает одевать Ляшеналья; у него опухшие ноги не влезают в ботинки. Террай отдает ему свои, несколько больше. Чтобы надеть ботинки Ляшеналья, ему приходится сделать в них надрезы. Из чувства предосторожности он укладывает в рюкзак спальный мешок и немного продуктов и кричит, чтобы мы последовали его примеру. Потерялись ли эти слова в вое бури? Или в нетерпении покинуть этот ад мы не придали значения совету?

Ляшеналь и Террай уже снаружи. До нас доносится:

– Мы пошли!

Наступает наша очередь. На четверых у нас только два ледоруба. Их, естественно, забирают Ребюффа и Террай. Ребюффа привязывает меня к своей веревке.

Оставляем палатки. В последний момент мелькает нелепая мысль: жаль бросать хорошее снаряжение!

Первая связка уже, кажется, далеко внизу. Снежные вихри нас ослепляют. На расстоянии метра мы уже не слышим друг друга. На нас штормовки, и все же очень холодно. Я часто проскальзываю в снегу, и веревка оказывается очень кстати.

Первая двойка не теряет времени. Ляшеналь, идущий первым на страховке Террая, торопится. Ему не терпится скорее спуститься. Следы исчезли, но все отчетливо помнят путь: надо спуститься по склону на 400 метров, затем траверсировать влево на 150—200 метров, и мы доберемся до лагеря IV, где должны сейчас быть Кузи и Шац^[96].

Снегопад уменьшился, ветер немного стихает. Неужели просвет? Мы боимся поверить.

Впереди вырисовывается стена сераков.

– Влево, – говорю я, – я прекрасно помню!

Остальные считают, что нужно обходить справа. Спуск продолжается. Ветер стих окончательно, но снег падает густыми хлопьями. Плотный туман, ни зги не видно. Чтобы не потеряться, движемся гуськом. Я иду третьим и еле вижу Ляшеналья, спускающегося первым. Местность совершенно неузнаваема. У каждого из нас богатый опыт восхождений, и мы хорошо знаем, что в такую погоду даже на знакомом маршруте

заблудиться нетрудно. Расстояния искажены, очертания изменяются: мы спотыкаемся о бугры, казавшиеся нам впадинами. Туман, склон, падающие хлопья снега – все сливается в однообразный белесоватый ковер. Высокие силуэты сераков принимают фантастические очертания, кажется, что они медленно движутся вокруг нас.

Отчаиваться рано, мы еще не заблудились! Нужно только спуститься немного пониже: там начнется траверс влево, я хорошо помню серак, являющийся ориентиром... Снег покрывает штормовки. Мы походим на белые привидения, безмолвно скользящие на белом фоне. Начинаем глубоко проваливаться. Что может быть тяжелее для уже обессиленных людей?

Где мы находимся? Слишком высоко или слишком низко? Никто не может сказать. Возьмем влево!

Этот ненадежный снег очень опасен, но мы не сознаем этого. Приходится примириться с очевидностью: мы пошли по ложному пути. Надо подняться обратно и обойти возвышающийся над нами серак: вероятно, там мы найдем правильный путь. Вслед за Ребюффа вновь проходим так тяжело доставшийся нам участок. Я двигаюсь судорожными шагами, твердо намереваясь идти до конца. Но если Ребюффа сорвется, удержать его я не смогу.

Без конца переходим от одного серака к другому. Каждый раз кажется, что мы нашли правильный путь, и каждый раз нас ждет разочарование. Если бы только рассеялся туман, если бы ненадолго перестал падать снег! Толщина его на склонах растет со страшной быстротой... Лишь Ребюффа и Террай в состоянии прокладывать путь. Они меняются через равные промежутки, без колебаний, без единого слова.

Я восхищен настойчивостью Ребюффа, благодаря которой он приобрел такую известность. С невероятным ожесточением, с отчаянным напряжением он движется вперед. Медленность продвижения могла бы привести в уныние любого, но он продолжает бороться, и вершина в конце концов уступает его настойчивости.

Террай, наоборот, рвется напролом как бешеный. Он подобен стихии, он хочет во что бы то ни стало разбить стены тюрьмы, держащей нас в заточении. Его сила исключительна, его воля не менее замечательна.

Ляшеналь доставляет ему много забот. Может быть, его рассудок не в полном порядке? Сейчас он утверждает, что нет смысла продолжать спуск, что надо вырыть яму в снегу и дожидаться хорошей погоды. Он оскорбляет Терраю, называет его сумасшедшим. Но кто иной стал бы так заботиться о нем, кто способен вытащить его отсюда, если не Террай? Лионель дергает

веревку, и Ляшеналь вынужден следовать за ним.

На этот раз мы действительно заблудились.

Погода не улучшается. Еще несколько минут назад у нас были какие-то смутные соображения, выбрать ли тот или иной путь, сейчас все равно: идти направо или налево. Мы движемся наугад, надеясь на чудо, которое становится все менее вероятным. Инстинкт самосохранения, еще теплящийся у Лионеля и Гастона, постепенно сменяется отчаянием и полным безразличием. Поочередно они делают безумные вещи: Террай с одной болтающейся кошкой на ноге пересекает крутые и лавиноопасные склоны. Однако оба они проявляют чудеса, спускаясь без единого срыва, без единого проскальзывания.

Мы хорошо знаем, что лагерь IV расположен на краю "Серпа". Все с этим согласны. Но найти его очень трудно. Ледяная стена, так хорошо его укрывающая, становится теперь для нас роковой. Она прячет от нас лагерь. Обнаружить в этом тумане маленькие палатки можно, только уткнувшись в них носом.

Может быть, нас услышат? Ляшеналь пытается кричать, но звук замирает, поглощенный снегом. По команде кричим хором:

– Раз... два... три... На помощь!

Нам кажется, что этот крик должен быть слышен далеко. Повторим:

– Раз... два... три... На помощь! Молчание.

По временам Террай разувается и растирает коченеющие ноги. Наш печальный пример заставил его осознать всю опасность положения, и он энергично борется. Так же, как Ляшеналь, его преследует мысль об ампутации. Что касается меня – уже слишком поздно! Я чувствую, что руки и ноги, так сильно пострадавшие вчера, теперь отмерзают вновь.

Со вчерашнего дня мы ничего не ели, хотя работали непрерывно. Перед лицом смерти силы человека неизмеримо возрастают. Кажется, все уже кончено, но нет! Есть еще запас, нужно только иметь достаточно воли, чтобы к нему прибегнуть.

Незаметно проходит время. Приближается ночь. Нас одолевает ужас, однако никто не выдает своих чувств.

Мы с Ребьюффа наталкиваемся на проход. Он кажется знакомым, но нас останавливает чрезмерная крутизна склона: в тумане он выглядит совсем как отвесная стена. На следующий день стало ясно, что мы были всего в тридцати метрах от лагеря и что именно под этой стеной стояли палатки, которые могли бы нас спасти.

– Надо найти трещину!

– Не будем же мы торчать здесь всю ночь!

– Вырыть яму! Единственное спасение.

– Все мы здесь подохнем.

Ночь подкралась внезапно. Необходимо не теряя ни минуты принять какое-то решение. Если мы останемся на склоне, нам не дожить до утра. Нужно устраивать бивак. Можно себе представить, в каких условиях! Каждый из нас понимает, что такое холодная ночевка на высоте 7000 метров...

Террай начинает копать ледорубом яму. В нескольких метрах от него Ляшеналь ходит по засыпанной снегом трещине. Внезапно он с криком проваливается. Мы стоим беспомощные: хватит ли у нас или, вернее, у моих товарищей сил, чтобы его вытащить оттуда? Трещина вся покрыта снегом, и только небольшая дыра зияет на месте падения. Террай кричит:

– Э-гей! Э-гей! Ляшеналь!

Заглушённый толстым слоем снега и льда, до нас доносится голос. Разобрать слова невозможно.

– Э-гей! Ляшеналь!

Террай резко дергает веревку, на этот раз мы слышим!

– Я здесь!..

– Цел?

– Цел! Здесь можно ночевать! Спускайтесь! Случилось чудо! Никогда у нас не хватило бы сил, чтобы

вырубить во льду защищенное от ветра убежище. Не колеблясь, Террай прыгает в трещину. Звонкое "давай!" сигнализирует о его успешном приземлении. В свою очередь соскальзываю вниз – настоящий бобслей! Меня несет по кривому, очень крутому туннелю длиной метров десять, вылетаю на большой скорости в пещеру и плюхаюсь на дно. Рывком веревки даю знать Ребюффа, что он может спускаться.

Вокруг царит ужасный холод. Пещера сырая, стены ее слезятся. Прижавшись друг к другу, мы с трудом ущемляемся на свежем снегу, покрывающем дно. С потолка свешиваются сосульки. Обломав несколько штук, ухитряемся

немного увеличить свободное пространство над головой. Сосем кусочки льда: мы давно уже ничего не пили.

Таково наше убежище на эту ночь.

По крайней мере, здесь мы защищены от ветра, и температура не понизится намного. Сырость чрезвычайно неприятна. Устраиваемся в темноте насколько возможно. Как на всяком биваке, снимаем ботинки, иначе стиснутые пальцы немедленно замерзнут. Террай расстилает спальный мешок и устраивается с относительным комфортом. Мы

надеваем на себя все теплые вещи. Чтобы не соприкоснуться со снегом, я усаживаюсь на киноаппарат.

Прижимаемся друг к другу, пытаюсь найти такое положение, при котором теплота наших тел суммировалась бы без потерь. Однако мы непрестанно шевелимся.

Сидим безмолвно: движение требует меньших усилий, чем слова. Каждый замыкается в себе. Террай растирает ноги Ляшеналю. Ребюффа чувствует, что у него тоже замерзают ноги, но находит в себе силы растирать их. Я сижу неподвижно, бездумно. Ноги и руки у меня продолжают замерзать, но что делать? Стараюсь не думать о боли; свернувшись в клубок, пытаюсь забыть о времени, забыть о холоде, который предательски проникает в каждую клетку, делая тело нечувствительным.

Террай делит свой спальный мешок с Ляшеналем. Он прячет ступни и кисти друга в драгоценный пух и одновременно продолжает растирание.

"Во всяком случае, обморожение дальше не пойдет", – думает он.

Малейшее движение одного беспокоит всех остальных. С трудом найденные положения все время изменяются, нужно начинать сначала. Все это как-то отвлекает нас. Жалуясь на ноги, Ребюффа продолжает настойчиво их растирать. Так же как Террай, он думает: "Дотянем до завтра, а тогда уж будет видно!"

Но он прекрасно сознает, что это «тогда» является большим вопросительным знаком.

С трогательной заботливостью Террай старается уделить мне часть спального мешка. Он осознал серьезность моего состояния и догадывается, почему я сижу спокойно и молча. Он понял, что я уже отказался от борьбы. В течение двух часов Лионель растирает мне ноги. Хотя ему самому в это время грозит обморожение, он не думает об этом. Восхищение его благородством дает мне мужество. Он так много делает, чтобы сохранить мне жизнь, что с моей стороны было бы неблагодарностью отказаться от борьбы.

Кажется, что даже сердце превратилось в лед, но, к своему удивлению, я не ощущаю боли. Все материальное во мне как бы атрофировалось. Сознание ясное, и в то же время я пребываю в состоянии какого-то счастливого спокойствия. Во мне еще тлеет искра жизни, но все более и более тускло. Я уже не обращаю внимания на усилия Террая. Кажется, скоро конец. Разве эта пещера не самая прекрасная из гробниц? Смерть меня не страшит, не вызывает никаких сожалений; я улыбаюсь ей.

В течение многих часов мы находимся в оцепенении.

– Настало утро! – бормочет кто-то.

Эта новость производит на моих товарищей некоторое впечатление. Меня она удивляет: я не думал, что дневной свет может проникнуть на такую глубину.

– Слишком рано для выхода! – замечает Ребюффа.

В пещере царит зловещий сумрак. Можно смутно различить очертания голов.

До нас доносится странный далекий звук, похожий на продолжительное шипение. Он все усиливается, приближается... Внезапно меня засыпает, ослепляет лавина свежего снега. Он заполняет пещеру, проникает сквозь одежду. Я прячу голову в колени и закрываюсь руками. Снег все течет, течет... Стоит гробовое молчание.

Нас не завалило с головой, но все наши вещи засыпаны. Стараясь не стукнуться головой о ледяной потолок, приподнимаемся и отряхиваемся. Мы стоим в снегу босиком. Прежде всего надо разыскать одежду.

Ребюффа и Террай начинают поиски, и сразу же выясняется, что оба ослепли. Вчера, на спуске, они сняли очки. Сегодня приходится расплачиваться.

Ляшеналю первому удастся наткнуться на пару ботинок. Он пробует их надеть: это ботинки Ребюффа. Последний в это время пытается вылезть по крутому туннелю, где мы вчера спускались.

– Эй, Гастон! Какая погода? – кричит Террай.

– Ничего не вижу, сильный ветер!..

Террай нашел свои ботинки и натягивает их ощупью с помощью Ляшеналья. Бискант в припадке нервного возбуждения проявляет поразительное нетерпение, составляющее резкий контраст с моей неподвижностью.

В свою очередь Террай устремляется в ледяной туннель. Пыхтя и ругаясь, он наконец вылезает на поверхность. Его встречают ужасные порывы ветра, пронизывающие насквозь и хлещущие по лицу.

"Плохая погода, – мелькает в голове, – на этот раз – конец. Мы пропали... Нам не выбраться!"

В глубине пещеры мы вдвоем продолжаем искать ботинки. Ляшеналь яростно тычет ледорубом. Я гораздо спокойнее и пытаюсь действовать методически. Постепенно мы извлекаем из снега кошку, ледоруб, но ботинок все нет!

Итак, эта пещера будет нашим последним убежищем!

Места мало. Согнувшись вдвое, мы мешаем друг другу, Ляшеналь решает вылезать босиком. Отчаянно крича, он подтягивается на веревке,

старается как-то зацепиться, заклиниться, царапая пальцами ног снежную стенку. Снаружи Террай тянет изо всех сил: я вижу, как Ляшеналь медленно поднимается и наконец исчезает.

Когда он вылезает на поверхность, перед ним открывается безоблачное небо. Как безумный он бежит взад и вперед и кричит:

– Хорошая погода, хорошая погода!

Я снова перерываю пещеру. Во что бы то ни стало надо найти ботинки, иначе мы с Ляшеналем обречены. Падаю на четвереньки. Роюсь в снегу, голыми руками и ногами перемешиваю его во всех направлениях, надеюсь наткнуться на что-нибудь твердое. Я больше ни о чем не думаю, я просто животное, борющееся за жизнь.

Нахожу ботинок! Второй должен быть к нему привязан – пара!

Я продолжаю настойчиво, упрямо искать и наконец, перевернув всю пещеру, нахожу последнюю пару.

Фотоаппарат? Несмотря на все усилия, я не могу его найти и с тяжелым сердцем прекращаю поиски. О том, чтобы надеть ботинки, не может быть и речи: кисти рук – как деревяшки, пальцы не в состоянии держать, ноги сильно распухли, на них не налезут ботинки! Кое-как прикручиваю ботинки к веревке и кричу в туннель:

– Лионель!.. Ботинки!

Ответа нет. Однако он, очевидно, услышал, потому что ботинки уплывают вверх. Вскоре веревка спускается обратно: теперь моя очередь. Я обертываю ее вокруг себя, и так как затянуть надежно узел я не в состоянии, то завязываю множество мелких узелков. Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы выдержать мой вес. Кричать не хватает сил: я дергаю веревку, Террай меня понял.

На первом же шагу приходится выбить ногой в твердом снегу ступеньку для пальцев. Выше, вероятно, можно будет заклиниться, и дело пойдет легче. Поднявшись на несколько метров, пытаюсь воткнуть в стену окаменевшие кисти и ступни. Ни руки, ни ноги не гнутся, и это очень мешает подъему.

Кое-как удается заклиниться. Террай тянет с такой силой, что мне грозит удушье. Несколько раз я срываюсь: цепляюсь, заклиниваюсь и каждый раз ухитряюсь как-то задержаться. Сердце готово выскочить из груди, и я вынужден остановиться. Новый приступ энергии позволяет мне ползком добраться до верха. Уцепившись за ноги измученного Террая, я выползаю наружу. Террай возле меня. Я шепчу:

– Лионель! Я умираю!..

Он поддерживает меня и помогает вылезти из трещины. Нужно

добраться до Ляшенала и Ребюффа, сидящих на снегу в нескольких шагах от нас. Как только Лионель меня

Погода великолепная. Вчера выпало много снега. Вершина сверкает. Никогда она не была так красива! Наш последний день будет прекрасен.

Ребюффа и Террай совсем ослепли. Террай поминутно спотыкается, и мне приходится вести его. Ребюффа также не в состоянии самостоятельно сделать ни одного шага. Ужасно быть слепым, когда опасность подстерегает на каждом шагу. У Ляшенала отморожены ноги, и он не владеет собой. Его поведение внушает тревогу, ему вдруг приходят в голову бредовые идеи.

– Я тебе говорю... надо спускаться!.. Сюда, вниз...

– Ты же босой!

– Не беспокойся!

– Ты сошел с ума... не сюда... налево!

Он уже поднялся и хочет спускаться по склону прямо вниз. Террай его удерживает и ошупью помогает надеть ботинки.

Я живу словно во сне. Смерть близка, я чувствую. Какая прекрасная смерть для альпиниста! Как она гармонирует с благородной страстью, владеющей нашими душами! Я благодарен вершине за то, что она сегодня так прекрасна. Ее безмолвие напоминает величие собора. Я нисколько не страдаю и не волнуюсь. Мое спокойствие ужасно. Шатаясь, Террай подходит ко мне. Я говорю ему:

– Для меня все кончено! Уходите, у вас есть еще шанс, надо его использовать... Идите влево... путь там!

Я чувствую себя лучше после этих слов. Мне хорошо. Но Террай смотрит на вещи иначе.

– Мы поможем... Если мы отсюда вылезем, значит, спасешься и ты!

В этот момент Ляшеналь кричит:

– На помощь! На помощь!..

Он явно не понимает, что делает. А может быть, понимает? Ведь он один может сейчас видеть лагерь II, Может быть, его призывы будут услышаны.

Это крики отчаяния, они трагически напоминают мне сигналы бедствия, подаваемые в массиве Монблана альпинистами, которых я некогда пытался спасти. Теперь наша очередь... Я чувствую это очень остро: да, мы действительно терпим бедствие.

Я присоединяю свой голос:

– Раз... два... три... На помощь!

– Раз... два... три... На помощь!

Мы стараемся кричать хором, но тщетно, вряд ли наши крики слышны больше чем на несколько метров. С моих губ срывается скорее шепот, чем крик.

Террай требует, чтобы я надел ботинки. Но руки окаменели, я не в состоянии это сделать. Ничего не видя, Ребюффа и Террай вряд ли смогут мне помочь. Я говорю Ляшеналу:

- Помоги мне надеть ботинки.
- Ты что, спятил? Надо спускаться!..

Он устремляется по неправильному пути прямо вниз. Я не чувствую ни малейшей обиды. Происшедшие события и высота сильно повлияли на его разум.

Террай решительно хватает нож, ощупывает своими окаменевшими пальцами ботинки и разрезает верх. Теперь их можно надеть. Приходится делать несколько попыток, так как задача не из легких. Вскоре я впадаю в уныние. Зачем мучиться, раз все равно мне суждено здесь остаться? Но Террай тянет вовсю. В конце концов он добивается успеха. Он зашнуровывает эти громадные ботинки, пропуская крючки. Я готов. Но как я смогу идти, если ни ноги, ни руки не гнутся?

– Налево, Лионель!

– Не болтай вздора, Морис, – говорит Ляшеналь, – надо идти направо и прямо вниз!

Террай озадачен этими противоречивыми указаниями. Он не смирился, как я, он продолжает бороться, но что можно сделать в такую минуту? Трое товарищей спорят о правильном пути.

Я сижу на снегу. Мало-помалу сознание затуманивается. Зачем сопротивляться? Будь что будет! В мозгу возникают видения: тенистые склоны, мирные тропинки... запах смо лы... Как хорошо! Я умираю в своих горах... Я ничего не чувствую, все во мне замерзло...

– А-а!..А-а!..

Что это? Предсмертный хрип?.. Или призыв?

Я собираю все силы, чтобы крикнуть: "Сюда идут!.."

Остальные меня услышали, они кричат от радости.

Сказочное явление! Шац!.. Это Шац!

В двухстах метрах от нас, погружаясь по пояс в свежий снег, Марсель Шац, как корабль, плывет по склону.

Изумительное видение неотразимо сильного и могучего спасителя! Я жду от него всего. Я перенес глубочайшее потрясение. Я был уже в объятиях смерти, я отдался ей. Теперь я возвращаюсь к жизни, я хочу жить! Во мне происходит резкий перелом... Нет, не все еще потеряно!

Он приближается... Мой взор прикован к нему... двадцать метров... десять метров... Он идет ко мне... Зачем? Он молча нагибается, прижимает меня к своей груди, целует... Его горячее дыхание меня оживляет...

Я не могу сделать ни одного движения: я как мрамор! Сердце рвется от волнения.

Глаза остаются сухими.

– То, что вы сделали, прекрасно! – говорит Шац.

Лавина

Я то прихожу в себя, то теряю сознание. У меня странное ощущение, как будто глаза стали стеклянными. С материнской заботливостью Шац привязывает меня к своей веревке. Мои товарищи кричат от радости. Безоблачное небо глубоко синего, характерного для больших высот цвета, столь темное, что почти видны звезды. Мы купаемся в жарких лучах солнца. Шац обращается ко мне:

– Морис, голубчик, пошли потихоньку!

Голос проникнут нежностью. Я с благодарностью повинуюсь. С его помощью мне удастся подняться и как-то удерживать равновесие. Двигаясь вперед, Шац тихонько тянет меня за собой. У меня такое чувство, как будто я вхожу в соприкосновение со снегом через посредство двух посторонних предметов, твердых, прямых, как ходули: это мои ноги...

Остальных я уже не вижу, а обернуться боюсь, чтобы не потерять равновесия.

Блеск снега ослепляет. Мы не проходим и двухсот метров, когда, обогнув ледяную стену, наталкиваемся на палатку. Мы ночевали в двухстах метрах от лагеря!

Кузи поднимается при нашем появлении. Не говоря ни слова, он сжимает меня в объятиях и целует. Террай бросается в палатку снять ботинки. У него тоже немного обморожены пальцы на ногах. Он немилосердно их трет и хлещет.

Во мне оживает воля к жизни. Стараюсь трезво оценить положение. У нас немного ресурсов, нужно суметь их использовать. Единственное спасение – это Удо. Он один сможет спасти наши руки и ноги. Я с восторгом принимаю предложение Шаца: немедленно спускаться в нижний лагерь IV, вновь установленный шерпами.

Террай хочет остаться в палатке. С энергией отчаяния он колотит по ступням и кричит:

– Приходите за мной завтра. Я хочу быть целым или мертвым!

У Ребюффа ноги также поморожены, но он предпочитает немедленно спускаться и скорее добраться до Удо. Вместе с Кузи и Ляшеналем он начинает спуск. Шац продолжает меня опекать, за что я ему глубоко благодарен. Он берется за веревку и дружески подталкивает меня вперед.

Сразу идет очень крутой склон. Тонкий слой снега на льду наполовину растаял и совершенно не держит. Я часто срываюсь, но каждый раз Шац

задерживает меня на натянутой веревке.

Ниже на склоне виден широкий след. Видимо, отсюда наши товарищи просто съехали к нижнему лагерю IV, вызвав лавину, очистившую склон. Это усложняет и без того нелегкий спуск.

В лагере ко мне сразу же подходят шерпы, занимавшиеся раскапыванием заваленных лавиной палаток. В их взглядах

столько доброты и сочувствия, что я впервые осознаю, насколько печально мое положение. В углу Ляшеналь растирает свои ноги, а Панзи время от времени ободряет его, уверяя, что доктор-сагиб его вылечит.

Я тороплю людей, главная цель – быстрейший спуск. Наплевать на снаряжение, нужно покинуть вершину до следующей атаки муссона.

Судьбу пострадавших решают считанные часы. Ляшеналь, Ребюффа и меня необходимо сопровождать, и для этой цели я выбираю Айлу и Саркэ. Стараюсь объяснить шерпам, что они должны страховать меня на очень короткой веревке. Ляшеналь и Ребюффа, не знаю почему, связываться не хотят.

Пока мы спускаемся, Шац вместе с Анг-Таркэ и Панзи идет вверх за Терраем. Шац молодец! Никто другой не способен проявить ни малейшей инициативы.

После трудного подъема он добирается до Террая.

– Можешь собираться, через некоторое время пойдем, – говорит он.

– Ноги начинают отходить, – отвечает Террай, настроенный теперь более мирно.

– Я пройду к трещине... Морис не нашел аппарата... а там все высотные снимки!..

Террай не отвечает, он плохо соображает. Лишь через несколько дней мы оценим героизм Шаца. Он долго копается в снегу на дне пещеры. Террай начинает беспокоиться... Наконец Шац возвращается, неся фотоаппарат с пленкой, снятой на вершине. Он нашел также мой ледоруб и другие вещи. Однако киноаппарата он так и не откопал. Таким образом, фильм заканчивается кадрами, снятыми на высоте 7000 метров.

Начинается спуск. Анг-Таркэ ведет себя изумительно, он идет впереди и рубит для Террая удобные ступени. Спускаясь последним, Шац внимательно страхует всю группу.

Первая группа, в которой иду я, спускается бесконечно медленно. Снег мягкий, и мы проваливаемся по колено. Ляшеналь чувствует себя все хуже, он часто останавливается, жалуется на свои ноги. Ребюффа идет в нескольких метрах за мной.

Необычайная жара внушает тревогу. Я боюсь, что именно здесь может

закончиться история Аннапурны. Говорят, что альпинисты обладают шестым чувством, предупреждающим их об опасности. Сейчас я чувствую эту опасность всем своим существом. Я ощущаю что-то необычное в атмосфере. Накануне был большой снегопад, и сейчас жара подтачивает эти колоссальные, готовые обрушиться массы снега. В Европе ничто не может дать представления об ужасной силе таких лавин. Они не имеют ничего общего с лавинами в Альпах. Они идут фронтом в несколько километров, а впереди движется сметающая все ударная волна.

Отражение от снега так сильно, что без очков невозможно открыть глаза. Никогда еще вершина не была столь величественной, как в эти минуты крайней опасности. К счастью, мы довольно далеко друг от друга: риск немного меньше.

Шерпы забыли путь. То и дело я с большим трудом выхожу вперед и спускаюсь на всю длину веревки до удобного места. У меня нет кошек, держать ледоруб я не в состоянии. Слишком медленно, как мне кажется, мы теряем высоту, меня угнетает, что шерпы так медлительны, излишне осторожны и в то же время так неуверенны. В действительности они идут прекрасно, но я горю нетерпением и не могу объективно оценить их возможности.

Ляшеналь намного отстал, каждый раз, когда я оборачиваюсь, я вижу его сидящим на склоне. Он тоже обжег себе глаза, хотя не так сильно, как Ребюффа и Террай, и это мешает ему уверенно выбирать путь. Ребюффа движется наугад, его лицо искажено страданием. Тем не менее он упрямо идет вперед. Кулуар пройден без всяких происшествий, и я рад, что этот опасный участок остался позади.

Солнце в зените. Погода великолепна, краски изумительны.

Внезапно под ногами шерпов появляется трещина: отделяется колоссальный участок склона, трещина становится все длиннее и шире. В голове мелькает дикая мысль: бежать вверх по склону, добраться до надежного снега... Меня приподнимает, подхватывает нечеловеческая сила. Шерпы исчезают из виду. Я лечу через голову... ничего не вижу... Ударяюсь головой об лед... Несмотря на все усилия, дышать невозможно. Резкий удар по левому бедру причиняет мне острую боль. Я кувыркаюсь, как картонный паяц... Сквозь мелькающий перед глазами снег как молния ослепительно сверкает солнце... Веревка, соединяющая меня с Саркэ и Айлой, захлестывается вокруг шеи: шерпы, катящиеся ниже по склону, меня сейчас задушат. Боль невыносима... Я задыхаюсь! Непрерывно ударяюсь об лед. Меня бросает от одного серака к другому... Снег душит... Вдруг веревка резко натягивается. Я остаюся. Не приходя

окончательно в сознание, начинаю непроизвольно мочиться.

Открываю глаза. Я вишу головой вниз; веревка держит меня за шею и левую ногу. Я подвешен над пропастью в какой-то ледяной дыре. Развожу в стороны локти, пытаюсь прекратить невыносимое качание, отбрасывающее меня от одной стенки к другой. Подо мной виднеются нижние склоны кулуара. Дыхание восстанавливается. Какое счастье, что веревка выдержала!

Надо непременно выбраться отсюда. Ноги и руки потеряли чувствительность, но можно использовать небольшие неровности стенок, где уместится край подошвы. Резкими рывками мне удастся освободить от веревки левую ногу. С большим трудом я переворачиваюсь и поднимаюсь на несколько метров. После каждого движения останавливаюсь, уверенный в том, что исчерпал последние силы. Через секунду, возможно, я сорвусь, и все будет кончено.

Еще одно отчаянное усилие – еще несколько сантиметров!.. Тяну за веревку... чувствую на другом конце что-то мягкое, наверное, тела шерпов. Я кричу... но так слабо!

В ответ гробовое молчание.

А где Гастон?

На меня падает тень, как будто проходит облако. Инстинктивно поднимаю глаза... Чудо!..

Две черные, испуганные физиономии вырисовываются на фоне голубого неба: Айла и Саркэ!

Шерпы целы и невредимы. Они собираются меня спасти. Я не в состоянии дать ни малейшего совета. Айла исчезает, Саркэ остается у края дыры. Они начинают тянуть веревку очень осторожно, чтобы не причинить мне боль. Уверенность и сила, с которыми они вытаскивают меня, укрепляют мое мужество. Наконец я вылезаю из дыры и валяюсь на снег.

К счастью, при падении я и шерпы уравнили друг друга. Вережка застряла на ледяном гребешке, и мы повисли по обеим сторонам его. Если бы не случай, мы летели бы еще пятьсот метров. Вокруг нас все перевернуто лавиной. Где Ребюффа? Я в смертельной тревоге: он не был связан... Подняв глаза, вижу его в ста метрах от нас.

– Все в порядке! – кричит он.

Я облегченно вздыхаю, но ответить ему не в силах. Лежа на снегу в полубессознательном состоянии, смотрю тупым взором на окружающий меня хаос.

Мы пролетели более ста пятидесяти метров. Остаться здесь опасно! Что, если пойдет вторая лавина? Я говорю шерпам:

– Now... Doctor Sahib... Quick, very quick!^[97]

Стараюсь объяснить жестами, показать, что меня надо держать очень надежно. При этом выясняется, что я повредил левую руку. Невозможно ею двигать, она не сгибается в локте. Перелом? Может быть. Позднее увидим!

Скорее к Удо!

Ребюффа начинает спускаться, он идет на ощупь и очень медленно. Сердце сжимается при виде его. Он также летел с лавиной и, очевидно, ударился лицом об лед, так как губы кровоточат. Он потерял свои очки, впрочем, и я также. Мы вынуждены держать глаза закрытыми. Айла обнаруживает у себя пару запасных очков, которые приходятся мне как нельзя кстати. Саркэ не колеблясь отдает свои очки Ребюффа.

Нельзя терять ни секунды. Скорее вниз! Шерпы помогают мне подняться. Я двигаюсь с трудом, еле сохраняя равновесие. Шерпы понимают наконец, что должны меня страховать. Огибаем участок, где прошла лавина. Вскоре вновь видны следы.

Перед нами первая стена. Как по ней спускаться? Снова прошу шерпов страховать меня как можно лучше:

– Take me up strongly because...^[98] – И я показываю им свои руки.

– Yes, sir, – отвечают они хором, как прилежные ученики.

Дохожу до крюка. От него вдоль стены свешивается веревка. За нее нужно ухватиться, другого выхода нет. Тяжелое испытание! Мои ноги, твердые как дерево, царапают ледяную стену. Онемевшие руки не могут держать тонкую веревку. Стараюсь обернуть ее вокруг кистей. Но они распухли, в нескольких местах кожа треснула. Громадные клочья кожи отделяются и прилипают к веревке. Обнажается мясо. Однако надо продолжать, нельзя же остановиться на полпути.

– Aila! Pay attention!.. Pay attention!..^[99]

Чтобы освободить кисти, я пропускаю веревку через предплечье и таким образом рывками опускаюсь. Приземляясь, я прыгаю примерно с высоты метра. Веревка выворачивает мне предплечье и запястье. Резкий удар отзывается в верхней части ног. Станный треск заставляет меня думать, что где-то произошел перелом. Вероятно, я не чувствую боли из-за обморожения.

За мной спускаются Ребюффа и шерпы, и мы продолжаем путь. Он кажется мне бесконечным. Плато с лагерем II представляется невероятно далеким. Мои силы исчерпаны. Каждую секунду я готов сдаться. Зачем упорствовать? Теперь для меня все кончено. Совесть моя спокойна: все спасены. Остальные спустятся... Вижу далеко-далеко внизу палатки...

Собираю остатки сил. Еще час, только час! Даю себе эту отсрочку, а затем, где бы я ни был, лягу на снег и, счастливый, освобожденный от всех забот, спокойно усну.

Это решение придает мне мужества. Я скольжу не останавливаясь. На таком склоне шерпы удерживают меня с трудом. Это чудо повторяется ежесекундно. Следы обрываются над бездной... вторая стена, самая большая, с навешенной веревкой. Пытаюсь примириться с неизбежным, но не могу даже представить себе, как я буду спускаться. Снимаю рукавицу с одной руки и красный шелковый шарф с другой. На этот раз все ставится на карту... Тем хуже для пальцев!

Помещаю Саркэ и Аилу на то место, откуда я обычно их страховал. Вдвоем, упираясь друг в друга, они держат страховочную веревку. Стараюсь схватить навешенную веревку. Никакой пощады! Закладываю ее между большим и указательным пальцами... Обе руки кровоточат. Начинаю спуск. Сразу же возникает мучительная альтернатива: если я отпущу веревку, мы все полетим вниз, если удержу, что останется от рук? Я удержу.

Каждый сантиметр причиняет ужасную боль, но я твердо решил с этим не считаться. От вида моих рук меня мутит. Обнаженное мясо ярко-красного цвета, веревка вся в крови. Стараюсь не полностью отрывать клочья кожи: предшествующие несчастные случаи научили меня, что следует тщательно сохранять эти лохмотья, так как в этом случае рана заживает быстрее. Пытаюсь по возможности уберечь руки, притормаживая животом, плечами, всеми возможными точками опоры. Когда же кончится эта пытка?

Добираюсь до ледового карниза, край которого я сам же срубил ледорубом при подъеме. Болтаю ногами, стараясь нащупать площадку. Увы! Кругом лед. Ни крупинки снега. Я еще не дотянулся. В отчаянии кричу шерпам:

– Quick... Aila... Sarki!..

Страховочная веревка спускается быстрее, и трение увеличивается.

Мои руки в ужасном состоянии. У меня такое чувство, что все мясо содрано. Наконец нога нащупывает какое-то препятствие: это расщелина. Все-таки добрался! Теперь, по-прежнему на страховке, надо проползти по ней. Всего три метра, но как они трудны!.. Теперь все!.. Погрузившись по пояс в снег, я лежу, измученный, не думая о времени.

Ребьюффа и шерпы уже подошли ко мне. Приоткрыв глаза, вижу черные точки, передвигающиеся возле палаток лагеря II. Саркэ обращает мое внимание на двух шерпов, поднимающихся нам навстречу: они еще

далеко, но все же это придает мне мужества.

Приходится вставать, отряхиваться; движение все более и более мучительно. Мне кажется, что отморожение уже достигло локтей и икр. Хотя погода стала пасмурной, Саркэ надевает на меня очки и натягивает на правую руку рукавицу. Левая рука так изуродована, что при виде ее ему становится не по себе, и он спешит обернуть ее моим красным шелковым шарфом.

Кошмарный спуск возобновляется. Кажется, каждый шаг будет последним. Мимо нас мчится туман, по временам через просветы видны силуэты поднимающихся шерпов. Вот они добрались до основания лавинного конуса. Но почему они остановились? Меня снова охватывает отчаяние.

Опять идет снег. Еще длинный траверс по трудному склону с ненадежной страховкой. Конус – в пятидесяти метрах.

Узнаю в быстро приближающихся шерпах Путаркэ и Ангаву. Они боятся услышать печальные вести. Ангава, вероятно, беспокоился о своих братьях Айле и Панзи. Айла с нами, он может его лицезреть целого и невредимого, а где Панзи?

Начинаются переговоры на расстоянии. Когда мы доходим до них, они уже все знают. У меня вырывается глубокий вздох облегчения, безмерная тяжесть свалилась с меня, такая тяжесть, от которой, казалось, я каждую минуту готов был умереть. Путаркэ рядом со мной. Его дружеская улыбка полна нежности и участия. Кто назвал этих людей примитивными? Кто сказал, что тяжелые условия существования лишили их чувства сострадания? Шерпы бросаются ко мне, снимают рюкзаки, открывают фляжки...

Хотя бы пару глотков... не более! Как долго я об этом мечтал!..

Путаркэ бросает взгляд на мои руки и в замешательстве поднимает глаза. С бесконечной грустью он шепчет:

– Бедный Бара-сагиб!

Появление шерпов подбадривает меня.

Теперь уже лагерь II недалеко. Путаркэ меня поддержит, а Ангава будет страховать обоих.

Путаркэ ниже меня, обнимаю его за шею и, опираясь на плечи, крепко прижимаюсь к нему. От его близости мне делается легче, теплота его тела придает мне силы.

Координация движений нарушена, и я иду неровными шагами, все больше и больше наваливаясь на Путаркэ. Даже с его помощью хватит ли у меня силы дойти? Собираю последние остатки воли. Умоляю Путаркэ

помочь. Он снимает с меня очки: я вижу лучше. Еще несколько шагов... последних...

В лагере II Марсель Ишак, в течение двух дней следивший за нами в бинокль, тщательно записал свои наблюдения. Вот несколько выдержек из его дневника.

"Суббота 3 июня^[100] – лагерь II: Удо и Нуаель выходят в 9 часов^[101]; в 10 часов 30 минут Нуаель возвращается. Может быть, применение кислорода себя не оправдало? Не мала ли подача к маске? Удо и трое шерпов очень медленно поднимаются по конусу.

В это время я играю в прятки с облаками, наблюдая в трубу теодолита, и слежу в бинокль за связками, находящимися над сераками "Серпа": четыре человека – Лионель и Ребюффа, за ними Кузи и Шац.

Мориса не видно. Он, наверное, где-то на предвершинных склонах. Они более пологи и отсюда не видны. Сильный ветер, поземка. Но сейчас уже Морис должен быть недалеко от вершины. Может быть, даже...

Воскресенье 4 июня. Пасмурный день. В середине ночи начинает падать крупа, затем снег. Сильный северный ветер. Аннапурна исчезаете тумане. Я утомлен и полон тревоги. Что с остальными?

К полудню выпало двадцать сантиметров свежего снега. Непрерывные лавины, видимости никакой.

В 16 часов услышали голоса. Из тумана, кончающегося метров на сто ниже лагеря, появляются четыре силуэта: Удо и трое шерпов. Вероятно, они проваливаются по пояс. Все, что мы можем для них сделать, – это согреть воды.

В лагерь III они добрались вчера к 19 часам. Сегодня Удо просидел все утро в палатке. К 13 часам погода стала ухудшаться. Аджиба ему сказал:

– Это муссон! Если мы здесь останемся, нас ждет смерть!

Понедельник 5 июня. Закончится ли этот день лучше, чем он начался? Сколько волнений нам пришлось пережить!.. Была минута, когда мне начало казаться, что из восьми человек, покинувших 30 марта Ле-Бурже, только мы с Удо останемся в живых!

В 6 часов мне послышался крик, и я вышел из палатки: среди грозных туч встает солнце. Ничего не видно. Возвращаюсь в свой спальный мешок, но тут же отчетливо раздаются два призыва: в бинокль на ледяном склоне видны два человека, они на высоте лагеря IV, но значительно левее. Они кричат почти непрерывно и машут руками: кто это? Удо считает, что это Кузи и Шац. Их неподвижность (особенно одного из них) внушает тревогу. Наверное, поморожены ноги. На что они надеются?.. В обычное время при хорошей погоде нужно не меньше 10 часов, чтобы до них добраться. Но

муссон непрерывно атакует... глубокий снег... Крики не прекращаются, дело плохо. А где остальные восемь?.. Ближе к вершине? В лагере IV сейчас, вероятно, неладно, но почему они не спускаются в лагерь III?

8 часов. Удо готовит спасательный отряд. Не хватает ледовых крючьев и другого снаряжения. Нуаель и Аджиба уходят в лагерь I за подмогой (за снаряжением и Даватондупом). Шерпы встревожены. Трое принадлежат к одной семье: Панзи, Аила и Ангава.

8 часов 30 минут. Крики продолжаются. На всякий случай пишу на снегу буквы «Vu»^[102].

Через несколько минут один человек быстро идет к серакам, под которыми должен находиться лагерь IV. Не дойдя по горизонтали триста метров, он останавливается, подает сигналы и возвращается. Остальные как будто без особого труда встают и проходят через лагерь IV. Теперь их не двое, а четверо.

Таким образом, всего там четверо плюс тот, кто вышел им навстречу, плюс товарищ или товарищи последнего! Местоположение лагеря IV около воронки «Серпа» лучше защищено, и отсюда можно быстро спуститься к лагерю III или II. Как раз сейчас лавины прекратились.

9 часов 30 минут. Виден Нуаель, он добрался до лагеря I.

10 часов. Наконец в воронке «Серпа» появляются три человека, спускающиеся к лагерю III (один сагиб, два шерпа?). Ветер западный. Чудом еще держится хорошая погода. Аннапурна свободна от облаков. Если бы погода сохранилась!

11 часов. Появляются два человека, быстро спускающиеся по следам первой группы. Они не связаны, вероятно, это сагибы. При таком темпе движения они будут здесь до вечера. Наконец-то мы все узнаем!..

11 часов 15 минут. Появляется фигура, как раз в том месте, где мы видели утром человека, идущего по направлению к лагерю V. Он останавливается и явно смотрит вверх. Это до некоторой степени хороший признак, так как этот человек, очевидно, не один в лагере IV. Таким образом, он и его вероятный товарищ – это уже двое. Три + два – пять человек на спуске, а всего семь. Из десяти – семь. Как будто где-то выше должна быть еще одна связка.

12 часов 20 минут. Слежу за группой из четырех человек, траверсирующих очень крутой склон над лагерем III. За ними отставший одиночка. Затем, очень высоко, еще один, который только что вышел из лагеря IV и очень быстро спускается: может быть, это один из тех, кого я недавно видел? Внезапно из-под ног у тех, кто подходил к лагерю III, как извержение вулкана, вырывается снежное облако. Беспорядочно

кувыркаясь, люди катятся по склону. Лавина уходит вниз: на снегу неподвижно лежат три человека, тот, кто находится ниже всех, пролетел метров сорок^[103].

Он встает и поднимается по склону, затем появляются еще двое, когда они расходятся, за ними виден четвертый. Слава богу, все целы!

Наши шерпы поняли, что случилось. Ангава и Путаркэ выходят навстречу с ледорубами и очками взамен утерянных при падении. Потерпевшие продолжают спуск, в 15 часов в верхней части лавинного конуса они встречаются с двумя шерпами. Наконец-то мы все узнаем!"

Палатки лагеря II теперь совсем близко... Ишак, Нуаель, Удо устремляются к нам. Мне не терпится сообщить им радостное известие. Я кричу:

– Мы возвращаемся с Аннапурны... Позавчера мы были с Ляшеналем на вершине!

И после некоторой паузы:

– У меня отморожены руки и ноги...

Все они помогают мне, Ишак что-то протягивает. Нуаель поддерживает. Удо уже начинает осмотр...

Моя роль закончена. Мы добились успеха, и я знаю, что все товарищи вскоре будут здесь.

Спасены!.. Аннапурна побеждена, и мы спустились. Теперь инициативу должны взять на себя мои товарищи, и в первую очередь Удо, на которого мы возлагаем все надежды. Я целиком передаю себя в их руки. Я доверяюсь преданности друзей. Для меня теперь имеет значение лишь завоеванная нами победа, которая навсегда останется в наших сердцах как сверкающая радость и безмерное утешение.

Другие должны теперь организовать возвращение и доставить нас на землю Франции.

Товарищи хлопчут вокруг меня: снимают рукавицы, штормовку, укладывают в приготовленную для меня палатку. Все это меня вполне устраивает, новое существование будет недолгим, но сейчас оно приятно и удобно. Несмотря на ухудшение погоды, вскоре появляются остальные: сначала приходит Ребюффа, у него поморожены пальцы на ногах, и ему очень трудно двигаться. С окровавленными губами, с измученным лицом, он производит тяжелое впечатление. Так же как и меня, его быстро раздевают и до оказания первой помощи укладывают в палатку.

Ляшеналь еще далеко. С отмороженными ногами, измученный, ослепший, как он смог пройти этот тяжелый и опасный путь? На спуске его догоняет Кузи, который помогает ему идти. Ляшеналь преодолевает

небольшие трещины, глиссируя на заду. Кузи, сам страшно утомленный, все же оказывает ему большую помощь.

Вплотную за ними следует Лионель; Террай в связке с еще очень крепким Шацем. Маленькая группа подходит к лагерю. Впереди Лионель.

Марсель Ишак идет ему навстречу, к большому конусу. Появление Террая полно драматизма. Совершенно ослепший, он идет навалившись на Анг-Таркэ. Его лицо, обрамленное громадной бородой, искажено гримасой боли. Этот сильный человек, этот богатырь, едва передвигая ноги, восклицает:

– Но у меня еще много сил! Если бы я мог видеть, я бы спустился сам!

Нуаель и Удо потрясены его видом. Всегда такой сильный, как измучен и беспомощен он сейчас! Это ужасное зрелище переворачивает им душу.

Сразу же за Терраем приходят Шац, Кузи и, наконец, Ляшеналь. Последнего почти несут два шерпа. Беспорядочными движениями он выбрасывает вперед ноги, и издали впечатление такое, как будто он крутит в пустоте педали. Откиннутая назад голова перевязана. Лицо изуродовано нечеловеческими страданиями и бесконечной усталостью. Вряд ли он смог бы еще продержаться больше часа. Так же как и я, он назначил себе краткий срок, и это помогло ему добраться до цели. И однако, несмотря ни на что, наш Бискант находит в себе силы сказать Ишаку:

– Хочешь видеть, как проводник из Шамони спускается с Гималаев?

Вместо ответа Марсель Ишак протягивает ему кусок сахара, пропитанный адреналином. Террай ищет палатку в двадцати сантиметрах от своего носа. Больно видеть, как он протягивает руку, ощупывая препятствия. Ему помогают, его укладывают. Ляшеналь также вытягивается на надувном матрасе.

Отступление

Теперь уже все спустились вниз и собрались в лагере II. Но в каком состоянии! Инициатива теперь принадлежит Удо. Он производит беглый осмотр. При виде ужасного зрелища, которое мы собой представляем, на его лице попеременно отражаются то отчаяние друга, то суровое хладнокровие хирурга.

Меня он осматривает первым. Руки и ноги намного выше запястий и колен совершенно потеряли чувствительность. Руки в ужасном виде: в сущности, на них не осталось кожи, а немногие сохранившиеся куски свисают черными клочьями. Пальцы распухшие, искривленные. Ноги едва ли выглядят лучше: подошвы коричневатого-фиолетового цвета и абсолютно нечувствительны. Я боялся, что рука, причинявшая мне такую боль, сломана, но как будто ничего серьезного нет. С шеей тоже все в порядке.

Полный тревоги, я жажду узнать первое впечатление Удо. – Что ты об этом думаешь? – спрашиваю я его, готовый услышать худшее.

– Дело очень серьезное. Вероятно, кое-что придется ампутировать и на руках, и на ногах. Пока я не могу сказать более определенно.

– Ты надеешься что-нибудь спасти?

– Уверен, что это удастся. Сделаю все возможное.

Это звучит не слишком ободряюще. Я не сомневаюсь, что руки и ноги придется ампутировать.

Удо измеряет мне кровяное давление. Кажется, он несколько озабочен. В правой руке давления нет, в левой также. Слегка отклоняясь, стрелка показывает, что в ногах сохранился слабый приток крови.

Положив мне на глаза повязку для предотвращения офтальмии, Удо говорит:

– Я хочу осмотреть Ляшенала. Вернусь сразу же и сделаю тебе инъекции. Мне приходилось заниматься этим во время войны. Это единственное средство, помогающее при обморожении.

Состояние Ляшенала немного лучше. Руки у него не повреждены, а на ногах почернели только пальцы, однако зловещие пятна появились и на пятках. Скорее всего, он потеряет большие пальцы, но это не мешает ему заниматься альпинизмом и по-прежнему быть проводником.

Состояние Ребюффа гораздо менее серьезно. Его ноги обычного цвета, за исключением двух маленьких серых пятен на пальцах. В течение часа Ишак массирует ему ноги, и Ребюффа становится легче. Глаза у него еще

болят, но это пройдет через пару дней.

Террай невредим: как и Ребюффа, он страдает от офтальмии – очень болезненного, но непродолжительного заболевания. Кузи очень слаб и, очевидно, не сможет помочь.

Таково положение дел!..

Медленно наступает ночь. Удо готовит свои инструменты, привлекает Ишака и Шаца в качестве санитаров, и лагерь II превращается в госпиталь. В холоде, в самых неприспособленных условиях, под постоянный грохот лавин, эти люди до поздней ночи борются за спасение своих друзей. Вооружившись фонариками, они переходят из палатки в палатку, склоняясь над больными, оказывая им первую помощь. Прилепившийся на высоте 6000 метров, этот лагерь – лишь маленькая точка, затерянная на склонах одной из высочайших вершин мира.

Удо уже готов делать мне артериальные вливания. Операция сложная. При слабом свете лампы, в полутьме, Ишак старается, насколько это возможно, стерилизовать шприцы при помощи эфира. Прежде чем приступить к делу, Удо объясняет:

– Я хочу ввести тебе новокаин в бедренную и плечевую артерии.

Поскольку повязка на глазах мешает мне видеть, он прикасается пальцем к тем местам, куда введет иглу: к паху и к сгибам локтей.

– Будет больно. Может быть, с первого раза я не попаду в нужное место. Но, во всяком случае, ты не должен двигаться, особенно в тот момент, когда я попаду в артерию.

Все эти приготовления отнюдь не успокаивают: уколы всегда вызывали у меня чувство ужаса. Однако сделать их необходимо, это единственный выход.

– Давай, – говорю я Удо. – Но только предупреди меня, когда будешь колоть.

Может быть, в моем теперешнем состоянии я и не почувствую особой боли. До меня доносится шепот. Удо осведомляется, все ли готово, Ишак отвечает:

– Все в порядке. Подавать?

Удо проводит пальцами по моей коже. Чувствую острую боль в паху, и ноги начинают дрожать, я пытаюсь взять себя в руки. Он пробует снова, так как артерия ускользает от иглы. Еще укол, и все тело сводят судороги. Я напрягаюсь, хотя надо расслабиться, и чувствую, что нервы не выдерживают.

– Осторожней! – не могу я сдержаться.

Удо начинает сначала: кровь чрезвычайно густая и свертывается в

игле.

– У тебя черная кровь – точь-в-точь как патока, – говорит он с изумлением.

Наконец-то! На этот раз попытка увенчалась успехом, несмотря на мои вопли, которые, я прекрасно это понимаю, еще больше усложняют процедуру.

Сейчас игла в нужном месте.

– Не двигайся! – кричит на меня Удо и обращается к Ишаку: – Давай!

Ишак передает ему шприц. Я чувствую, как игла движется в моем теле и жидкость начинает вливаться в артерию.

Никогда в жизни не представлял я, что можно выносить такую невероятную боль. Из всех сил стараюсь удержаться от дрожи – необходимо, чтобы операция прошла успешно. Жидкость продолжает поступать.

– Чувствуешь тепло? – меняя шприц, отрывисто спрашивает Удо.

Снова льется жидкость. Я стискиваю зубы.

– Чувствуешь тепло?

Удо настойчив – очевидно, это обстоятельство является решающим, и все же я ничего не чувствую. Несколько раз Шприц опорожняется, наполняется и снова опорожняется.

– Ну как, чувствуешь что-нибудь?

– Как будто стало немного теплее, но это едва ощутимо. Может быть, это самовнушение?

Игла резко вытаскивается. Ишак стерилизует инструменты, я пользуюсь кратковременной передышкой.

– Адская боль, – говорю я, как будто Удо это неясно!

– Я знаю, но нужно продолжать.

Вся процедура повторяется с другой ногой. Мои нервы совершенно измотаны. Это невероятное напряжение доводит меня до изнеможения. Укол. Я кричу и плачу и тщетно пытаюсь не двигаться.

Из-за повязки ничего не видно. Если бы передо мной были лица друзей, может быть, мне было бы легче. Но я во тьме – ужасной тьме, и, кроме как внутри себя, негде искать утешения.

Уже поздно. Все очень устали.

На сегодня кончено, и отряд скорой помощи отправляется в палатку Ляшеналея. Возможно, он перенесет эту боль с большим мужеством.

Наконец по неясному шуму я понимаю, что процедура окончена. У Ляшеналея она, кажется, прошла быстрее. Террай спит в палатке Ляшеналея, а Кузи и Шац – около Ребюффа, который всю ночь бредит и стонет: – Мои

ноги!.. Мои ноги!..

Удо ложится рядом со мной. Если что-нибудь случится, он будет на месте...

На следующий день окончательно принимается план эвакуации всего лагеря: троих больных будут везти на санях, двое могут идти с посторонней помощью, и четверо совершенно здоровы. Нам предстоит пройти километры ледника, спуститься со скальных стен, обойти или пересечь бесконечные морены и осыпи, переправиться через реку и преодолеть перевал высотой 4000 метров – и все это в муссон!

Сегодня 6 июня, и Ишак озабочен: он вспоминает экспедицию Тилмана на Нанда-Деви, задержанную на три недели разливом рек, вздувшихся от бурных муссонных ливней. Успеем ли мы добраться до долины Гандаки, где на нашем пути встретится меньше препятствий? Через неделю мы должны выбраться из высокогорья. Кузи скоро окончательно оправится, Террай излечился от офтальмии, и Ребюффа сможет идти сам. Но есть и двое серьезно больных, которых в самых невероятных условиях придется нести на себе носильщикам вплоть до главной долины.

– Не могу поверить, – замечает Ишак, – но сегодня действительно прекрасная погода.

Из лагеря I прибывают медикаменты, с таким нетерпением ожидаемые Удо. Он начинает свой осмотр с меня. Впечатление благоприятное: вливания сделали свое дело, и тепло вернулось. Удо перебинтовывает мне руки. Хотя я не ощущаю настоящей боли, тем не менее в пальцах появляется некоторая чувствительность.

Я задаю все тот же вопрос:

– Что мне останется?

– Не могу определенно сказать. Картина еще не вполне ясна, и я надеюсь, что удастся выиграть несколько сантиметров. Думаю, что ты сможешь пользоваться руками. Конечно, – он мгновение колеблется, – придется отнять одну или две фаланги каждого пальца, но если удастся сохранить часть от больших пальцев, ты сможешь зажимать предметы, а это главное.

Известие удручающее. Но еще вчера я считал, что последствия будут значительно более тяжелыми. Для меня это означает крушение многих планов, новую жизнь, может быть, новые взгляды на мир... Меняется все, и у меня нет ни сил, ни воли заглядывать в будущее.

Я ценю мужество Удо и благодарен ему за то, что он не боится говорить со мной об ампутации. Он относится ко мне как к другу, и я

никогда не забуду его мужества и прямоты.

Вливания, которые уже принесли столько пользы, необходимо повторить. На этот раз процедура будет еще мучительнее. Эта мысль приводит меня в ужас. Стыдно сознаться, но мне страшно, а ведь стольким людям делались такие Уколы. На этот раз предстоит ввести не новокаин, а ацетилхолин, несколько ампул которого принесли из лагеря I. Террай заходит в мою палатку и становится рядом. Он тоже ничего не видит из-за повязки, и его приходится водить под руки.

Пока Ишак и Удо готовят иглы, эфир и ампулы, я мысленно представляю себе черты Террая и провожу руками по его лицу. Я шепчу Лионелю:

– Какая пытка! – И умоляю: – Побудь со мной.

– Не беспокойся, – отвечает он.

– Удо предупредит меня перед тем, как колоть... После этого мне нельзя шевелиться... Ты должен держать меня как можно крепче.

Я надеюсь, что присутствие Террая даст мне силы перенести эти тяжелые минуты. Удо начинает с ног. Так же как накануне, боль совершенно невыносима. Я кричу и плачу в руках Террая. Он держит меня изо всех сил. Я чувствую, что нога как в огне – как будто ее внезапно окунули в кипящее масло. Удо на седьмом небе от восторга, и все остальные разделяют его радость по поводу моих страданий – ведь это означает, что лечение идет успешно. Это придает мне мужества, и наконец после четвертого шприца необходимые 100 кубических сантиметров введены.

– Теперь руки, – объявляет Удо.

Процедура кажется бесконечной. Я совершенно измучен, но зато чувствительность правой руки определенно улучшилась. Удо бушует: иглы либо слишком толсты, либо слишком коротки, либо слишком тонки или слишком длинны – ни одна не подходит, и каждый раз это означает новый укол. Я снова вою, как собака, чующая смерть.

– Держи меня крепче, – сквозь рыдания говорю я Терраю, и без того напрягающему все силы. Я делаю невероятное усилие, чтобы не дрожать, но Удо все еще недоволен:

– Не шевелись, черт тебя побери! Будем колоть столько, сколько нужно, пока не получится.

– Прости меня. Я сделаю все, что могу, не бойся, я выдержу.

Протягиваю руку для новой попытки. Когда Удо находит артерию – закупоривается игла: густая кровь свертывается внутри. Начав от сгиба локтя, Удо постепенно поднимается все выше и выше к плечу, чтобы не

колоть все время в одно и то же место. Дважды он попадает в нерв: я уже не могу плакать и только судорожно всхлипываю. Какое нечеловеческое страдание! Я ничего не могу с собой поделаться, Н а мгновение Удо останавливается.

– Все будет в порядке, – заверяет меня Ишак.

– Потерпи, Морис! – шепчет Террай. – Скоро все кончится. Это ужасно, я знаю, но я здесь, рядом с тобой.

Да, он рядом. Если бы не он, я не вынес бы всего этого. Человек, которого мы привыкли считать суровым лишь потому, что он был сильным, душа которого скрывалась под маской напускной грубости, относится ко мне с такой любовью и нежностью, с какой мне никогда не приходилось встречаться. Я прижимаюсь к нему лицом. Он обнимает меня за шею.

– Продолжай! Ну, давай же!

– Слишком коротка и тонка!.. – кричит Удо.

Он начинает терять терпение. Вся эта неразбериха с инструментами доводит меня до изнеможения. Хотел бы я знать, смогли бы в клинике сделать такой укол с первого раза?

Через несколько часов, на тридцать пятой попытке, процедура успешно завершается. Несмотря на дикую боль, я недвижим, пока шприц не пустеет. Удо искусно меняет шприц, не выводя иглы из артерии. После второго вливания я чувствую, как по телу разливается тепло. Удо ликует. Но это ощущение становится невыносимым, боль несравненно больше, чем при уколах в ноги. Я кричу и с отчаянием прижимаюсь к Терраю, однако по-прежнему держу руку прямо, стараясь, чтобы она не сдвинулась с места. Я чувствую, что иглу вытаскивают и к руке прикладывают вату.

– С правой рукой покончено. Теперь – левая!

Удо не может найти артерию. Это озадачивает его. Я объясняю, что в молодости серьезно повредил эту руку. Теперь все ясно: вот почему он не мог измерить кровяного Давления и найти пульс. Артерия смещена, поэтому сделать Укол в локоть невозможно – придется делать его в плечо, а это гораздо сложнее. Я с ужасом вспоминаю о том, что было с правой рукой! Внезапно при пятой или шестой попытке Удо кричит:

– Нашел!

Я лежу абсолютно неподвижно: он вводит шприц за шприцем.

Затем Удо объясняет, что он собирается ввести мне новокаин в нервный узел. Для этого необходима длинная игла, которую можно было бы ввести через шею в область плевры. Мне становится плохо! Это уж слишком. В течение многих часов я выносил эти пытки, и для большего у меня уже нет сил. Но Удо не теряет времени. Игла готова, и он ощупывает

мою шею:

– Понимаешь, это довольно сложное дело: нужно ввести иглу в определенном направлении, затем, натолкнувшись на препятствие, оттянуть ее влево, и можешь быть уверен, что попал в нужное место.

– Предупреди, когда будешь колоть! Пауза. Слышно, как что-то двигают.

– Колю! – объявляет Удо.

Я беру себя в руки и намерен лежать совершенно неподвижно. Игла входит в тело – должно быть, она чудовищной длины. Она касается очень чувствительного места, и я кричу от боли. Террай меня держит. Теперь Удо старается попасть в нервный узел. Чувствую, как игла входит все глубже. Попал! С первого раза! Должно быть, жидкость уже льется, но я ничего не ощущаю.

– Еще долго? – спрашиваю я чуть слышно.

– Почти все, – отвечает он сдавленным голосом. – Осталось ввести двадцать кубиков.

Чувствую, как ужасная игла вытаскивается. Все кончено, и я могу отдохнуть. Удо очень доволен: почти день работы, но зато он сумел сделать все, что хотел. Никогда в жизни не испытывал я таких страданий, но если мои руки и ноги будут спасены, то лишь благодаря Удо и его настойчивости. Ишак помогает ему собрать инструменты и отнести в палатку Ляшеная. В настоящий момент Удо доволен моим общим состоянием, но как перенесет мой организм общее обморожение?

Лагерь все больше и больше напоминает госпиталь: мысли и действия каждого определяются состоянием больных. Глаза всех прикованы к Удо. Теперь он у нас первый после Бога.

В этот же день начинается невероятно трудная работа по транспортировке больных, которая окончится только после долгого и мучительного отступления в течение шести недель под проливным дождем, по крутым и опасным склонам. Этот переход, во время которого больные возвращаются к жизни, навсегда останется примером величайшего подвига, делающего честь всем членам экспедиции.

В нашем распоряжении сверхлегкие сани, укрепленные на двух лыжах. Шерпы, естественно, незнакомы с этим приспособлением, поэтому Удо и Ишак решают сделать Ребюффа, чувствующего себя лучше остальных, жертвой первого эксперимента.

Шац принимает на себя руководство. Он размещает четырех шерпов в виде буквы V вокруг саней, и процессия трогается в путь в 2 часа 30 минут. Ребюффа хорошо укутан. Его крепко привязывают – на случай, если сани

опрокинутся.

К вечеру шерпы возвращаются обратно с запиской от Шаца, в которой он советует проводить спуск при помощи шести человек.

Между тем Удо сделал инъекции всем своим пациентам и весь вечер занимается перевязками. В первой половине ночи погода ухудшается. Снова начинается сильный снегопад. Мои товарищи встревожены и решают спускать остальных пострадавших – иначе будет слишком поздно.

К счастью, утром погода хорошая. Мне предстоит спускаться первому. Перед выходом Удо осматривает мои ноги и руки и меняет повязки. Он очень доволен поразительным, по его словам, улучшением. Меня одевают, засовывают в спальный мешок и кладут на сани. Повязка мешает мне видеть. Я чувствую, что воздух теплый, значит, погода хорошая. Однако неприятно спускаться, не отдавая себе отчета в том, что происходит вокруг. Анг-Таркэ возглавляет шерпов. Я с радостью слышу, что Ишак будет сопровождать меня. Я не буду один, если мне что-нибудь потребуется. В глубине души я страшусь этого спуска, особенно перехода через скалы. Как-то это получится? Но шерпы – умные ребята, им никогда не приходится объяснять что-либо дважды. Позднее, уже в лагере, Ишак выражает свое восхищение.

– Даже во Франции было бы трудно найти такую команду, – говорит он, – все они выкладывались, как могли, и каждое движение было точно согласовано.

Несколько рывков, и сани трогаются. Я очень слаб и немного оглох, но узнаю голос Удо, посылающего нам традиционное напутствие альпинистов:

– Счастливого спуска!

Он, конечно, сейчас машет рукой, провожая нас. На мне вся моя одежда, и я весь в поту – должно быть, припекает солнце. Время от времени спина касается снега. Ишак то и дело подходит с какими-нибудь словами. Мне приятно слышать его голос и сознавать, что он рядом. Внезапно склон делается круче, и, несмотря на удерживающие меня веревки, я скольжу вперед. Шерпы располагаются в виде перевернутой буквы V, чтобы тормозить. Мы подошли к большому скальному участку. Насколько я помню, здесь очень круто. Догадываюсь, что Ишак забил ледоруб, чтобы удерживать меня.

Слышно глухое эхо – сераки, надо торопиться, ибо они в любой момент могут обрушиться. Мы добираемся до скал. Как ухитряются здесь двигаться шерпы, навсегда останется для меня загадкой. Стена чрезвычайно крута, но меня несут прямо на санях. Впоследствии Ишак

говорил, что если бы я мог видеть, то не выдержал бы этого зрелища. Это сплошные акробатические номера, совершенно невероятное лазание. Слышу вздохи облегчения – должно быть, мы наконец добрались до ледника. Сани возвращаются в горизонтальное положение, я – на снегу. Несколько минут отдыха, и затем мы продолжаем путь, как мне кажется, в быстром темпе. Я представляю, как шерпы, натягивая веревки, мчатся по снегу, хотя, конечно, это всего лишь фантазия. Затем скорость уменьшается – мы подошли к морене лагеря I.

Некоторое время я остаюсь один. Шерпы ставят большую палатку, куда через несколько минут меня переносят. Ишак располагается рядом со мной. С этого момента мы не разлучаемся ни днем, ни ночью: он живет в той же палатке и ухаживает за мной, как за братом. Спуск занял 2 часа 20 минут. Шерпы показали чудеса. Что бы мы делали без них?

Ишак вкратце рассказывает мне, что происходит вокруг. Ужасно быть слепым. Я чувствую себя какой-то вещью. Я знаю, что у меня офтальмия менее серьезна, чем у других, и без конца прошу снять повязку. Но я всего лишь вещь и не имею права голоса. Хотя погода пасмурная и сыплет крупа, шерпы вместе с Шацем и Нуаелем возвращаются в лагерь II за Ляшеналем. Около трех часов начинает падать снег. Я тоскую в палатке наедине со своими мыслями. Время от времени тишина нарушается треском ломающегося льда. Эти звуки вызывают у меня некоторую тревогу: где они поставили палатку? Что, если внезапно откроется трещина? Я стыжусь этого детского страха – уж альпинист с многолетним опытом должен прекрасно знать, что трещина не открывается в одну секунду!

Ишак, единственный здоровый сагиб, наблюдает за организацией лагеря I. К концу дня, около пяти часов, он, к своему большому удивлению, видит, как из тумана появляются Нуаель и шерпы, спускающие Ляшеналея. Все они покрыты снегом. На этот раз шерпам для спуска потребовалось всего 1 час и 45 минут – у них был ужасный день, и они совершенно измотаны. Это выражается жалобами: еды недостаточно, и часть снаряжения осталась наверху, в III и IV лагерях. Это их особенно беспокоит, так как в гималайских экспедициях обычно принято, что личное снаряжение шерпов оставляется им в качестве награды. Они горько сожалеют об утрате всего этого имущества, и Анг-Таркэ даже объявляет о своем намерении подняться снова в лагерь III.

Я подзываю Анг-Таркэ и предупреждаю его, что запрещается кому бы то ни было подниматься выше лагеря II. В то же время я говорю, что глубоко удовлетворен прекрасным поведением руководимых им шерпов. Им нечего беспокоиться об одежде. Все они получают щедрое

вознаграждение. Анг-Таркэ удовлетворен и отправляется сообщить это приятное известие остальным.

В лагере царит оживление: Ляшеналя устраивают как можно удобнее. Палатки вырастают как по волшебству. Лагерь, напоминающий небольшое селение, расположился у основания высокой ледяной стены.

На следующий день утро ясное, но к 11 часам снова собираются тучи, и вскоре начинает падать снег. Удо еще не спустился из лагеря II. Я слышу, как лавины грохочут чаще, чем когда-либо; этот ужасающий концерт действует мне на нервы. Ишак шутит:

– Ага! Вот и товарный в 3 часа 37 минут. А вот четырехчасовой экспресс.

Ему удастся вызвать у меня улыбку.

Около полудня он видит наконец в подзорную трубу, что в лагере II снимаются последние палатки, и во второй половине дня появляется наш врач в сопровождении нагруженных шерпов. Еще не сняв рюкзака, он осведомляется о состоянии пострадавших: что изменилось со вчерашнего дня?

Наступило определенное улучшение: Ребюффа уже может ходить, и офтальмия у него почти прошла. Что касается Ляшеналя, у него восстановилось кровообращение в ногах, чувствительность вернулась всюду, за исключением пальцев. От черных пятен на пятках, вероятно, останутся рубцы. У меня также произошло видимое улучшение, и Удо не скрывает своего удовлетворения. Однако он говорит со мной откровенно. Никогда не узнает он, как тронула меня эта откровенность.

– Я думаю, что левую кисть придется ампутировать наполовину, но надеюсь, что удастся спасти последние фаланги на правой. Если все пойдет хорошо, у тебя будут не такие уж плохие руки. Что же касается ног, боюсь, что придется отнять все пальцы, но это не помешает тебе ходить. Конечно, сначала будет трудно, но ты к этому привыкнешь, вот увидишь...

Мне становится жутко при мысли о том, что могло бы произойти, если бы Удо так быстро и энергично не сделал мне инъекции. Возможно, их эффект еще не проявился полностью. Потребуется еще несколько сеансов; не знаю, выдержу ли я колоссальное напряжение этих тяжелых испытаний? Во всяком случае, я хочу полностью использовать передышку и торжественно отпраздновать наш успех... Впервые после победы все члены экспедиции вместе, и состояние больных позволяет устроить небольшой праздник. Мы собираемся вокруг единственной банки курицы в желе и откупориваем заветную бутылку шампанского. Желающих отведать вина родной Франции и без того достаточно, но я хочу, чтобы шерпы так

или иначе приняли участие в общей радости. Приглашаю Анг-Таркэ, и мы пьем с ним в честь победы. Ишак выражает наши мысли:

– Вы тяжело пострадали, но победа останется с вами!

Несмотря ни на что, в палатке царит радостное настроение. Мы набрасываем телеграмму, которая будет послана Деви со следующей почтой:

"Французская гималайская экспедиция 1950 победила тчк Аннапурна взята 3 июня 1950 тчк

Эрцог".

Сразу же после торжества Удо приступает к уколам. С ногами ему удается покончить очень быстро. Затем он принимается за руки, а я уже знаю, что это будет наиболее мучительно. В течение часа все попытки не приводят к успеху. День на исходе, и Удо доходит до белого каления.

– Не шевелись! – восклицает он с упреком.

– Не обращай внимания на мои крики... Продолжай... делай что нужно.

Террай подходит ко мне. Я корчусь от боли, и он крепко держит меня.

– Потерпи! Не шевелись, не шевелись, Морис!

– Это невозможно! – кричит Удо. – Стоит мне нащупать артерию, как кровь сворачивается. Ничего не выйдет!

Его слова вызваны отчаянием, на самом деле он думает иначе. У него нет ни малейшего намерения прекратить попытки, так же как и у меня, несмотря на дикую боль. Крики, доносящиеся из палатки, где действует Удо, приводят всех остальных в ужас. Шерпы молчат. Может быть, они молятся за своего Бара-сагиба? Я так судорожно рыдаю, что не могу остановиться. У меня непрерывные спазмы.

Наконец, после короткого отдыха, поздно вечером, около 10 часов, процедура успешно завершается. Ишак передает Удо шприцы уже в темноте. Вся палатка в крови. Ишак и Удо выходят. Террай с бесконечной нежностью утешает меня, но никогда в жизни не чувствовал я себя таким несчастным. Измученный страданиями, мой организм не способен сопротивляться. Террай продолжает обнимать меня:

– Все будет хорошо, вот увидишь.

– О дружище, для меня все кончено. Я больше не в состоянии выносить все это.

– Жизнь не кончена, – настаивает он, – ты снова увидишь Францию, Шамони...

– Да, может быть, и Шамони, но никогда больше мне не ходить в горы. Затаенная мысль вырывается. Террай слышит, и я даю волю своему

отчаянию:

– Нет, никогда не смогу я больше лазить – теперь уже мне не сделать Эйгера^[104], Лионель, а я так мечтал!

Рыдания душат меня. Мое лицо касается лица Террая, я чувствую его слезы – от тоже плачет. Он – единственный, кто может полностью понять, какая это для меня трагедия, и я вижу, что ему это тоже кажется безнадежным.

– Конечно, Эйгер... Но я уверен, что ты снова сможешь вернуться в горы... – И очень нерешительно он добавляет: – Не то, что раньше, конечно.

– Пржнее никогда не вернется. Видишь ли, Лионель, конечно, я не смогу ходить, как раньше, но если я вообще смогу лазить – это уже много. Горы для меня все – я провел среди них лучшие дни своей жизни... Пусть даже я не смогу делать эффектных, громких восхождений, но я хочу наслаждаться горами, хотя бы на самых обычных маршрутах.

– Ты вернешься, вот увидишь. Я тебя вполне понимаю...

– Но горы еще не все, жизнь состоит из множества других вещей – что со мной будет?

– Уверяю тебя, ты приспособишься... Молчание и затем:

– Сейчас тебе лучше прилечь.

Он укладывает меня с такой нежной заботой, что ему удастся совершить чудо: я утешаюсь и успокаиваюсь. Последний взгляд, чтобы убедиться, что мне хорошо. Террай медленно уходит. Какого друга я нашел!

На следующее утро Удо снимает с меня повязку. Как чудесно снова видеть окружающее! Убеждаюсь, что погода прекрасная. Спрашиваю, какое число, – несколько прошедших дней тянулись как одна длинная ночь.

– Пятница, девятое июня, – говорит Ишак.

Ляшеналь готовят для спуска в базовый лагерь. Его понесут в каколе – неуклюжем, примитивном приспособлении, никогда не внушавшем мне доверия. Ляшеналь же, наоборот, ничего не имеет против такого способа транспортировки. Он привык к этому приспособлению, с помощью которого и сам неоднократно переносил пострадавших. Однако позднее его энтузиазм несколько уменьшится. Вскоре он со своими шерпами в сопровождении Кузи и Нуаеля трогается в путь. Его ноги свешиваются вниз, и он стонет от боли. В полдень шерпы вместе с Кузи возвращаются: спуск занял два часа. И Ребюффа и Ляшеналь благополучно перенесли путешествие.

Пока я отдыхаю, остальные упаковывают груз.

На другой день Удо перед выходом осматривает меня. Благоприятное

впечатление подтверждается: инъекции ацетилхолина, причинявшие такую дикую боль, спасли мне по крайней мере часть обеих рук и ног. Аджиба, Саркэ, Путаркэ и Панди собираются по очереди нести меня в каколе.

Путь хорошо промаркирован, камней нет, и мы идем как по дорожке. Я прижат к носильщику. Меня страшно встряхивает на каждом шагу. Я боюсь свалиться и судорожно цепляюсь обеими руками за шею носильщика, стараясь, однако, не мешать ему. Я отчетливо воспринимаю каждый неуверенный шаг. Несколько раз и Аджиба и Панди поскользываются, и я инстинктивно выбрасываю руку, забывая, что не могу ею пользоваться. В кулуарах я чувствую себя спокойнее, чем на крутых скальных плитах, где носильщик может упасть: каждую секунду боюсь задеть о скалу руками или ногами.

– Саркэ! Осторожней!.. Осторожней! – сотни раз я повторяю этот крик, переходящий в мольбу.

На трудных местах шерпы действуют сообща: один смотрит, чтобы несущий правильно ставил ногу, второй поддерживает его, помогая сохранять равновесие. Преодолеваем множество препятствий. Теперь уже в базовом лагере разворачивается невиданная ранее деятельность.

Внезапно в палатку, куда меня только что положили, врывается Ишак, крича:

– Носильщики! Пришли носильщики!

В лесах лете

Туземцы, большинство которых мы узнаем, прибывают небольшими группами. Каким-то чудом они пришли в срок, назначенный им две недели назад.

Ишак не скрывает своей радости.

Он быстро налаживает связь – приближается время передачи метеосводки.

Бюллетень, передаваемый специально для нас, предупреждает о приближении муссона:

"Говорит Дели на волне 60,48 м. Передаем специальную сводку погоды для французской экспедиции в Непале. Муссон, распространившийся на всю восточную часть Гималаев, достигнет вашего района к 10 июня. Давление в Горакпуре 960 миллибаров. Повторяю: вы только что прослушали специальную сводку..."

Стало быть, бури, бушевавшие последние несколько дней, так усложнившие положение экспедиции, – не что иное, как предвестники этого гигантского возмущения, ежегодно в это время охватывающего Азию. Проливные дожди, заливающие всю Индию, в горах в течение нескольких часов превращаются в настоящий потоп. Завтра небеса разверзнутся, но теперь, уже выбравшись из гор, мы воспринимаем это известие довольно спокойно.

Носильщик протягивает в палатку клочок бумаги – это записка от Шаца, ушедшего вперед в поисках более удобного места для переправы через Миристи-Кхола, чем то, где мы переправлялись по дороге сюда. Шац пишет, что только за полдня воды прибавилось вдвое.

Необходимо как можно быстрее покинуть это ущелье, иначе можно легко оказаться в гигантской ловушке.

Хотя все молчат, мысленно каждый вспоминает о том, что случилось на Нанда-Деви.

На следующее утро, как и предполагалось, погода портится. Дождь льет непрерывно. Шерпы в невероятной спешке снимают лагерь. Перед выходом мы даем им распоряжение раздать носильщикам все продовольствие, которое мы не можем взять с собой. Носильщики с радостью набрасываются на консервные банки, подбрасываемые в воздух Саркэ и Анг-Таркэ. Совершенно непредвиденный бакшиш! Удо же, напротив, начинает ощущать недостаток необходимых материалов. К тому

же нам не везет: иглы теряются, шприцы ломаются. Удо продолжает сражаться с моими неуловимыми артериями.

Положение серьезное: осталось всего две ампулы ацетилхолина. Удо делает два укола Ляшеналю и мне – в руки и в правую ногу... Приходится прекратить. Это известие, столь встревожившее всех, оставляет меня равнодушным. Я лежу, как умирающий, в состоянии крайнего нервного возбуждения, сознавая только, что эти процедуры были для меня невероятным мучением.

В то время как из лагеря под руководством Анг-Таркэ отправляется последний груз, начинают спускать Ляшеналея. Пройдя несколько метров, носильщики пытаются испробовать вместо носилок сани, но безуспешно.

Удо посылает за каколе.

– Мы должны выбраться отсюда любой ценой, – говорит он решительно.

Перед тем как отправить Ляшеналея, Удо вводит ему морфий.

Для меня находят плетеную корзину. Подняв, шерпы засовывают мои ноги в спальный мешок, покрытый "слоновой ногой".

Все промокло насквозь. Со всех окрестных стен доносится грохот лавин, смешивающийся с непрерывным гулом падающих камней, увлекаемых дождем. Босые ноги носильщиков вязнут в грязи. Кругом рушатся скалы. Именно так я и представлял себе отступление немногих уцелевших после катастрофы: беспорядочное, паническое бегство.

Группа, состоящая из Удо, Террая, Кузи, Ишака, Саркэ, двоих пострадавших и восьми носильщиков, движется мучительно медленно. Мы обеспокоены: дойдем ли к вечеру до намеченного места? Судя по тому, сколько времени мы здесь поднимались, это вполне возможно, даже легко, но, глядя, как носильщики сгибаются под тяжестью пострадавших и то и дело поскользываются на морене, где каждый шаг – проблема, мы начинаем в этом сомневаться.

Время идет. Тучи рассеялись, и дождь ненадолго перестал. Нам не хватает электрических фонарей и продовольствия: Анг-Таркэ, не подозревая о наших затруднениях, не обеспечил в тылу никакого запаса, поэтому Саркэ посылается вперед с запиской.

Мы совершенно затеряны в этой невыразительной местности без цвета и горизонта. Камни морен сменились окруженными колючей растительностью огромными валунами. Это еще больше затрудняет наше продвижение. Носильщики проявляют исключительное мужество. Не слышно ни одной жалобы. Стемнело. Три фонарика, обнаруженные среди вещей, пущены в ход. Сагибы ведут носильщиков сквозь туман и дождь,

возобновившийся с еще большей силой. Уже в девятом часу носильщики и пострадавшие, измученные, потерявшие всякую надежду, останавливаются после акробатического спуска по скользкому камину, который мы ухитрились пройти каким-то чудом.

Нас с Ляшеналем помещают под навес. Товарищи решают, что в этот вечер мы не в состоянии двигаться дальше. Террай остается с нами, а Кузи, Ишак и Удо быстро идут в лагерь. Пройдя немного, они встречают поднимающихся Саркэ и Путаркэ – с одной-единственной фляжкой кофе! Саркэ они посылают к нам, а Путаркэ захватывают с собой в лагерь, куда добираются через час. Они сообщают Шацу и Нуаелю, что ночью нести двоих пострадавших по столь опасным местам невозможно, и описывают наш жалкий бивак. Шац немедленно предлагает отнести нам продовольствие и снаряжение. Даватондуп идет с ним. Между тем, несмотря на усилия Террая ободрить нас, обстановка под нашим навесом довольно мрачная. Ляшеналь еще под действием морфия, но я в ярости, что мы не смогли добраться до лагеря, находящегося в двух шагах.

Когда мы уже никого не ждем, внезапно появляется Шац. По его лицу бегут потоки воды. Улыбаясь, он с торжеством объявляет, что принес спальные мешки, пуховые куртки, теплые вещи и продукты. Что нам еще нужно! Вскоре раздается приятное гудение примуса. Никто из нас не ел с утра, и при запахе открытых консервных банок у Террая текут слюни. Тем временем Даватондуп надул матрас, и, поскольку еда меня не привлекает, я с наслаждением растягиваюсь на нем.

Всю ночь льет дождь. Я не могу уснуть. Я смертельно замерз, зубы стучат. Меня мучает тревога и даже, должен признаться, страх – ужасный, позорный страх.

Утром погода как будто улучшается. Вид облачности изменился: облака ползут вдоль стен и поднимаются вверх. В Шамони это предвещало бы хорошую погоду.

Лезть обратно в плетеную корзину неприятно. Ляшеналь в свою очередь видит мало привлекательного в том, чтобы снова возвращаться в каколе. Мы спешим добраться до лагеря, и каждую минуту я задаю один и тот же вопрос: – Мы еще не дошли?

И каждый раз мне отвечают, как ребенку:

– Потерпи еще пять минут.

Наконец видим небольшую площадку, на краю которой желтеют крыши палаток.

Когда мы доходим до лагеря, где нас встречают Ишак, Нуаель и Удо, небо проясняется.

Однако неприятности еще не кончились: мост, построенный Шацем, продержится не дольше вечера – он возвышается над водой уже не больше чем на тридцать сантиметров, и его, во всяком случае, необходимо укрепить, прежде чем переносить груз и пострадавших.

Ни один носильщик не рискует перенести нас. Даже шерпы считают это опасным. Между ними разгорается спор. Наконец Аджиба решается, а остальные становятся по обе стороны моста, чтобы помочь ему. Лежа в палатке, я слышу, что переправляют Ляшеная, затем Аджиба возвращается. Он поднимает меня на спину и твердыми шагами направляется к мосту. Мост состоит всего-навсего из четырех—шести бревен, связанных лианами и кое-как прикрепленных к берегам. Бурлящая вода перехлестывает через мост. Над рекой стоит туман мельчайших брызг. У носильщиков мокрые ноги, им легко поскользнуться. Мне хочется закрыть глаза – настолько ужасно чувство беспомощности. Но это свыше моих сил – я смотрю и, хотя Аджиба несет меня очень осторожно, шепчу ему на ухо:

– Slowly, Adjiba!^[105]

Сумеет ли он сохранить равновесие на этот шатком, скользком мостике? Наблюдающий за нами Удо пытается скрыть свое волнение. Ему хочется подбодрить нас, но улыбка получается вымученной. В тот самый миг, когда мы вступаем на мост, я осознаю всю неустойчивость нашего положения. Аджиба рассчитывает каждое движение и очень осторожно ставит ногу.

– Slowly, Adjiba!

Вода бешено мчится, образуя водовороты, при одном взгляде на которые у меня кружится голова. Шерпы, стоящие на той стороне, уже недалеко. Я боюсь, что по мере приближения к твердой земле Аджиба ускорит шаг. Я снова бессознательно шепчу:

– Slowly, Adjiba!

Еще несколько сантиметров, нам протягивают руки, поддерживают, вытягивают... Все!.. Я с облегчением вздыхаю, но в то же время с трудом удерживаюсь от слез – неминуемая нервная реакция после такого испытания.

Аджиба тотчас же несет меня в палатку и устраивает в ней, пока остальные поспешно переправляются через реку, вода в которой поднимается на глазах. Носильщики выстраиваются в очередь на переправе. Через два часа все кончено. Теперь экспедиция не окажется в ловушке в массиве Аннапурны... На следующее утро мост будет сорван бушующим потоком.

Удо немедленно нас осматривает. Он боится, что холод и сырость предыдущей ночи повредили нам. Ноги Ляшеная сильно распухли, его состояние ухудшилось. У меня же после нашего неудачного бивака в основном пострадала правая рука. Раньше Удо утверждал, что потребуются ампутировать только конечные фаланги пальцев, теперь же он говорит, что придется отнять по крайней мере две фаланги. Все это меня крайне удручает.

Мы все собираемся в большой палатке на завтрак. Шац, ходивший вчера на разведку ущелья Миристи, говорит, что нет ни малейшего шанса пройти по этому ущелью прямо до Баглунга и долины Гандаки.

Такой путь позволил бы избежать длинного обхода, но он непроходим: на протяжении нескольких километров гигантские стены отвесно обрываются в реку, и, таким образом, нам почти сразу же пришлось бы взбираться на один из гребней – иными словами, идти той же дорогой, по которой шли наши товарищи 27 апреля.

Мы решаем специально послать Панзи в Нью-Дели, чтобы он отправил телеграммы, написанные несколько дней тому назад.

Я почти не принимаю участия в разговоре. Когда от меня не требуется внимания, я предпочитаю дремать и не думать о настоящем. Силы все более и более падают, и меня страшит дальнейший путь.

После нового осмотра Удо признает, что, поскольку поражена большая область, трудно предсказать, какой оборот может принять дело. Полузакрыв глаза, я слушаю, как он объясняет Ишаку, каким образом сухая гангрена может перейти в газовую, требующую немедленной и значительной ампутации. Ишак содрогается, услышав о том, что токсины, проникающие из пораженной части тела в живую ткань, могут распространиться по всему организму и вызвать общее заражение крови. Иногда же они концентрируются в каком-нибудь одном органе, например в печени, особенно часто это случается после введения антибиотиков, например пенициллина.

Тем временем Террай искусно мастерит для Ляшеная сиденье в виде крюка, наподобие тех, которые используются для транспортировки в Альпах. Оно делается из палок, скрепляемых проволокой, таким образом ноги больного поддерживаются на том же уровне, что и все тело, и основное неудобство, причиняющее боль пострадавшему, устраняется. Шерпы делают точно такое же приспособление для меня. Дождь с адским шумом непрерывно барабанит по палаткам. Выдержат ли они такую бомбардировку?

После тяжелой ночи я медленно прихожу в себя. Узнаю, что погода

улучшилась. Если бы только она продержалась до вечера! Сегодня мы должны подняться с высоты 3700 метров до 4600 метров по чрезвычайно крутым склонам, причем до "Перевала 27 апреля" не будет ни одного места, мало-мальски пригодного для бивака.

По крайней мере, наши сиденья неплохи. Благодаря изобретательности Террая мы с Ляшеналем уже не испытываем такого страха при мысли о предстоящем путешествии.

Носильщики равномерно набирают высоту, хотя тропы нет. Подчас склон так крут, что приходится выбивать в земле ступеньки. Стремясь до темноты добраться до намеченного места, они героически пробиваются сквозь густой туман, являя собой нереальное, фантастическое зрелище. Тени появляются и исчезают... Силуэты растворяются в тумане. Это путешествие могло бы показаться сном, а люди – призраками, если бы не тряска, вызывающая во всем теле нескончаемую боль. Я изо всех сил пытаюсь остаться в состоянии тупого оцепенения. Ляшеналь спит на спине носильщика. Я завидую. Как это ему удается?

Незадолго до полудня основная часть отряда, поднявшись по травянистым кулуарам, достигает места, где при подъеме Шац оставил вымпел Французского альпинистского клуба. Носильщики хотят здесь заночевать, уверяя, что выше не будет подходящей площадки. Ишак и Удо делают вид, что не слышат. Они посылают пострадавших вперед, а сами идут с шерпами... Носильщики вынуждены следовать за ними. Начинается бесконечно длинный траверс к "Перевалу 27 апреля".

Видимость уменьшается до 10 метров. Носильщики идут гуськом. Пока они двигаются с грузом, им тепло, но при остановках они начинают стучать зубами: их единственная одежда – маленькое одеяло. Я пытаюсь приспособиться к ритму походки моего носильщика, но он то и дело нарушает мои расчеты, то сокращая, то увеличивая шаг на каком-нибудь сложном месте. Я непроизвольно протягиваю руки, пытаюсь помочь или убережусь от толчков. Далеко внизу, в самой глубине этого дьявольского ущелья, ревет Миристи.

К концу дня мы попадаем на площадку – ночевку пастухов, единственное ровное место до "Перевала 27 апреля". О том, чтобы в этот вечер дойти до перевала, не может быть и речи. Благоразумие требует, чтобы мы остались на ночь здесь. Единственное, о чем я прошу, – положить меня в палатку, где я мог бы лежать неподвижно.

Угрюмый рассвет. Выходим под проливным дождем. Видимость меньше 20 метров. Сегодня нам придется продолжать траверс и пересечь множество потоков. Это будет нелегко

Мне предстоит тяжелый день. Я отчетливо сознаю, что мое состояние ухудшается: сил больше нет, я абсолютно измотан.

Шац пытается подбодрить меня, уверяя, что гребень уже близко. Затем раздается торжествующий крик: Ишак, которого я едва слышу, хотя он от меня всего в нескольких метрах, орет:

– Морис, ты уже на стороне Кришны!

Я не чувствую особой радости, хотя момент важный. Проходя мимо Ишака, я вижу, что он крутит киноаппарат. Это занятие кажется мне бессмысленным, – наверное, ничего не получится, ведь света нет, а для цветного фильма, как неоднократно говорил Ишак, свет необходим.

Мы начинаем спускаться к перевалу. На каждом шагу носильщики скользят вниз по склону ногами вперед. Резкие толчки причиняют мне невыносимую боль. Невозможно поверить, но дождь льет еще сильнее. В тумане мы пытаемся найти ровное место для лагеря. Пока мои товарищи ищут площадку, носильщики продолжают спускаться к понижению в гребне, отмеченному туром.

Я ничего не понимаю: ведь было решено, что мы остановимся на перевале. Идущие первыми, очевидно, решили, что у нас хватит времени дойти до края леса, расположенного более чем в двух часах хода отсюда. Они забыли об остальных. Я протестую. Двигаться вперед было бы безумием, и, кроме того, я чувствую, что не в состоянии выдержать эту пытку еще в течение двух часов. У меня не осталось сил. Я готов отдать Богу душу. Хочу только, чтобы меня положили где-либо. Я умоляю Ишака остановить отряд и снова вернуться на площадку, которую мы только что прошли. Очень неохотно авангард возвращается, в то время как шерпы ставят на мокрой земле палатки.

Впереди последний трудный день: нам предстоит спуститься на 2000 метров к Шадзиу-Кхола и добраться до лагеря пастухов. Пройдут ли носильщики, особенно те, кто понесет пострадавших, по этим невероятно крутым склонам? Как раз в самом начале пути, после понижения в гребне, отмеченного туром, один из носильщиков поскальзывается: он катится метров пятьдесят. Сейчас он полетит на два километра вниз, прямо в реку... Нет! Ему удастся зацепиться, и он лежит, распластавшись. Тюк, который он нес, катится вниз по склону, так же как и контейнер. Вот он подпрыгивает, описывает широкую дугу и скрывается в бездне. Носильщик отделался испугом, он поднимается и подходит к нам. Это тибетец из Тукучи.

Внезапно раздается ужасный крик. Я не видел, что произошло, но догадываюсь по возгласам: огромный камень сорвался в кулуаре прямо над

Ляшеналем. Терраю, стоявшему рядом, удалось оттолкнуть его, но камень задел носильщика Ляшеналея. Он падает и не может защитить лицо, так как руки засунуты в карманы штормовки. Удар приходится прямо по носу. На лице большая ссадина: оно все залито кровью. Отнюдь не ободряющее начало!

Ишак, Ребюффа и Шац спускаются по большому травянистому кулуару – обиталищу сурков, обнаруженному Ребюффа при подъеме. Они останавливаются у первых деревьев, а остальная группа осторожно идет по их следам. Чтобы обнаружить, кому принадлежит тюк, упавший в Шадзиу-Кхола, они решают проверять грузы по мере того, как будут подходить носильщики.

– Мне кажется, это мой, – говорит Шац, – а я, как нарочно, первый раз в жизни сунул туда бумажник и авторучку.

Шац впивается глазами в одного из носильщиков... Он приподнимает верхний тюк и с радостью обнаруживает под ним свой рюкзак.

– Сомнений нет, – произносит Ишак, руководствующийся методом исключения, – это, конечно, рюкзак Гастона.

Ребюффа воспринимает эту новость без энтузиазма. Обратный путь для него тоже мученье: обмороженные ноги все еще дают о себе знать. Я вижу, как он печально сидит, стараясь припомнить, что он потерял. Внезапно Ишака осеняет:

– Гастон, взгляни, на чем ты сидишь!

Тот мгновенно вскакивает и читает на рюкзаке: "Г. Ребюффа".

Все кончается как в сказке: упавший рюкзак – единственный, не имевший владельца. В нем была запасная одежда.

Мы вступаем в чрезвычайно густой, непроходимый лес. Мы бредем в подводном царстве, в сырых, нездоровых джунглях, где в любой момент ждешь появления отвратительных чудовищ. Именно здесь, поднимаясь вверх, мы видели гигантские рододендроны такого великолепного красного цвета.

Вступаем под знаменитую "триумфальную арку" – естественный свод из цветов.

Идущие впереди носильщики остановились. Почему бы и нет? Общий привал, и вскоре трещат костры.

Удо считает, что самая трудная часть пути впереди. Он хочет во что бы то ни стало продолжать движение. Он делает мне новые инъекции морфия и спиртокамфоры. Я настолько худ, что уколы причиняют мне резкую боль. На какое-то мгновение я теряю сознание.

Ловлю на себе взгляды шерпов и носильщиков. Какое зрелище я,

должно быть, представляю! В их глазах – новое выражение, не виданное мною прежде. Жалость ли это, или печаль, или сочувственное безразличие? Перед выходом шерпы кладут мне на колени гирлянду самых красивых цветов, какие только они смогли найти. Этот жест меня глубоко трогает. С этой минуты в продолжение всего длинного

перехода при малейшей возможности шерпы не забывали положить около меня цветы.

Начинается спуск сквозь мертвые джунгли. Шерпы идут впереди. Сильными взмахами своих кукри^[106] они рубят стволы бамбука и ветви, преграждающие путь. Земля размокла. Все скользят – едва ли найдется хоть один, кто не упал бы в этот день. Кузи, Ишак, Удо, Шац и Террай уходят вперед для разведки. Нуаель, согласно плану, все время впереди на один переход, а Ребюффа остается со мной и Ляшеналем. Уколы Удо оказываются весьма эффективными: я совершенно измучен, но уже не чувствую такой боли и большую часть времени дремлю, полузакрыв глаза. Ляшеналь следует за мной по пятам. Последний участок перед рекой особенно крут. На мой взгляд, у меня не больше одного шанса из тысячи спуститься живым. Фактически склон почти отвесный, а узкая тропка пересекает его под углом; носильщикам приходится цепляться за деревья, растущие вдоль тропы.

Мой носильщик не знает, что делать: он не может двинуться ни вперед, ни назад. Наконец он прижимается животом к стене и продвигается боком шаг за шагом. Мое сиденье буквально висит над бездной. Шерпы то и дело втыкают ледорубы в мокрую землю и отчаянно налегают на них, пытаюсь помочь моему носильщику. Я мучительно чувствую малейший толчок. С ужасом смотрю я на несущуюся подо мной Шадзиу-Кхола, в которую я могу упасть каждую секунду. Если носильщик поскользнется, спасения нет: возможно, ему самому удастся остановиться, но кто сможет задержать меня? У меня уже нет сил бороться со страхом. Теперь я знаю, что такое настоящий страх. Ляшеналь также терроризирован. К счастью, его руки свободны и время от времени он может помогать себе. Каждый шаг, приближая нас к цели, приносит облегчение. Однако перед концом нас ждет последнее испытание. На протяжении шести метров тропинка, уже едва заметная, совершенно исчезает. Вдоль скалы вьется маленькая расщелина, в которую иногда удается засунуть ногу. Мой носильщик, проявляя величайшее мужество, продолжает идти вперед. Я не могу выразить своего восхищения этими людьми, которые не колеблясь выполняют столь опасную работу. Он передвигается боком, цепляясь за малейшие неровности, в то время как другие помогают ему правильно

поставить ногу.

Наконец-то мы добираемся до Шадзиу-Кхола. Нам предстоит переправляться вброд через этот поток, вздувшийся от муссонных дождей. Вслед за мной Ляшеналь прошел опасный участок. Несмотря на весь свой страх, он, кажется, вполне владеет собой, тогда как я – просто жалкая развалина. Стоя плечом к плечу и поддерживая друг друга, носильщики успешно сопротивляются силе потока. Мы поднимаемся метров на сто по благоухающим зарослям, и там, вдалеке, я вижу место ночевки пастухов.

Перед тем как сделать это последнее усилие, носильщики останавливаются, но через несколько минут я прошу своего носильщика пройти до лагеря как можно быстрее. У подножия скальной стены мне кажется, что он неправильно выбрал направление – по дороге сюда мы траверсировали этот склон, но сопровождающие нас шерпы идут уверенно. Мы выходим на такой крутой травянистый склон, что вынуждены применить технику, используемую обычно на льду. Шерпы упорствуют, и мы продолжаем путь, переходя к самому настоящему лазанию. Мои нервы не выдерживают, и я кричу Ишаку, чтобы он вмешался, иначе мы сорвемся, но носильщики упрямятся. Теперь мы под карнизом, нависающим над вертикальной стеной. Скалы разрушенные. Сидя на спине носильщика на метр от скалы, я вижу под собой самую глубину ущелья. Шерпы взволнованы. Они говорят мне, что носильщик не может повернуть назад – он должен двигаться вперед. Больше я вынести не в состоянии и зову на помощь... Однако счастье улыбается мне уже давно.

Через несколько шагов идти становится легче. Мы вновь оказываемся на траве и находим тропу, по которой и следовало двигаться с самого начала. Учтя наш опыт, Ляшеналь выбирает этот путь. Мы доходим до лагеря как раз в тот момент, когда кончается дождь.

Оказавшись в палатке, я не хочу ничего, кроме тишины и покоя... У меня едва хватает сил, чтобы говорить, но я шепчу Удо, что самое трудное теперь позади – вплоть до Лете хорошая тропа. Мне вспоминаются лиственничные леса около деревни и красивые луга, усеянные гранитными валунами. Эти лужайки напоминают мне долину Шамони. В течение всего обратного пути эта роща представлялась мне гостеприимным и полным поэзии убежищем! Как мне хотелось бы побыть здесь подольше! Товарищи соглашаются. В конце концов, бессмысленно всем идти в Тукучу, раз все равно придется возвращаться через Лете. В этих лесах мы реорганизуем всю экспедицию, прежде чем начнется долгое путешествие по долинам Непала к индийской границе.

– Где мой ледоруб? – спрашиваю я Шаца.

Для меня это очень важно. Поскольку Ляшеналь потерял свой, мой ледоруб – единственный, побывавший на вершине Аннапурны. Никто не видел его с момента выхода из базового лагеря. Шац осматривает все ледорубы шерпов, но не находит моего. Я глубоко переживаю потерю. Сам по себе ледоруб не представляет ценности, но я собирался по возвращении подарить его Французскому альпинистскому клубу^[107].

Сегодня у нас короткий переход: Удо считает, что мы доберемся до роши Лете раньше полудня. Торопиться нет необходимости, и мы можем наслаждаться лучами солнца, появившегося словно по волшебству. Носильщики уходят, а затем и мы покидаем пастуший лагерь.

Все вместе мы прибываем в Чойю, где нас встречают с энтузиазмом. Местные жители со всех ног бросаются к нам и с любопытством глазят на пострадавших. У Даватондупа, должно быть, пересыхает в горле при одном воспоминании о полученном здесь удовольствии... Анг-Таркэ пространно объясняет Ишаку и Удо, какое это великолепное место для лагеря – здесь есть и вода, и лес, и еда...

– Good place!^[108] – настаивает наш сирдар. В Чойе чанг тоже неплох...

Но сагибы как будто не понимают. В путь! Отряд неохотно трогается, и вскоре мы подходим к берегам Кришна-Гандаки. Ее прозрачные чистые воды стали черными и грязными, она бурлит и пенится с адским шумом. Мы переходим по мосту без каких-либо происшествий и после часа ходьбы добираемся наконец до места привала, о котором я так долго мечтал.

Выбираем большую, покрытую травой площадку, ограниченную тремя огромными гранитными валунами. Нас окружают нежно-зеленые лиственницы. Прохладное и покойное место! Ветер играет ветвями деревьев, и, когда я закрываю глаза, мне кажется, что я снова в Шамони.

Шерпы расставляют палатки где им нравится. Солнце греет, и Удо решает осматривать нас под открытым небом. У меня начала гноиться нога и руки в ужасном состоянии. В воздухе совершенно омерзительный тошнотворный запах – все бинты пропитаны гноем. Удо использует последние запасы бинтов – он знает, что в Тукучи придут новые. В первый раз за все время он берет в руки ножницы и принимается "снимать кожуру", то есть резать куски мертвой ткани. В ногах я не чувствую особой боли, но руки столь чувствительны, что малейшее прикосновение заставляет меня кричать. Я не выдерживаю – я не в состоянии больше бороться. Удо решает прекратить. Он смазывает раны хромовокислой ртутью.

– Полежи здесь, пока я «сделаю» Ляшеналья, – говорит он.

Состояние Ляшеная улучшилось. Он хорошо перенес этот мучительный переход, и теперь, когда мы уже внизу, в долине, у него прекрасное настроение. Великолепный аппетит его не покидает.

В поддень Ишак, Удо и Шац уходят в Тукучу, где их радостно встречают Нуаель и Ж.Б... Рана. В этот вечер они долго беседуют, расположившись в немногих оставшихся палатках. Однако их разговор не слишком весел, так как его главная тема – состояние больных. Удо считает, что меня, несомненно, надо оперировать раньше, чем мы доберемся до индийской границы, что произойдет лишь в первой половине июля.

На следующий день лагерь окончательно снимается. Вокруг кольцо носильщиков и детей, которые, часами сидя на корточках, присматривают консервные банки или старые тюбики от молока. Нуаель наблюдает за оплатой носильщиков: щедрая раздача рупий! К вечеру Удо завершает приготовления и отправляется обратно в Лете к своим пациентам.

Через 24 часа все готово. Мои товарищи могут покинуть деревню, где нас встретили с таким радушием и где мы пользовались гостеприимством в течение почти двух месяцев. Носильщики и местные жители провожают сагибов долгими криками. Это прощание! К четырем часам все возвращаются в Лете.

Состояние больных – особенно мое – становится угрожающим. Вернувшийся накануне Удо считает положение критическим.

Сегодня с утра он оперирует. Возобновляются мучительные уколы. Я представляю собой все более жалкое зрелище. Потеряв 20 килограммов, я стал невероятно худым. Лихорадка все усиливается – в этот вечер 40,9° С!

– 39° С, – не моргнув глазом объявляет Ишак.

Я ни на что не реагирую и по большей части нахожусь без сознания, в коматозном состоянии.

– Усиленные дозы пеницилина! – командует Удо. Глаза неудержимо закрываются... Из тумана появляются тени... Они подходят все ближе... Склоняются надо мной... Бесшумно исчезают. Тишина подавляет.

Боль прекратилась. Друзья молча ухаживают за мной. Работа окончена. Сознание ясно. Собрал остаток сил, в своей последней, длинной молитве я умоляю смерть прийти за мной.

Я потерял желание бороться за жизнь.

Я сдался – предельное унижение для человека, движущей силой которого всегда была гордость.

Ни для вопросов, ни для упреков сейчас нет времени.

Смерть! Я смотрю ей прямо к лицу.

Я отчаянно призываю ее.

Внезапно предстает перед моим взором жизнь людей. Те, кто уходит навсегда, не одиноки. Горы охраняют меня. Мне открываются невиданные горизонты. Там, у моих ног, на этих обширных равнинах, миллионы человеческих существ следуют за судьбой, выбранной не ими.

Умиравшие обладают сверхъестественной силой. Необычайная интуиция отождествляет личность с целым миром. Вершина разговаривает с ветром, свистящим над гребнем или играющим листвой.

Все будет хорошо. Я останусь здесь навсегда, под несколькими камнями и крестом.

Мне дали мой ледоруб.

Дуновение ветерка нежно и благоуханно.

Мои друзья уходят. Они знают, что теперь я в безопасности.

Я смотрю, как они удаляются медленными, печальными шагами.

Процессия растягивается по узкой тропе. Они уходят к равнинам и прекрасным горизонтам.

Молчание...

По рисовым полям

Я кричу, почувствовав легкую боль: Ишак только что сделал мне свой первый укол и страшно взволнован. Дождь идет, идет... Грустная обстановка для ухода.

Удо колебался, прежде чем отдать приказ о выходе, но сегодня уже 19 июня, и нам пора отправляться.

Мы с Ляшеналем лежим на носилках, сделанных для нас Ж.Б... Рана. Прежде чем снова впасть в оцепенение, я в последний раз бросаю растроганный взгляд на эту рощу.

Отряд трогается. Ребюффа, раздобывший лошадь, гарцует вокруг нас. Перебираемся вброд через поток, сбегающий с Дхаулагири.

Носильщики становятся плечом к плечу, чтобы бороться с течением. Ишак и Удо раздеваются и с большим достоинством шествуют через реку в одних кальсонах. В результате всех последних событий они похудели и теперь выглядят стройными юношами.

Придя в Дана, мы впервые чувствуем, что высокие горы остались позади: маисовые поля, бананы, жара – это возвращение к долинам.

Даже после всего, что произошло, больно сознавать, что мы навсегда оставляем этот край, где мы пережили такие волнующие дни.

Один за другим носильщики покидают нас. Несмотря на все наши уговоры, даже Панди отказывается идти дальше. Ему не нравится климат долины. По его телу ручьями бежит пот.

20 июня, после полудня, мы идем по хорошей тропе. Солнце, давно не появлявшееся, выглядывает на несколько минут. Мы останавливаемся позавтракать под огромными баньянами. Для меня это пытка: самая мысль о еде вызывает отвращение. Удо стал моим палачом – он заставляет меня есть, да и все другие стараются, чтобы я что-нибудь проглотил.

Ишак и Террай пробуют все способы: иногда они убеждают, иногда упрашивают, пока, наконец, не выходят из себя и не переходят к угрозам:

– При таком режиме ты не протянешь и нескольких дней!

Если бы они знали, как мало трогает меня этот довод! Когда они прекращают свои тщетные уговоры, появляется

Удо. Он не церемонится, а попросту приказывает мне проглотить, что дают:

– Ты должен покончить с этими почками. Я вернусь через минуту посмотреть, съел ли ты их. Ведь ты же не хочешь, чтоб тебя накормили

силой?

Саркэ нарезает отвратительного вида почки и преподносит их мне на кончике ножа. Я, как ребенок, без конца жую... Проглотить невозможно! Удо сейчас вернется! Он для меня как пугало. Наконец-то! Кусок проглочен. Мне кажется, что он меня душит и что меня сейчас вырвет. О дьявол! Проглотить еще столько! Удо возвращается с суровым видом:

– Это несерьезно, Морис!

Повернувшись к Саркэ, он приказывает продолжать.

И так каждый раз.

Под баньянами воздух прохладный. Симпатичные толстые цыплята безбоязненно бегают рядом с нами. Если бы можно было съесть одного из них, это было бы намного приятнее жесткой баранины, от одного запаха которой меня тошнит. Крестьянин готов продать нам одного при условии, что мы поймаем его сами. Едва он успевает договорить, как Ж.Б... Рана хватает свое ружье и стреляет! Цыпленок разорван пополам и оканчивает свою жизнь в кастрюле. Анг-Таркэ приносит его с триумфом: не так уж часто Бара-сагиб хочет что-нибудь съесть.

Мои носильщики, родом из Дана, обладают сверхъестественным мастерством. Вчетвером они несут меня, как спичку. Один из них, одноглазый, лет около пятидесяти, проявляет по отношению ко мне самую трогательную заботу. На каждом привале он объясняет, что идти осталось совсем немного и что они хорошо знают дорогу.

Вера в их силу и ловкость ободряет меня: если хоть один носильщик споткнется, Ляшеналь или я можем пролететь сотни метров. Подчас носилки наклоняются, и я отчаянно упираюсь коленями и локтями, чтобы не соскользнуть. Когда это не удается, я зову на помощь: подбегает один из шерпов и поддерживает меня.

Эти волнения действуют мне на нервы, и я прошу, чтобы кто-нибудь из шерпов постоянно находился около меня. Для этого выделяется Саркэ, который и остается возле меня на все время. Он подает мне свежую воду и бананы, помогает есть и на каждом привале надувает матрас, чтобы меня не беспокоили лежащие на земле камни. Я так худ, что малейшая неровность причиняет мне боль.

Одну ночь мы проводим около Бандунга, недалеко от огромного водопада. Льет дождь. Лежа в своей палатке, едва замечая атаки муссона, я пытаюсь уснуть. Вспоминается наш кошмарный спуск. Мне кажется, что невозможно вынести столь продолжительную голгофу. Хотя запах моих бинтов у всех вызывает отвращение, не слышно ни одной жалобы. Но сам я зачастую почти теряю сознание.

Рядом со мной спит Ишак, и я тоже наконец забываюсь. Посреди ночи я внезапно просыпаюсь. Абсолютная тьма. Сверхъестественная сила заставляет меня приподняться. Ужасная тоска сжимает мне сердце. Меня охватывает чувство небытия. Мне кажется, что я сейчас умру. В ушах непрерывно раздается оглушительный звон. У меня вырывается крик: "Где я?" Зажигают свет, с колоссальным облегчением я осознаю, что я в палатке, и вспоминаю, что я член экспедиции. Ишак встревожен:

– Черт возьми, что случилось?

Я пытаюсь объяснить ему ужасное ощущение "небытия", только что испытанное мной.

– Должно быть, кошмар, – замечает он.

Тем не менее он не гасит свет и ласково разговаривает со мной, пока я совсем не успокаиваюсь.

На следующее утро я первым делом рассказываю об этом Удо. Он объясняет, что морфий иногда вызывает такую реакцию... С этих пор я уже никогда не отважусь его принимать. Легче перенести самую ужасную боль, чем платить такой ценой за облегчение.

Около Бени мы узнаем, что здесь эпидемия холеры. Приходится обходить деревню, переправляясь по мосту, перекинутому через бурлящую необузданную Гандаку. Этот мост длиной примерно шестьдесят метров, висящий на высоте пятнадцать метров над рекой, причиняет нам немало беспокойства. Он сделан из двух длинных цепей и ржавых искривленных прутьев, поддерживающих старые гнилые доски. Он весь колеблется, и эти колебания могут стать угрожающими. Придется использовать каколе! Первым переправляется Ляшеналь. Он не проходит и нескольких метров, как начинает отчаянно кричать. Шерпы помогают Аджибе, несущему Ляшеналья, отводя прутья, за которые задевают ноги пострадавшего. Когда наступает моя очередь, я стараюсь мужественно перенести это испытание, однако, хотя шерпы отводят прутья и Аджиба идет так осторожно, как только может, качание вызывает у меня тошноту. На противоположной стороне я присоединяюсь к Ляшеналю, и мы вдвоем образуем великолепный дуэт, плача от боли перед смущенными носильщиками.

Ж. Б. Рана намерен пустить свою лошадь вплавь. Связывается несколько нейлоновых веревок, и с противоположного берега все принимаются ее тянуть. Несчастное животное, чуя опасность, героически сопротивляется. Волей-неволей оно оказывается в реке и немедленно исчезает в волнах. Вережку тянут изо всех сил. Время от времени появляются уши, нога или бок... Сейчас выплывет труп! Ничуть не бывало! В нескольких метрах от берега показывается голова, затем лошадь

медленно вступает на твердую землю и направляется к нам с олимпийским спокойствием.

Уже поздно. Мы разбиваем лагерь около реки. Но на этой стороне тоже свирепствует холера, и на следующее утро после очередной мучительной процедуры "снятия кожи" мы поспешно покидаем этот нездоровый район.

Каждый день льет дождь, и по вечерам, когда нам приходится искать убежища, мы клянем и ругаем все на свете. Нам нужен дом, где бы мы могли быть все вместе, где бы у нас было достаточно места, чтобы разобрать вещи, и где бы мы были, наконец, избавлены от раздражающего шума ливня, барабанившего по палатке. Добравшись до маленькой деревушки Кусма, мы попадаем в затруднительное положение. Здесь нет ни одного подходящего дома, и "власти", к которым мы обратились, ведут нас... в пагоду! Мы непринужденно устраиваемся, и вскоре из этого священного места, которое, очевидно, больше не используется, доносится адская какофония песен, не предназначенных для ушей молодых девушек.

Часть членов экспедиции занята расплатой с носильщиками, которые должны возвратиться в Дана, и вербовкой людей для перехода в Тансинг. Шац собирает снаряжение и проверяет груз. Кузи, единодушно избранный поваром, сует свой нос во все открытые контейнеры.

Все неясно. Мы даже не знаем, достанем ли достаточно носильщиков, чтобы выйти на следующий день. Нам сказали, что остается еще пять переходов. В действительности же мы затрачиваем больше десяти дней.

Террай, по обыкновению обуреваемый жаждой деятельности, собирается меня стричь. Едва он начинает, как в трех метрах от нас раздаются громкие крики.

- Смотрите! Смотрите! – надрывается Кузи. – Колоссальный паук!
- Никогда не видел такого гиганта!
- Осторожней!

Кузи, не далее как позавчера укушенный скорпионом, предусмотрительно отступает.

– Потрясающе, – говорит Ишак. – Надо непременно поймать его и сохранить. Мы покажем его будущим гималайцам.

– Один момент, – отвечает Удо, шаря в поисках ампулы хлористого этила, уже применявшегося им для анестезирования лошади. – На, держи! При помощи этой штуки ты сможешь легко и безболезненно отправить его на тот свет!

Ишак, потрясая ампулой, преследует паука. Тот делает огромные прыжки, сантиметров по тридцать, и наконец скрывается в какой-то дыре.

В тот момент, когда его убийца уже готов отказаться от своего намерения, паук вновь появляется в траве.

– Теперь не уйдешь!

Облитый хлористым этилом, паук застывает неподвижно.

Через несколько минут он уже лежит в коробке, распятый на булавах. Диаметр его тела 25 миллиметров, а размах лап более 10 сантиметров.

На следующий день около пятидесяти пациентов ожидают "доктор-сагиба". У них самые разнообразные болезни, в основном флегмоны и непонятные лихорадки. Осмотр всех пациентов требует много времени, много медикаментов, а главное – бесконечного терпения со стороны Удо. Он составляет стандартный перечень вопросов:

- 1) Сколько лет?
- 2) Хорошо ли спите по ночам?
- 3) Хороший ли аппетит?
- 4) Где болит?
- 5) Есть ли кашель?

Эти вопросы вручаются Нуаелю, который с помощью нескольких слов на хинди переводит их на английский для Ж.Б... Рана, а Ж.Б... в свою очередь переводит на гуркали. Ответам приходится проделать этот путь в обратном порядке, и после всех промежуточных инстанций они зачастую выглядят весьма странно. Шерпы покатываются со смеху.

Они понимают только часть разговора – последний кусок, который начинается на хинди, продолжается на гуркали и затем снова переходит на хинди. К этому моменту смысл изменяется самым нелепым образом!

Престиж Удо колоссален. Люди приходят к нему издалека, ибо он стал чем-то вроде полубога. Нас восхищает трогательная наивность этих людей, доверяющих свое здоровье, а иногда и жизнь абсолютно незнакомому человеку. Впервые в жизни их осматривает настоящий врач. Когда они болеют, их обычно лечит деревенский знахарь или так называемый "исцелитель".

Пациенты не всегда сговорчивы, так как связаны религиозными обычаями. Они корчат гримасы, когда Удо до них дотрагивается. Самое трудное – осматривать женщин. Они чрезвычайно стыдливы и ни за что на свете не разрешают прикасаться к себе, а уж тем более не соглашаются раздеваться. Однажды Удо удалось снять лохмотья с непальской девушки. Когда она была раздета наполовину, Саркэ, помогавший Удо, скромно удалился из палатки. Сама девушка на большее не согласилась. Всем нужно давать лекарства. Когда это возможно, Удо дает им соответствующие средства, в противном случае он раздает безвредные пилюли,

производящие в основном психологическое действие. Но как они их употребляют? Не моргнув глазом они глотают крем от загара и дружески меняются лекарствами, предназначенными для совершенно определенных болезней. Во всяком случае, они с большим мужеством переносят любые хирургические операции.

Однажды приходит несчастный юноша с двойным открытым переломом запястья. Из-под массы гноя вылезает кость, рука распухла, а кисть раздулась до невероятных размеров. Очевидно, дело плохо. Посредством все того же сложного процесса перевода Удо выясняет, что несчастье произошло две недели назад.

Он предлагает родителям ампутацию – как единственное средство спасти их сына. Они отказываются и дают понять, что именно им нужно: перевязка. Ничего не поделаешь. Удо дает пациенту морфий и затем пытается поставить кость на место: кое-как это ему удастся, и, наконец, он кладет руку в гипс.

– Что же будет дальше? – спрашиваю я с беспокойством. – Ведь никто не будет менять повязку, и через несколько дней нагноение возобновится.

– Ничего не поделаешь. По всей вероятности, недели через две он будет мертв. – В его словах звучит такой фатализм, что мороз подирает по коже. Однако он прав. Мы не можем рассуждать здесь так, как в Европе, – вокруг нас еще средневековье. Я думаю обо всех этих несчастных – жертвах эпидемий, от которых они не в состоянии защититься: нет ни врачей, ни вакцины. В таких странах смерть легко находит дорогу. Отбор здесь строгий. Во время своего длительного отступления мы часто встречаем похоронные процессии. Нам с Ляшеналем не доставляет особого удовольствия смотреть на похоронные носилки, столь напоминающие наши собственные. Умершие завернуты в саваны странных цветов. Перед ними несут трубы, эхо от которых долго отдается в горах. Родственники и друзья умерших идут молча, не проявляя особой скорби. Смерть – всего лишь переходный этап. В ней нет ничего печального: ведь человек возродится в других, более совершенных формах. Тела зарываются по берегам Кришна-Гандаки, и муссонные потоки уносят их вниз, к священному Гангу.

Каждый день Удо ухаживает за больными участниками экспедиции. Он постоянно бегаёт за своим ящиком с лекарствами. Этот ящик находится либо намного впереди, и нам приходится догонять его, либо далеко в тылу, и мы вынуждены долго ждать. Однако ни я, ни Ляшеналь обычно не спешим видеть нашего друга за работой. Постепенно сказывается введение больших доз пенициллина: лихорадка ослабевает, и призрак общего заражения крови отступает. Я начинаю разговаривать и интересоваться

окружающим. Однажды на зеленой лужайке в Путликете Удо, как обычно, принимается за меня.

– Не кричи так, – просит он.

– Я стараюсь делать как можно осторожней. Приготовьте. Ну как, больно?

Я напрягаю всю силу воли, чтобы вынести боль, и стискиваю зубы:

– Все в порядке. Я даже не почувствовал.

– Прекрасно, – говорит Удо. – Ножницы.

– А-а... а!

Боль пронизывает все тело. Удо объявляет:

– Первая ампутация! Мизинец!

Сердце вздрагивает. Мизинец не так уж необходим, но все равно мне его жаль! Первая ампутация. На глаза навертываются слезы. Удо протягивает мне отрезанный палец.

– Может быть, хочешь взять его на память?

– ...!

– Знаешь, его можно сохранить! Но ты как будто не проявляешь особого энтузиазма!

– Он мне совсем не нужен: хранить черный, совершенно сгнивший мизинец... не вижу в этом никакого смысла.

Небрежно бросая «сувенир» в крышку контейнера, Удо говорит:

– Однако ты несентиментален.

Граница между живой и мертвой тканями теперь отчетливо видна. Удо орудует распаторием^[109], и ежедневно я лишуюсь одной-двух фаланг на ногах или руках. Все это делается без наркоза, под открытым небом, когда можно и как можно.

Иногда Удо оперирует в туземном жилище, иногда у обочины дороги, в неизбежной пыли, подчас он работает рядом с рисовыми болотами, несмотря на сырость и пиявки, и снова посреди поля, под дождем, укрывшись под зонтиком, который держит дрожащей рукой Ж.Б... Рана.

Без передышки Удо чистит, режет, перевязывает.

Во время операций, когда мы терпим эти муки, когда вокруг нас тошнотворные запахи: гной, кровь, сочащиеся сквозь бинты, и сотни мух, сидящих на ранах, – как это ни странно, мы зачастую становимся свидетелями забавных инцидентов. Сейчас, после первых муссонных дождей, настало время рассаживания риса. Все, кто только может работать, заняты на рисовых полях. Найти носильщиков для экспедиции становится невозможно. Мои товарищи очень обеспокоены: мы должны выбраться отсюда любой ценой. Удо просит Ж.Б... Рана воспользоваться своим

авторитетом и применить крайние средства для вербовки носильщиков. Он напоминает, что мы находимся под покровительством магараджи, который не потерпит, чтобы нас задерживали в тот момент, когда мы хотим покинуть страну. Ж.Б... делает все, что в его силах, но безуспешно.

Постепенно мы ожесточаемся. Мы предлагаем сверхвысокую цену, однако вскоре выясняется, что чем дальше мы проникаем в районы интенсивного земледелия, тем больше возрастают наши затруднения, пока, наконец, мы не попадаем в тупик.

Несмотря на свое нежелание прибегать к грубым мерам, мои друзья вынуждены применить систему "добровольного набора". Метод прост: нужно брать людей там, где их находишь, хватать их за штаны и с нежностью навьючивать на них груз или вручать носилки. Несколько минут носильщики сопротивляются, но все кончается улыбками. Они получают достаточно рупий, чтобы стереть у одних сожаление, а у других – угрызения совести. Шерпы в совершенстве усвоили эту операцию, и мне думается, что мы не первая гималайская экспедиция, применяющая такой метод. Они с невинным видом прогуливаются по деревням, поводя носом, готовые прыгнуть на первого встречного, способного нести груз.

Я лежу под навесом дома прямо в центре деревушки Гаромборе, обессиленный после хирургической процедуры, во время которой я перенес несколько ампутаций. Я безучастно смотрю на центральную каменистую улицу, полную оживления. Шерпы вышли на "охоту"... С ними пошел носильщик, предоставленный нам суба Тукучи. Накануне он притащил мне великолепную саблю чеканного серебра. Он принял участие в "охоте". У него громовой голос, и он кричит громче всех.

Внезапно из соседнего переулочка появляются Саркэ, Анг-Таркэ и Аджиба, толкая перед собой четырех крестьян. Те ничего не понимают. В мгновение ока у них были отняты все орудия, и после небольшого «дружеского» внушения они превратились в носильщиков!

Один за другим «добровольцы» прибывают на поле брани. Вербовка идет вовсю.

Мы движемся под дождем, вытянувшись в одну колонну... Внезапно шерпы замечают рыбака. День на исходе. Вокруг царят необычный покой и тишина. Рыбак возвращается домой и медленно идет впереди нас с сеткой, набитой рыбой. Аджиба подталкивает локтем Путаркэ и Саркэ, на цыпочках крадется вперед. Короткая стычка: сетка, удочка и прочие принадлежности летят в сторону. Через несколько секунд пленник уже держится за ручки моих носилок, шагая в ногу со своими новыми коллегами. Бедный рыбак! Шерпы ласково объясняют, что ему придется

идти до Тансинга, но что в виде компенсации он получает порядочное количество рупий. Рыбак плачет, умоляет... Но так как выбора нет, все кончается улыбкой. "Однако со мной сыграли ловкую штуку", – по всей вероятности, думает он.

Подобные сцены повторяются во время нашего отступления ежедневно, так как каждую ночь многие носильщики, отказываясь от заработанных ими рупий, сбегают.

Положение становится критическим. Экспедиция разбросана по нескольким деревням, и подчас разрыв между передовым отрядом и тылом достигает двух дней пути. Некоторые группы застревают в безлюдных местах, где невозможно найти и следов носильщиков.

29 июня в Дарджилинге на поверке обнаруживается, что отсутствуют двадцать пять носильщиков. Погода ужасная. Вот уже два или три дня, как некий бывший унтер-офицер гурка, щеголяющий великолепной фуражкой, бродит вокруг экспедиции без какой-либо определенной цели. После его бесед с носильщиками всегда следует дезертирство... Он сеет смуту. Ишак приходит к нам с Удо.

– Если этот парень так плохо влияет на носильщиков, вероятно, он обладает некоторым авторитетом.

– Возможно, но если он будет продолжать в том же духе, мы кончим как Харрер^[110], – отвечает Удо.

– Может быть, вступить с ним в переговоры и воспользоваться его влиянием? – предлагает Ишак. – Почему бы нам не нанять его и не использовать для вербовки носильщиков?

Таким образом, мы нанимаем его за десять рупий в день. Однако наше приобретение далеко от совершенства. Ему, правда, удастся завербовать носильщиков, оказывая давление на соседних суба, но зато он обладает неумеренной склонностью к чангу и к хорошеньким непальским девушкам. По вечерам под его предводительством отплясываются дикие танцы, продолжающиеся далеко за полночь. На следующее утро наш сержант-вербовщик появляется с больным видом и утомленными глазами.

Однако он берет себя в руки и вскоре отправляется на поиски добровольцев-носильщиков.

В продолжение многих и многих дней мы идем через эту самую необычайную страну, спускаясь из высоко расположенных ущелий Непала на равнины. Пройдя в течение целой недели вдоль Кришна-Гандаки до Кусма, мы вынуждены изменить выбранный нами путь: вода в этой огромной реке так поднялась, что переправа очень опасна, если вообще возможна. Поэтому в Кусма мы покидаем Гандаку и пересекаем высокие

холмы, чтобы выйти в бассейн Анди-Кхола, текущей параллельно Гандаке. Ее берега еще проходимы.

В Тансинге мы снова возвратимся на старую дорогу.

Экспедиция превратилась в скопище изможденных людей, уныло бредущих непонятными дорогами. Нас поддерживает одно желание: как можно быстрее попасть в Индию.

Бесконечный спуск по нескольким долинам под вечным дождем или во влажную жару муссона оказывает на всех пагубное влияние. Мои товарищи потеряли энергию. С жалким видом они бредут вдоль низких оград рисовых полей, они движутся молча, с опустошенным взглядом, не проявляя ни к чему интереса.

Кузи и Террай замыкают. Нуаель впереди. Когда мы подойдем к границе, он отправится в Горакпур, чтобы организовать обратный проезд по индийской железной дороге. В центре отряда – Удо, Ишак, Ляшеналь, Ребюффа, Шац и я. С каждым днем Ляшеналь становится все более нервным. Малейшая задержка выводит его из себя, он клянет носильщиков.

Во время остановок мы иногда оказываемся бок о бок. Он читает единственный детектив экспедиции, читает маленькими порциями, чтобы продлить удовольствие. Насколько я понимаю, это рассказ о каком-то безголовом человеке. Это единственное, что я уловил.

– Черт знает сколько времени мы теряем даром!

– Немножко терпения, Бискант. Это все не так-то просто. Вспомни о "добровольной вербовке"!

– А Ж.Б...! Не кажется тебе, что он мог бы быть немножко порасторопней?

– После такого тяжелого перехода на всех действует жара.

– О дьявол! – взрывается Ляшеналь. – Я просто видеть не могу всех этих парней, изо дня в день болтающихся вокруг нас, размахивающих руками и кричащих что-то, в чем невозможно понять ни одного проклятого слова! Если ты махнешь ему рукой, чтобы он подошел, он бросает груз на землю! Если ты пытаешься объяснить, что хочешь пить, тебе приносят бананы! О мой дом в Шамони, моя жена и детишки!

– Осталось идти немного. После Тансинга всего два дня ходьбы до Индии. Теперь можно уже считать не дни, а часы. Все, о чем я мечтаю, – это хорошая больница с современной операционной, с массой медикаментов и бинтов, которые бы постоянно менялись... А главное – побольше ваты!

Дело в том, что за последнее время у нас стало очень мало ваты, хотя Удо использует все мало-мальски пригодные куски. Медицинский спирт

кончился, и иглы приходится дезинфицировать в моем одеколоне.

– Слава богу, что с нами наш эскулап, – с признательностью замечает Ляшеналь. – Я просто не представляю, что бы мы делали без него!

– Тебя-то уж наверное тут не было бы! Но не кажется тебе, что он мог бы быть чуть-чуть... помягче? Черт побери, какую адскую боль он иногда причиняет! Видишь ли, этим хирургам наплевать, под наркозом человек или нет, они преспокойно режут, колют, кромсают. О, мы несчастные!

И какой мы устраиваем дуэт! Как приятно жаловаться!

Горакпур

Постепенно экспедиция привыкает к той бродячей жизни, которую мы ведем в течение многих недель. Иногда мы пробиваемся по скользким низким стенкам, разделяющим рисовые поля, но носилки слишком широки, и их приходится нести прямо по полю. Мне вспоминается, как в детстве я представлял себе средневековых феодалов, топтавших для собственного удовольствия созревший урожай. Иногда мы движемся гуськом по тропинкам, проходящим посреди странных маисовых полей с гигантскими растениями, возвышающимися более чем на метр над нашими головами.

Во время привалов носильщики на корточках усаживаются вокруг нас, по очереди затягиваются одной и той же сигаретой. Религия запрещает им дотрагиваться губами до сигареты, к которой уже прикасался другой, но они нашли способ преодолеть это затруднение: охватывая кончик сигареты большим и указательным пальцами, они прижимают губы к этому подобию трубки, вдыхают дым и таким образом, не прикасаясь к бумаге, получают невинное удовольствие.

При приближении к Тансингу погода улучшилась. Теперь мы жестоко страдаем от солнца. Мухи роями кишат на моих пропитанных гноем бинтах, и я ничего не могу с этим поделать.

Подходит какой-то брамин и обращается ко мне с какой-то длинной просьбой. Я бездумно отвечаю: "Атча! Атча!" Насколько я понимаю, он называет себя солнцепоклонником – не слишком удачный момент для такого признания: я от души желаю ему провалиться вместе с его солнцем!

Непрерывно жестикулируя, он продолжает свою длинную речь. Он меня утомляет, и я устремляю рассеянный взгляд на свежее, омытое дождем небо. Внезапно мое внимание привлекает некий предмет: если я не ошибаюсь, это зонтик, который брамин держит под мышкой!..

Во мне немедленно просыпается огромный интерес к его речам, и через несколько секунд мне удастся втолковать ему, что его зонтик мог бы быть для меня весьма полезен. Мы продолжаем беседу в приятной тени: он держит зонтик надо мной, легкой рысцой двигаясь с носилками.

Через два часа мы приходим на место. В то время как Саркэ заставляет меня проглотить огромное количество бананов, до нас доносятся протестующие крики – это Анг-Таркэ бесцеремонно выпроваживает брамина.

Я спрашиваю нашего сирдара:

– В чем дело?

Он объясняет как может:

– Бара-сагиб, это вор, а не носильщик! Хочет, чтобы ему заплатили четыре рупии за переход. А где его груз, хотел бы я знать?

Мой брамин, видя, что я беспокоюсь о нем, подходит и бормочет что-то непонятное. Анг-Таркэ продолжает:

– Бара-сагиб, он говорит, что он работал, когда шел, и что он очень устал, и что ему следует заплатить за труд.

– Give him two rupus^[111]. Горькое разочарование!

Мы уже приближаемся к Тансингу, и можно не опасаться, что носильщики сбегут. Все они мечтают дойти до "большого города" и бодро шагают вперед.

– Это Панзи!

– Не может быть!

Панзи, с которым мы расстались давно и о котором уже начали беспокоиться, подходит с невозмутимым видом со своей обычной приятной улыбкой, как будто он отлучился всего на несколько минут.

Все бросаются поздороваться с этим великолепным шерпом, совершившим девятнадцатидневный переход с одной лишь остановкой – в Дели, где он оставался в течение 48 часов.

– Почта!

Все в один голос восклицают:

– Почта?!

Это невероятно! В первый раз за все время мы получим свежие известия из Франции! Письма розданы, и лица скрываются за листами бумаги.

– Моя жена не вполне здорова, – поверяет мне Ишак. – Последнее письмо написано давно. Меня беспокоит, что с ней.

– Эй, послушайте! Организуется еще одна гималайская экспедиция!

Новость вызывает удивление.

– Вот это да!

– А много их?

– А куда они собираются?

Возникает перекрестный огонь вопросов и ответов. Не все получили хорошие известия, некоторые участники экспедиции озабочены и обеспокоены.

Вдали показывается зеленый холм. Саркэ указывает пальцем:

– Тансинг, Бара-сагиб, Тансинг! Неужели конец?

На следующий день после сильного ливня, хотя нам приходится

спускаться по страшно грязной тропинке, полной рытвин, носильщики не идут, а летят на крыльях. Тансинг всего в нескольких сотнях метров, мы уже на окраине. Снова маленькие домишки, пестрая и любопытная толпа. Мы пересекает город и наконец выходим на широкую, ровную площадку, где разбиваем лагерь. Террай с воодушевлением перетаскивает вещи, во все горло распевая (хорошая примета) единственную известную ему песню: "A u son joyeux des balalaïkas..."^[112]

У всех легко на душе.

Для контраста Удо после обеда оперирует. При этом я лишаюсь последнего большого пальца на ногах и большого пальца правой руки.

Начинается дождь. Меня кладут в палатку. Больше часа я с ужасом слушаю крики Ляшеная, подвергающегося первым ампутациям. Его страдания производят на меня ужасное впечатление, особенно когда я слышу его протестующее "нет! нет!", как будто он не может смириться с потерей того, что для него так дорого.

На следующий день в лагерь прибывают "власти". Губернатор, производящий на меня самое благоприятное впечатление, кажется, весьма расположен к нам. Почему бы ему не помочь нам набрать носильщиков? Он обещает сделать это немедленно. Сейчас утро 4 июля: через несколько часов носильщики будут в нашем распоряжении – какое облегчение!

В принципе миссия Ж.Б... кончается послезавтра в Бутвале, но мне хочется, чтобы он сопровождал нас до Катманду. Несомненно, он будет нам весьма полезен, но главное то, что это явится для него вполне заслуженной наградой. Ж.Б... соглашается на наше предложение и обещает провести необходимые переговоры с магараджей. Несколько часов спустя он, сияющий, врывается в палатку и объясняет, что магараджа дал свое согласие на его поездку в столицу.

Перед последним этапом нашего путешествия, когда мы готовимся к выходу в Бутвал, мне хотелось бы хоть немного привести себя в порядок. Я прошу достать парикмахера, ибо у меня отросла борода, как у древнего пророка. Ординарец Ж.Б... берется все устроить. Вскоре он возвращается в сопровождении непальца. Я с опаской слежу за его приближением, однако с восторгом предвкушаю, как бритва нежно заскользит по моей коже. Приносят воду, и парикмахер начинает меня намыливать. Он пользуется каким-то странным составом, не способным ни мылиться, ни давать пену, которым он решительно натирает мое лицо. Все десять пальцев, а также ладони энергично гуляют по моей физиономии – массаж довольно болезненный.

– Бештари, бештари!^[113] – взываю я. Но он, кажется, уверен в себе.

Вскоре все готово для бритья. Порывшись в своем ящике, он извлекает сомнительного вида орудие. Это маленькое стальное лезвие, очень короткое, зажатое между двумя бамбуковыми прутиками. В целом эта штука выглядит крайне подозрительно. Парикмахер берет мое лицо и начинает "брить". Лезвие тянет волосы, и он пальцами старательно вырывает их один за другим... Я испускаю дикие вопли... Он ворчит и не обращает на мои протесты ни малейшего внимания.

Удо просовывает голову в палатку. На его лице почти торжествующее выражение.

– Я перенес бы еще одну ампутацию, – кричу я, – чем услуги этого "парикмахера"!

Через час мои щеки и подбородок приобретают более или менее приличный вид. Теперь усы! Я особенно забочусь об их форме. Он принимается за дело, и на этот раз я чувствую, что лезвие режет самым настоящим образом! Я сжимаю губы – от усов не осталось и следа! Процедура окончена.

Ляшеналя отправляют в Бутвал в первой партии, руководимой Ребюффа. Я следую во второй. Вокруг нас столько зелени, что я не узнаю дорогу, по которой мы прошли три месяца назад. К вечеру мы оказываемся на вершине какого-то холма. Ишак рядом со мной.

– Взгляни, Морис! – говорит он и просит шерпов повернуть мои носилки так, чтобы я мог видеть покидаемую нами страну. В этот час все дышит какой-то неясной печалью. Возникает ли это чувство при виде высокогорных долин, грандиозных вершин, виднеющихся на горизонте, или при воспоминании о нашей почти невероятной борьбе, или это происходит потому, что мы чувствуем, что реальность незаметно переходит в мечту? Мы с Ишаком молчим.

Через несколько минут мы снова соприкоснемся с внешним миром.

Волнующая эпопея, связавшая нас с этими горами, вскоре отойдет в прошлое. Носильщики готовятся меня поднять: длинная процессия должна продолжать свой путь. Я пытаюсь дотронуться локтями до лица, мне кажется, что оно все изрезано морщинами. Должно быть, у меня совершенно седые волосы... Мое сердце переполнено, и я отворачиваюсь. Мы молча отправляемся искать ночлег.

На следующий день перед Бутвалом мы встречаем Нуаеля, вернувшегося из своей поездки в Горакпур.

– Хэлло, ребята! – едва завидев нас, кричит он издали. Вскоре он присоединяется к нам.

– Как поживаешь? Как в Индии – жарко?

– Угнетающе – настоящая баня!

Нуаель сообщает, что вагоны будут на станции Наутанва 6 июля, то есть завтра. Нельзя терять ни минуты. В сильную грозу, под проливным дождем мы прибываем в свой старый лагерь в Бутвале, где застаем Ляшеналья. Только тот, кто страдает, может понять страдания другого. Вот уже несколько дней Ляшеналь с бесконечным терпением и поразительным искусством возится с моими пропитанными гноем бинтами. Конец дня отводится для операции. Несколько раз я почти теряю сознание.

Весь груз собран. Но вопрос в том, достанем ли мы на следующий день грузовики, чтобы добраться до начала индийской железнодорожной линии, куда мы должны прибыть к 10 часам? Я прошу Ж.Б... сделать все, что в его силах. Он немедленно отправляется в путь среди ночи сквозь дремучие, гнилые джунгли, чтобы добраться до Бетсари. Утром 6 июля грузовики прибывают. Это триумф Ж.Б... и я его горячо поздравляю. Мы расплачиваемся с носильщиками и отправляемся в Наутанву. В джунглях полно обезьян; наше появление их нимало не смущает. У одного грузовика лопается камера. Нашему – не хватает бензина. Однако все устраивается: из двух вышедших из строя машин можно сделать одну действующую.

Наконец мы прибываем в Наутанву и размещаемся в двух вагонах, кажущихся нам настоящими дворцами. Вскоре после полудня весь багаж погружен, и поезд отправляется в Горакпур. Строятся всевозможные планы. Все мечтают как можно быстрее вернуться во Францию. Все члены экспедиции, в течение трех месяцев проявлявшие исключительное мужество и терпение, сейчас готовы на что угодно, лишь бы выиграть сутки. Однако трудно увязать самые разные желания. Что касается меня, я намерен во что бы то ни стало сдержать обещание, данное в самом начале экспедиции, и нанести визит магарадже Непала. Удо будет сопровождать меня в Катманду. С нами поедут также Ишак и Нуаель. Остальные отправятся в Дели, где будут ждать нас несколько дней. Ляшеналь же, чтобы избавиться от сильной жары, поедет на один из высотных курортов, например в Муссори.

Пока обсуждаются эти планы, Удо занят своим обычным делом. С ножницами в руках он «очищает» руки и ноги, несмотря на жару 45°C в тени и полчища moskitov. Мы приближаемся к Горакпуру. Теперь очередь Ляшеналья.

Через два часа экспедиция разделится, и почти неделю он будет лишен заботы нашего доктора.

Нас невероятно трясет; как Удо трудно оперировать: для ампутаций он

пользуется остановками. На перегоне все приводится в боевую готовность: разматываются бинты, раскладываются все необходимые вещи, готовятся лекарства, ножницы держатся наготове, чтобы Удо смог приступить к работе, как только поезд остановится.

– Давай, Бискант, твоя очередь! – торопит Удо. – Саркэ!

Ляшеналь предусмотрительно снял свои бинты сам и, готовый к жертве, протягивает палачу свою ногу. На станции перед Горакпуром он теряет два пальца на правой ноге. С тремя другими будет покончено в самом Горакпуре.

– Осторожней, Удо! Пожалуйста, поосторожней!

– Клянусь тебе, я делаю все, что могу, Бискант. Я не могу сделать большего.

– Давай, быстро!

Ляшеналь держит ногу обеими руками. Глаза у него почти вылезли на лоб, он умоляет Удо о пощаде.

– Горакпур, – говорит Шац. – Мы приехали!

Поезд замедляет ход. Кузи, Ребюффа, Шац и несколько шерпов готовятся прыгнуть в багажные вагоны. Все снаряжение необходимо быстро перегрузить в другие вагоны, прицепленные к поезду, отправляющемуся через час в Лакхнау.

С Удо крупными каплями льет пот. Он режет и режет, не обращая внимания на вопли Бисканта: остается полчаса, а надо отнять еще один палец. С того момента, как он начал, их уже набралось много. На этот раз ножницы слишком велики.

– Быстро, Мата, маленькие ножницы!

В этот момент поезд резко останавливается.

– Проклятие! – Ножницы упали в дверную щель. Удо выходит из себя. – Я пока буду продолжать, а ты попытайся их достать.

– Ничего не выйдет. Невозможно за одну минуту снять с петель громадную дверь!

– Черт с ними, буду продолжать этими!

Это вовсе не нравится Ляшеналю, но с большим пальцем должно быть покончено...

– Но я не хочу! Осторожней, осторожней! – говорит он сквозь рыдания.

У дверей появляются местные жители.

– Убирайтесь к... – рычит Удо. Они не понимают слов, но подчиняются, а это главное.

– Нет, Удо, пожалуйста!

На этот раз терпение Удо лопается. Он останавливается и смотрит на Ляшеналея.

– Ну, это, наконец, уже слишком! Ты мог бы быть хоть немного более покладистым.

Ляшеналь теряет дар речи... "Если быть покладистым, – думает он, – Удо с легкостью мог бы отрезать мне обе руки и обе ноги!"

На платформе все время толпится народ, пройти трудно.

– Саркэ! – кричит Удо и делает неопределенный жест рукой, означающий: "Убери все здесь!"

Омерзительный запах отпугивает даже местных жителей. Саркэ и Путаркэ принимаются за дело: они широко открывают дверь и импровизированным веником выметаюи все, что находится на полу. Среди прочего мусора виднеется внушительное число пальцев всевозможных размеров, вылетающих на платформу к ногам остолбеневших жителей. Поезд отправляется через несколько секунд.

Как только перевязка закончена, Террай хватает Ляшеналея и уносит его. Мы едва успеваем крикнуть:

– До свидания, Бискант! Держись! До Дели!

Раздаются свистки, поезд дергает и среди криков трогается. Мы проплываем мимо массы людей. Я едва успеваю заметить Террая, машущего нам на прощанье парой ботинок.

Убаюканный ритмичным пением колес, я мечтаю об этой далекой столице, куда мы направляемся, об этом городе из "Тысячи и одной ночи".

Есть еще другие Аннапурны

Поезд индийской компании О.Т.Р. мчится на всех парах. Ишак, Нуаель, Удо и я молча лежим на длинных полках купе, освежаемые струей воздуха из вентилятора. Мысли улетают, постепенно наступает ночь.

После двадцатичетырехчасового путешествия по равнине Ганга с комфортом, который нам кажется невообразимым, приезжаем в Раксаул. Здесь проходит граница Индии и Непала. Под руководством Саркэ и Панзи, сопровождающих нас до Катманду, наш багаж быстро перебрасывается на непальский вокзал. После Аннапурны Саркэ не отходил от меня ни на шаг. Работы ему хватало... Я часто вспоминаю о его выдающемся тридцатичасовом переходе, решившем, по существу, судьбу экспедиции. Катманду – это город его грез, сказочное видение, о котором он не смел и мечтать. Он, безусловно, заслужил эту награду, так же как и ветеран крупных гималайских экспедиций Панзи, преданность и спокойное добродушие которого так привлекательны. Сирдар Анг-Таркэ не смог к нам присоединиться: на его родине произошло громадное наводнение, и он очень тревожился за свою многочисленную семью. Он попросил отпустить его и уехал прямо в Дарджилинг. Прощание в Горакпуре было особенно трогательным. Кроме заработанных денег шерпы получили щедрый бакшиш и все личное снаряжение, представляющее для них большую ценность. Даже в Европе такое снаряжение является ультрасовременным. Шерпы поочередно приходили прощаться со мной, складывая, по индийскому обычаю, руки вместе. Некоторые, например Путаркэ, медленно кланялись в знак уважения, затем, касаясь меня рукой, прикладывались лбом к моей одежде. Хотя они и были довольны, что разделились с экспедицией, которая долго останется у них в памяти, однако на лицах была написана неподдельная печаль.

Присланному магараджей офицеру дано задание: смотреть, чтобы мы были обеспечены всем необходимым, и помочь добраться до Катманду. Плохая новость: поезд уйдет только завтра. Мы разочарованы, но отнюдь не удивлены: в Непале всего три паровоза! К счастью, ожидание удастся сократить благодаря стараниям трио офицеров связи: Нуаеля, Ж.Б... и непальского офицера. Сегодня в три часа ночи уходит товарный поезд, к нему прицепят для нас специальный вагон-люкс. Генерал Бижая, министр иностранных дел и родной сын магараджи, дал телеграфное предписание предоставить этот вагон в наше распоряжение.

Ночью, под надоедливый аккомпанемент сверчков и прочих насекомых, мы размещаемся в роскошном купе. Мои товарищи уже крепко спят, когда поезд медленно отходит от станции. В пути так ужасно трясет, что я боюсь, как бы меня не выбросило из постели. Ширина колеи всего 60 сантиметров! Крошечный вагон демонстрирует чудеса равновесия, от продольной и поперечной качки начинает мутить. Всю ночь не смыкаю глаз. Мы проезжаем через дремучие, гнилые джунгли.

Утром прибываем на конечную станцию. Офицер магараджи угощает нас сытным завтраком. Около вокзала приготовлены машины: для нас автобус, а для снаряжения – грузовой "шевроле". Меня усаживают на переднее сиденье. Уже больше месяца мне не приходилось быть в таком положении, но я настолько похудел, что не могу оценить по достоинству предоставленный мне комфорт. Тридцать километров, отделяющих нас от Бимпеди, можно было бы покрыть за несколько минут. Мы же потратили на этот путь более двух часов. Дорога узкая, но неплохая. Через многочисленные горные реки перекинуты стандартные, готовые мосты. Эта дорога – единственная в Непале, и жители очень ею гордятся. Она является важной жизненной магистралью, ведущей в Катманду. Понемногу набираем высоту. По временам встречаются серпантины. Грузовик неотрывно следует за нами. Взгромоздившиеся на него шерпы в восторге. Большое количество местных домов покрыто гофрированным железом. Это, пожалуй, наиболее безобразный из даров западной цивилизации местному населению. В 11 часов приезжаем в Бимпеди, где нас ожидают лошади и «дэнди»^[114].

Дорога здесь кончается, и, чтобы добраться до Катманду, куда мы должны прибыть к вечеру, приходится использовать горную тропу, непроходимую для автомашины.

У Удо болезненные фурункулы, которые он получил, ухаживая за нами, и, следуя моему примеру, он выбирает себе "дэнди". Тропа сразу же начинает подниматься серпантинами по очень крутому склону.

Поразительно ловкие носильщики ухитряются идти так, что я не чувствую ни малейшего толчка. Смена происходит на ходу, без снижения темпа. Путешествие длится весь день. «Дэнди» слишком мал для меня, и я вынужден согнуться чуть ли не вдвое, всячески оберегая свои повязки. Долго оставаться в таком положении невозможно. Удо "для храбрости" делает мне уколы соллюкамфоры. Вдоль дороги разбросаны рест-хаузы – здания, предназначенные для отдыха приглашенных гостей магараджи. В час дня мы прибываем в крепость, занятую соединением гурков. Непальцы, видимо, очень гордятся этим укреплением, построенным в стиле

Вобана^[115].

После легкого завтрака в рест-хаузе, расположенном наверху крепости, мы снова трогаемся в путь, так как до Катманду еще далеко и нам предстоит перейти через два перевала.

Мое положение становится невыносимым. Единственный выход, уже испытанный в мрачные дни Лете, – отупеть, оцепенеть, постараться отвлечься от настоящего, забыть о страданиях и боли. Как будто уже смеркается. С перевала высотой 2000 метров открывается горизонт. Подняв голову, замечаю множество тросов, пересекающих долину. Канатная дорога? Не может быть! Да! Это канатная дорога, причем, как я узнаю, самая длинная в мире: она тянется более чем на 30 километров и обслуживает Катманду с его окрестностями, то есть более ста пятидесяти тысяч жителей.

Мои товарищи на резвых лошадях ушли вперед. Говорят, они нас будут ждать у начала автомобильной дороги. Откуда здесь автодорога? Я не могу скрыть удивления, когда узнаю, что до Катманду мы доедем на машине. Как сюда могла попасть автомашина? Надеюсь, не по этой узкой тропе, где мы сейчас проходим с трудом!

Урывками удается получить кое-какие сведения.

– Она доставлена носильщиками? – И, обернувшись к Удо: – Значит, они толкают машину по этой тропе? Чепуха, посмотри, какая крутизна! В некоторых местах не пройдут рядом и двое пешеходов. Да возьми хоть сейчас! Мы только что перешли по металлическому мостику не более полутора метров шириной.

– Они не толкают машину... Они ее несут.

– Невероятно! Говорят, есть даже грузовики... а как же два перевала по 2000 метров?

Мои собеседники объясняют:

– Машина со снятыми колесами устанавливается на большой платформе, которую несут 50—70 человек. Большая часть тропы обходится по руслу рек, где носильщики идут босиком. Избежать перехода через два перевала нельзя, поэтому в этих местах тропа расширена и повороты не такие крутые. Чтобы облегчить этот тяжелый труд, носильщики поют ритмичные песни. Таким образом, в Катманду смогли построить сеть хороших дорог протяженностью почти 20 километров, по которым ходят около сотни машин.

Наступает ночь. Носильщики шли без отдыха весь день и сейчас с трудом взбираются на перевал. Говорят, что отсюда видна большая часть Гималайской цепи, а внизу, за устьем знаменитой Непальской долины,

раскинулся на равнине Катманду – историческая крепость страны с сотнями пагод, храмов, дворцов. Это внезапное явление, должно быть, поразительно. К сожалению, когда мы добираемся до перевала, вокруг кромешная тьма и к тому же небо покрыто облаками. Как ухитряются носильщики находить в такой темноте дорогу – непонятно! Об остановке не может быть и речи, хотя я так устал, что готов отдать Богу душу. Моя поза вызывает в памяти железные клетки времен Людовика XI...

Вдали мелькают электрические огни! На следующий день я узнал, что на реке Брагмати построена гидростанция. Время идет, огни приближаются невероятно медленно. Глубокой ночью мы проходим через спящие селения. Когда же все это кончится? Я уже не в состоянии дажестонать.

Около полуночи добираемся до деревушки. Вокруг бесшумно движутся какие-то тени: чувствую, что это конец пути. Действительно, недалеко нас ожидает допотопный американский автомобиль. Нужно рассчитываться с носильщиками, перегружать снаряжение на грузовик.

Мы с Удо усаживаемся в машину. Тотчас же обнаруживается, что одна камера лопнула. Четверть часа на смену колеса... Начинается дождь. Вперед! Дождь перешел в ужасающей силы грозу. По кузову барабанит ливень. Дорога плохая, рессора сломана.

В час ночи мы въезжаем в рест-хауз магараджи. На аллее у входа нам салютует вооруженный гурка. Раздаются крики... Нас ждут. Ишак, Нуаель, Ж.Б... выходят нам навстречу. С большой радостью я вижу также советника нашего посольства Кристиана Бея, исполняющего сейчас должность поверенного в делах Франции в Индии и Непале. Наш посол М. Даниель Леви в настоящее время во Франции, и в его отсутствие Кристиан Бель совершил это путешествие, чтобы лично представить магарадже членов экспедиции. Этот хороший друг в курсе всех наших дел, однако он явно потрясен моим состоянием.

Наконец-то, впервые за многие месяцы, я смогу отдохнуть... Здесь есть мебель! Стол, холодильник... В нашем распоряжении ванна... Но все это ничто по сравнению с тем, что ожидает нас на столе: бутылка эльзасского вина! У меня голова идет кругом, и я уже готов злоупотребить такой сказочной возможностью, однако важные метрдотели в тюрбанах с такой церемонностью наливают мне драгоценную жидкость, что я поневоле возвращаюсь к правилам хорошего тона. Приятный сюрприз: я смогу пользоваться кроватью. Мы собираемся пробыть здесь до 11 июля включительно. Для меня это означает три дня полного отдыха и хорошего питания, для моих товарищей – три дня на осмотр этой сказочной столицы.

Катманду – центр жизни всего Непала, колыбель страны. Мои

товарищи собираются в город. Перед уходом Удо "снимает кожуру" со всех четырех ран и просит меня побыть несколько часов без всяких повязок. Однако это нелегкая задача! Нельзя ни к чему прикасаться, нужно лежать, задрать руки и ноги, и тщательно оберегаться от мух и комаров. В таком положении время тянется медленно, и к тому же я очень боюсь этих насекомых, носителей всевозможной заразы. Мухи здесь огромные, с красным брюшком; они прилипают, как пластырь, и согнать их невозможно. Мои опасения вполне оправдались: в Дели, перевязывая меня, Удо обнаружил, что в ране на ноге кишат черви. Как только к ним приближался пинцет хирурга, они немедленно исчезали в глубине. Пока мы добрались до Парижа, они выросли до громадных размеров, толщиной с вязальную иглу... их было не меньше 200 граммов. Я пережил ужасное потрясение! Мысль, что ничто меня не пощадило, приводила меня в отчаяние. Это ужасное зрелище навсегда врезалось мне в память, несмотря на утешение Удо, утверждавшего, что черви очищают раны лучше любого современного лекарства. Говорят даже, что в некоторых случаях ими специально заражают раны.

Мои товарищи в восторге от своей экскурсии. Им удалось осмотреть множество пагод, украшенных резьбой по дереву, исключительно оригинальные статуэтки, напоминающие о том, что Непал пережил расцвет искусства.

На следующий день – подготовка к большому дурбару^[116].

Нуаель объясняет нам порядок церемонии, которая в конце дня состоится во дворце. Сперва будет официальная часть, затем прием примет более интимный характер. Мы все взволнованы. Об этом большом дурбаре нам уже давно прожужжали все уши. Прежде всего необходимо быть точным! Ни минутой раньше, ни минутой позже, этикет соблюдается строго. За исключением Кристиана Бея, который будет одет в мундир советника посольства, все остальные должны облачиться в пресловутые белые смокинги, которые мы таскаем с собой от самого Парижа. Из альпинистов, из путешественников мы должны за несколько минут превратиться в светских людей, и более того – в придворных!

– Мои брюки помяты, – жалуется Удо.

– Отдай их выгладить, – отвечает Ишак. – О дьявол! В жизни мне не продеть этих запонок!

– Я готов! – кричит наш дипломат Нуаель.

Надо мной хлопочет парикмахер, на этот раз более деликатный, чем в Тансинге. Ему удастся меня побрить, не порезав, – по-видимому, это величайший артист, так как мое лицо – лишь кожа да кости.

В назначенный час на двух огромных машинах мы въезжаем за ограду дворца. У входных решетчатых ворот салютуют гурки. За великолепной аллеей во французском стиле расположено озеро; мы медленно его огибаем.

Приближается конница: целое соединение, мчащееся рысью. Всадники в красной одежде, с висячими усами, вооружены пиками. Выезжаем на цементированную площадь и останавливаемся перед дворцом магараджи. Мои друзья быстро выходят из машин и распоряжаются, чтобы за мной прислали носилки. Подбежавшие солдаты помогают меня усадить. Мы поднимаемся по лестнице. Его высочество магараджа Непала идет нам навстречу, одетый в белый мундир, усеянный множеством необычайных орденов и редчайших драгоценностей. Его головной убор украшен крупными драгоценными камнями, среди которых выделяется феноменальный бриллиант диаметром в добрый десяток сантиметров. Усы в стиле императора Франца-Иосифа делают внешность магараджи еще более величественной.

Он подходит ко мне с благожелательным видом, с отеческим добродушием во взоре. Я почтительно приветствую его на индийский манер, складывая вместе свои перевязанные руки. Он говорит, что рад принять нас во дворце, счастлив поздравить меня и моих товарищей. Мы вместе с ним поднимаемся по лестнице и входим в громадный, залитый светом зал. Вокруг толпятся королевские вельможи, на нашем пути ряды расступаются. Магараджа приказывает поставить мои носилки таким образом, чтобы мне было хорошо видна вся церемония. Я с удивлением смотрю на окружающих: все одеты в такие же белые мундиры, как у магараджи, правда, не столь роскошные. Ослепительно сверкают изумруды, бриллианты, рубины. Как-то странно, что в наш век еще существуют такие баснословные сокровища.

Так как мы прибыли на несколько минут раньше, чем полагалось, у меня еще есть время как следует разглядеть выстроенных в порядке старшинства наследных принцев. Их примерно пятнадцать. Они сидят безмолвно, неподвижно.

Официальный пост магараджи, должность премьер-министра, передается им по наследству, в соответствии с очень строгими правилами, своим братьям или сыновьям. Король Непала почти никогда не показывается своим подданным. Он олицетворяет духовную власть. Справа, строго по рангу, сидят принцы, одетые в такие же сверкающие мундиры, затем министры, высшие офицеры армии – словом, вся непальская знать и именитые лица. Сидящий рядом Ишак шепчет:

– Потрясающе! Как ты себя чувствуешь?

– Ужасно... Мне кажется, я долго не выдержу.

Действительно, стоило мне принять вертикальное положение, как сквозь повязки начал просачиваться гной. Ишак тоже в затруднительном положении: этикет здесь весьма строг, один из самых строгих в мире, и лицу, удостоенному приема во дворце, не полагается выполнять обязанности фотографа. Но в этой стране фотография пользуется громадной популярностью, и присутствующие смотрят сквозь пальцы на нарушение этикета. Время от времени вспыхивает магний: Ишак исподволь фотографирует. Затем он вновь становится "приглашенным". Официальные придворные фотографы берутся с колоссальными аппаратами на штативах, которые они устанавливают так тщательно, как будто боятся, что в случае неудачи им отрубят голову.

На Ишака они посматривают со снисходительным видом. "Какой-то любитель... – думают они. – Нельзя же сделать снимок на лету!"

Кристиан Бель поднимается и обращается к магарадже с речью на английском языке. От имени Франции он благодарит магараджу за данное нам особое разрешение посетить Непал.

– Высочайшая вершина, побежденная человеком, находится в Непале, – говорит он.

В знак благодарности он преподносит магарадже от имени президента вышитый стенной ковер в современном стиле, обюссоновской работы. Однако в Непале этот вид прикладного искусства неизвестен, и, когда Кристиан Бель объясняет, что это не ковер, который расстилают на полу, а род вышивки, служащей, подобно картине, для украшения стен, все удивлены. Молчание нарушается шепотом восхищения.

Снова наступает тишина, затем встает магараджа. Отвечая нашему послу, он говорит, что с радостью дал это разрешение, которое мы использовали наилучшим образом. Этот акт, действительно носящий исключительный характер, показывает, как стремится магараджа содействовать укреплению дружеских отношений между Францией и Непалом, некогда установленных усилиями его отца и Сильвена Леви, великого французского ученого, специалиста в области санскрита.

Во время его речи наследные принцы переглядываются и незаметно посматривают на часы. Остается всего несколько секунд: неужели этикет будет нарушен? Нет! Магараджа произносит еще несколько любезных слов, и церемония окончена. Словно по волшебству, вельможи исчезают.

Через несколько минут начнется полуофициальная часть. Некоторые лица возвращаются уже в обычной форме: черный мундир, шапка из

подстриженного меха, а вместо орденов – лишь знак гурков: две скрещенные золотые сабли. Снова появляется магараджа. На этот раз на его груди лишь один орден – крест Почетного легиона. Общий тон изменился: мои товарищи беседуют с министрами и с наследными принцами, любующимися выставленной на большом столе вышивкой. Магараджа подходит ко мне, и в течение нескольких минут мы ведем дружескую беседу.

Я говорю ему о симпатии, которую питаю к его родине, так малоизвестной на Западе, о превосходном впечатлении, которое произвел на нас сопровождавший нас офицер Ж.Б... Рана. Ж.Б... немедленно производится в лейтенанты, а его жалованье удваивается! Весьма взволнованный, он, стоя на почтительном расстоянии, робко рассыпается в знаках благодарности и, согнувшись вдвое, отвечает магарадже уже известный нам странный поклон.

Эти суровые воины, как показывает история, едва ли склонны к нежным чувствам. Поэтому я поражен, увидев такое внимание, столько доброты по отношению ко мне. Внезапно воцаряется молчание: входят какие-то лица, почтительно несущие небольшие коробочки. В чем дело? Магараджа встает, меня переносят на середину громадного зала. Нас окружает двор. Тут же присутствуют недавно прибывшие послы Англии и Индии со своими атташе.

Торжественно открыв футляры, магараджа объясняет, что король нездоров, а потому поручил ему вручить мне высший орден Непала, которым награждаются лишь солдаты и офицеры непальской армии во время войны, а именно "Доблестную правую руку гурков".

Очень волнуясь, он произносит простые слова:

– Вы проявили исключительное мужество, и мы приветствуем вас как мужественного человека.

Ни одна награда не могла бы тронуть меня больше, чем этот орден смелых гуркских воинов. Сидя на своих носилках, едва не теряя сознания, я пытаюсь связать несколько ответных слов. Я благодарю за эту неожиданную награду и говорю, что в моем лице награждена вся экспедиция. Магараджа поздравляет меня. Затем мимо меня проходят наследные принцы, министры, дипломаты, то и дело слышится: "Congratulations!"^[117]

Постепенно все общество разбивается на небольшие группы. Время от времени ко мне подходят магараджа и его сын, генерал Бижая. Они осведомляются о моем самочувствии, расспрашивают о царстве вечных снегов: история Аннапурны их интересует и беспокоит. Будем надеяться,

что, если произойдут какие-нибудь несчастья, то нам, нарушившим божественные законы, не поставят это в вину.

Пора уходить, я совершенно обессилен... Долг выполнен до конца. Мои товарищи это хорошо понимают, и мы прощаемся с хозяином. Его высочество с сыном в сопровождении других вельмож торжественно провожают нас до грандиозной лестницы. Мне не терпится лечь, но в тот момент, когда мы начинаем спускаться по ступеням, внезапно слышится отрывистая команда: медленно подъезжающие машины останавливаются.

Раздаются звуки музыки. Все встают в положение "смирно". С последним аккордом я поворачиваюсь к министру иностранных дел и, желая сделать ему приятное, хочу сказать: "Как любезно с вашей стороны исполнить для нас эту мелодию!" Хорошо, что я не успеваю раскрыть рта; министр наклоняется ко мне со словами:

– Как вам понравился наш национальный гимн?

– Великолепно! И особенно трогательно для нас, французов...

В этот момент раздается "Марсельеза". Мы поражены и взволнованы, услышав звуки родного гимна в стране, столь далекой от нашей отчизны. Очевидно, исполнение его потребовало длительной подготовки.

Наступает молчание. Магараджа прощается с нами. Мы почтительно кланяемся и садимся в машины. Снова отрывистая команда, и вновь льются звуки "Марсельезы", машины медленно трогаются.

Вечером мои товарищи ужинают в английском посольстве и отправляют послание Тилману, находящемуся сейчас в районе Манангбота. На следующий день после заслуженного отдыха мы едем осматривать одну из бывших столиц – Бадгаон, где обнаруживаем поражающие роскошью индусские пагоды.

В центре Катманду, на площади возле храма, мы любуемся статуей богини Кали. Мои товарищи отправляются осматривать знаменитую буддийскую «ступу»^[118] Сваямбхуната, над которой возвышается башня, сделанная из концентрических металлических обручей.

На следующий день, 12 июля, общий отъезд. Согласно традиции, каждому из нас надевают на шею венок душистых цветов.

Мы покидаем рест-хауз. Магараджа позаботился о том, чтобы облегчить мне обратный путь. Меня кладут на удобные носилки, которые несут восемь человек. Снова начинается уже ставшая привычной тряска; тропа поднимается к перевалу.

Ж.Б. сопровождает нас до первого серпантина. Он честно служил нам, и в знак личной признательности я дарю ему свой револьвер, с которым не расставался в течение всех военных лет, В здешних краях это оружие

неизвестно, и Ж.Б... очень тронут подарком, который всю жизнь будет напоминать ему о наших похождениях.

Он никак не может с нами расстаться. Волнуясь, он прощается со мной, некоторое время идет рядом с носилками и постепенно отстает. Тропа поднимается на холм, скоро она затеряется в джунглях... Гирлянды цветов благоухают... На лице Ж.Б... бесконечная грусть, и слезы стекают по его загорелым щекам. Мой взор обращен к далеким голубоватым вершинам: здесь собрались все великаны мира. Устремив свои сверкающие вершины к небу, они как бы застыли в отчаянной мольбе...

Товарищи ушли далеко вперед. Мерное покачивание носилок отрывает меня от сказочного видения, которое скоро станет лишь воспоминанием.

Я отдаюсь приятной дремоте и пытаюсь в грезах представить себе первую встречу с цивилизованным миром в самолете. С ожидающими нас на аэродроме в Орли родными, друзьями...

Однако невозможно вообразить то жестокое волнение, которое я в действительности испытаю в эту минуту, то сильное нервное потрясение, которое готовит мне судьба. Эти операции прямо под открытым небом, эта тошнотворная бойня притупили постепенно наши чувства. Мы не осознаем уже в полной мере всего ужаса: отрезанный палец, выбрасываемый, как ненужный хлам, текущая, брызжущая кровь, невыносимый запах гноя – все это не производит на нас никакого впечатления.

Конечно, перед посадкой мы с Ляшеналем сделаем себе в честь «приезда» красивые повязки, однако в первый же момент все эти дружеские, полные жалости взгляды в одно мгновение сорвут тщательно приготовленную маску.

Нас нечего жалеть... И все же эти слезы в уголке глаз, эти растерянные взгляды грубо, жестоко вернут меня к действительности. Странное утешение, которое откроет нам глаза на наше горе...

Покачиваясь на носилках, я размышляю о завершении нашей эпопеи, о нашей неожиданной победе. Об идеале говорят всегда как о цели, к которой человек вечно стремится и которую никогда не достигает.

Для каждого из нас Аннапурна – это достигнутый идеал. В юности нас не волновали ни фантастические рассказы, ни кровавые битвы современных войн, дающие пищу детскому воображению. Горы были для нас природной ареной, где на границе между жизнью и смертью мы обрели свободу, которой бессознательно добивались и которая была нужна нам как хлеб.

Горы щедро дарили нам свои красоты. Мы восхищались ими с наивностью детей и почитали их, как монах – божественную идею.

Аннапурна явится сокровищем в наших воспоминаниях для всей нашей будущей жизни. С этой мыслью мы переворачиваем новую страницу... Начинается новая жизнь!

Есть и другие Аннапурны в жизни людей...

notes

Примечания

1

В действительности на земном шаре насчитывается 14 восьмитысячников, т. е. вершин более 8000 м над уровнем моря. (Примеч. перев.)

Известный французский исследователь Арктики. (Примеч. перев.)

Народность, исповедующая буддизм, обитающая в одной из горных долин в восточной части Непала. Эти горцы являются полупрофессионалами в гималайских экспедициях. Они нанимаются по договору

Неудачная игра слов. Французские альпинисты, разговаривая на альпинистском жаргоне, сократили «РНумалауа» в «iles» (что значит "острова"), подчеркивая этим, что для альпинистов Гималаи – нечто вроде рая, естественно отделенного от прочего мира

горная цепь Гималаев простирается примерно на 3000 км, в ней находится около 200 вершин высотой более 7000 м и 14 вершин – более 8000 м.

23 апреля 1951 г. на заседании Французской академии наук был сделан доклад по геологическим исследованиям, проведенным экспедицией. Произведенные наблюдения позволили уточнить основную геологическую структуру Центральных Гималаев

Марсель Ишак

Аэропорт около Парижа. (Примеч. перев.)

Альпинистское снаряжение с зубьями, надеваемое на ботинки для хождения по ледовым склонам. (Примеч. перев.)

Олд-Дели – старый город, Нью-Дели – новая административная столица

Велорикши

В рупии 16 анна. В 1950 г. рупия равнялась 74 франкам

Индийская авиакомпания

Согласно религиозным обычаям, сикхи не имеют права срезать ни единого своего волоса

Начальник

Нездоровая местность, раскинувшаяся у подножия первых гималайских хребтов и прозванная "гималайским тротуаром"

17

Примерно 40 кг

Бара-сагиб, хотите зонтик? (В этой стране зонтики употребляются для защиты как от дождя, так и от солнца.)

Неотольшой приток Ганга ("кхола" означает реку или поток)

Бунгало

21

Принадлежит его высочеству (магарадже)

Прозвище Ляшенала, на местном наречии савой значит "сидр"

Одежда индийских женщин

Святой человек

За стол! (буквально – есть!)

Удо обеззараживал воду таблетками гипохлорида

Каждый носильщик в указанном ему месте против имени, написанного бабу (писарем), прикладывает большой палец, предварительно намазанный чернилами

См. карты на рис. 2 и 3

Проводники-охотники

Отдельно стоящая на гребне скала. (Примеч. перев.)

Голубые горы. Эта непроходимая горная цепь образует громадный заслон между Тукучей и Аннапурной. Чтобы добраться до Аннапурны, нужно обойти Нилгири с юга, вдоль Миристи-Кхола, или с севера

Так прозвали Кузи за его худощавость и тонкие черты лица

Приемо-передающие портативные УКВ-рации. Радиус действия их равен примерно двум километрам

Чаю для Бара-сагиба?

Утренняя закуска перед завтраком

См. маршрут на большой карте в конце книги. Все маршруты пронумерованы в хронологическом порядке и сведены в указателе

Восточный ледник расположен между северным и северо-восточным гребнями. На первый взгляд это общий путь подхода к обоим гребням

Муссон начинается в первых числах июня

В этот комплект входили: двухместная нейлоновая палатка, два утепленных спальных мешка, два коротких надувных матраса, легкая спиртовая кухня, посуда – общий вес около 10 кг

Глиссирование— скольжение на ногах по снегу с опорой или без опоры на ледоруб

Он из Тинигаона

Друг префекта!

Ребро Уэлкера северной стены Гранд-Жорас – один из труднейших маршрутов в Альпах

Полоски из тюленьих шкур, надеваемые на лыжи для уменьшения отдачи

Затвердевший под действием ветра и солнца снег. (Примеч. перев.)

Устали, сэр?

Впоследствии эта седловина получила название "Перевал 27 апреля"

Ледяные башни разнообразной формы. (Примеч. перев.)

Да, сэр!

50

Где?

Здесь

Под снегом на ледниках может всегда скрываться трещина это постоянная опасность

Так мы называем ледовые крючья, молотки для их забивания, карабины, в которые пропускается веревка...

Известный ледовый маршрут в массиве Монблана

Поздравляю с твахом!

Хотите риса, Ж.Б...?

В Тансинг отправляется солдат. Есть ли письма?

Это тяжелое испытание оставило у нас мрачные воспоминания; оно заключалось в том, что испытуемый должен был дуть в трубку и поддерживать в ней давление 40 миллиметров ртутного столба. Полный цикл исследований включал в себя около двадцати различных испытаний.

Другой восьмитысячник (8120 м), расположенный к востоку от Аннапурны

"О драгоценность в цветке лотоса!"

61

Поджаренная ячменная или кукурузная мука, обычная пища тибетцев

Религиозный памятник, обычно имеющий форму перевернутого колокола

Дорога на Муктинат сокращает путь на один день

На Муктинат-Гимал, против Большого Барьера

Пирамида из камней

Наука, изучающая замерзшие почвы

Наскоро сделанный черновой рисунок местности. {Примеч. перев.}

Все готово!

Короткие, до колен, брюки с карманами. {Примеч. перев}

Конюхи

Техническая сложность скальных участков оценивается по 6-балльной системе. Самая легкая категория – 1-я, самая трудная, на границе возможного, – 6-я. Насчитывается всего несколько альпинистов, способных пройти участки 6-й категории. Большинство известных маршрутов в Альпах оценено 4-й категорией. В Гималаях, где трудность восхождения увеличивается из-за высоты, альпинисты обычно избегают сложных маршрутов или, во всяком случае, стараются выбирать маршруты не выше 4-й категории трудности. В России принята 5-балльная система классификации маршрутов с подразделением каждой категории на А и Б. {Примеч. перев.}

Так назывались на экспедиционном жаргоне наиболее сытные консервы, составлявшие основное питание

Тонкая вспомогательная веревка. (Примеч. перев.)

Специальные питательные напитки. (Примеч. перев.)

Резиновые подметки с крупнорельефным рисунком, увеличивающим сцепление

Вертикальная расщелина в скале

Свободный спуск по двойной веревке с последующим выдергиванием
ее

То есть снимаем кошки, прикрепленные к ботинкам ремнями

Таково прозвище Марселя Шаца, данное ему альпинистами за пристрастие к организационным делам

См. схематическую карту Главного хребта Аннапурны {рис. 6}

"Длинный человек"

Приспособление из брезента, с лямками, для переноски пострадавшего на спине

Теперь готово!

Все сагибы теперь уйдут

Это надо быстро отнести в Туучу для всех сагибов...

Иди, Саркэ! Счастливого пути! Это очень важно...

Челноками называются повторные рейсы по одному и тому же маршруту для организации промежуточных лагерей

Большая ступень, в которой могут поместиться обе ноги

Таково было показание наших альтиметров

Этот шерп на пути от Тукучи до базового лагеря отличался чрезмерной склонностью к употреблению чанга

Нет, спасибо, это только для сагиба!

Начиная с Чойя, расположенной примерно на высоте 2500 метров, он без единого дня перерыва поднялся до 7000 метров

В действительности, как было установлено позднее, мы находились на высоте 6850 метров

Она очень похожа на "Птичий Клюв" Грeпона в массиве Монблана

Лямбер Раймон – проводник из Женевы. После трагического восхождения, во время которого он сильно поморозился, у него были ампутированы пальцы обеих ног

Верхние лагеря не должны были оставаться незанятыми

Теперь... доктор-сагиб... быстро, очень быстро!

Держите меня крепче, потому что...

Айла, внимание!.. Внимание!..

В этот момент мы с Ляшеналем выходили из лагеря V по направлению к вершине.

Удо и Нуаель намеревались подняться в лагерь II и установить там палатки взамен унесенных Гастоном и Лионелем. Для Удо этот подъем явился важной проверкой эффективности использования кислорода

"Увидели". (Примеч. перев.)

103

В действительности – 150 метров

Северная стена вершины Эйгер сложное восхождение в Альпах

Не спеши, Аджоба!

Изогнутый кинжал, национальное непальское оружие

Ледоруб был найден через два дня

Хорошее место!

Хирургический инструмент в форме скребка, применяемый для чистки костей и отделения живой ткани от мертвой

Харрер был участником германской экспедиции

111

Дай ему две рупии

"Под веселые звуки балалаек..."

Осторожней!

Носилки для переноски пассажира в сидячем положении

Знаменитый французский военный инженер. (Примеч. перев.)

В Непале – торжественная аудиенция у короля

"Поздравляю!"

Надгробный монумент, в котором хранятся прах или реликвии Будды, или же просто памятник